

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (48)

2021

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выпускается 2 раза в год.

Главный редактор:
С. М. Косенок, д-р пед. наук, профессор

Редакционная коллегия:
Баканов С. А., д-р ист. наук, доцент
Исаев В. И., д-р ист. н., профессор
Исупов В. А., д-р ист. наук, профессор
Ищенко О. В., д-р ист. наук, профессор
Карпов В. П., д-р ист. наук, доцент
Кириллюк Д. В., канд. ист. наук, доцент
Прищепа А. И., д-р ист. наук, профессор
Пузанов В. Д., д-р ист. наук, профессор
Солодкин Я. Г., д-р ист. наук, профессор

Выпускающий редактор:
Р. Б. Ахметов
Переводчик:
К. А. Подлущая

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки на сайте
elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел. (3462) 76-30-76, факс (3462) 76-29-29, e-mail: ys@surgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Артеменко Р. В. Генезис экологических программ при формировании газотранспортной индустрии Западной Сибири 1960–1982 гг.	5
Билль М. В. К вопросу о деятельности государственных арбитражей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны	9
Веселов С. И. Пространственное развитие сети автодорог Сургутского нефтегазодобывающего района (на примере автомагистрали Сургут – Нефтеюганск)	13
Задорожная О. А. «Общество попечения о начальном образовании» Томской губернии в конце XIX – начале XX вв.	19
Ищенко О. В. Кружковая деятельность учащихся Тобольской сельскохозяйственной школы в начале XX в. в воспоминаниях участников событий	24
Кирилюк Д. В. Организация системы родовспоможения в Югре в сер. 1940-х гг.	28
Корженевский К. Б. Уточнение западной границы Сибирского края в середине 1920-х гг., на примере перехода пограничных селений Боярки и Цветково в Ишимский округ	34
Красовитова Э. С. Деятельность органов советской власти и общественных организаций по улучшению экологического состояния городов севера западной Сибири в середине 1960-х – конце 1980-х гг.	38
Кузнецова А. А. В борьбе за право на эмиграцию из СССР: история Феликса Кочубиевского	42
Курская А. Е. Преподавательский состав Тобольской губернской гимназии с 1789–1870 гг.	45
Легостаева А. Ю. Оценка состояния материально-технической базы противотуберкулезных учреждений в Ханты-Мансийском округе в 1965–1985 гг.	48
Лешукова Е. В. Геологоразведчик Анатолий Индекович Ким и начало большой нефти в Сургутском Приобье	52
Медведев В. В. Мордва Тобольской губернии – Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: к вопросу о расселении и численности в 1897–2010 гг.	57
Прищепа А. И. По поводу административного центра освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции	63
Чижик К. В. Создание культурно-досугового пространства на территории Сургута в сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.	69

Юдакова В. С.

Изучение керамики русских городов и острогов Сибири: систематизация опыта 74

Сведения об авторах 78**Требования к оформлению материалов** 80

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93/94

DOI 10.34822/2312-377X-2021-2-5-8

*Артеменко Р. В.**Artemenko R. V.***ГЕНЕЗИС ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
ГАЗОТРАНСПОРТНОЙ ИНДУСТРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1960–1982 ГГ.****THE GENESIS OF ECOLOGICAL PROGRAMS IN THE FORMATION
OF THE GAS TRANSPORTATION INDUSTRY IN WESTERN SIBERIA 1960-1982**

В статье рассматривается вопрос развития экологических программ при строительстве системы газопроводов Западной Сибири. Актуальностью работы является значимость решения экологических проблем в современных реалиях, в условиях строительства большого количества газотранспортных траекторий. Отметим, что обращение к опыту разработки комплексных экологических программ способствует оптимизации технологий, финансовых расходов и других составляющих в настоящем. Акцентируем внимание на недостаточной изученности проблемы в современной историографии.

Основная концепция, выдвигаемая автором, – отсутствие комплексных экологических программ в СССР вплоть до 1982 года, момента разработки территориальной комплексной схемы охраны природы (ТерКСОП) на трассах строительства и эксплуатации газопроводов. Безусловно, что до 1982 года уделялось внимание экологическим проблемам, при генезисе газовых магистралей как факторе негативного воздействия на окружающую среду. Однако экологические программы не имели комплексного характера, а основной задачей развития газовой индустрии Западной Сибири была доставка газа потребителю, в ущерб окружающей среде. Такой подход привел к возникновению большого количества экологических проблем.

The article considers the issue of the development of environmental programs during the construction of a gas pipeline system in Western Siberia. The relevance of the work is the importance of solving environmental problems in modern realities, in the conditions of construction of a large number of gas transmission trajectories. It should be noted that the appeal to the experience of developing integrated environmental programs contributes to the optimization of technologies, financial costs and other components in the present time. We focus on the insufficient knowledge of this problem in modern historiography.

The main concept put forward by the author is the lack of integrated environmental programs in the USSR until 1982, the moment of the development of the territorial integrated scheme of nature protection on the routes of construction and operation of gas pipelines. Surely, until 1982, attention was paid to environmental problems, with the genesis of gas pipelines as a factor of negative impact on the environment. However, environmental programs did not have a comprehensive nature, and the main task of the development of the gas industry in Western Siberia was to deliver gas to the consumer, to the detriment of the environment. This approach has led to a large number of environmental problems.

Ключевые слова: Западная Сибирь, экология, газопроводы, газовая индустрия

Keywords: Western Siberia, ecology, gas pipelines, gas industry

Проблемы экологии занимают одну из главенствующих позиций во внутренней политике современных государств, Российская Федерация не является исключением. О важности экологических проблем говорит тот факт, что Президент России В. В. Путин поручил правительству разработать и утвердить программу в области экологического развития РФ и кли-

матических изменений на 2021–2030 годы [10]. Важно отметить, что газовая промышленность и ее составляющая газотранспортная индустрия оказывают сильное негативное влияние на экологию не только нашего государства. В свете запуска и строительства новых «газовых рек», пути решения проблем негативного воздействия трубопроводов на экологию являются весьма актуальными, но не новыми. Уже на заре становления газотранспортной индустрии Западной Сибири отрицательные стороны воздействия на окружающую среду находили решения в создании и реализации экологических программ. Именно западносибирские газовые трубопроводы, построенные в уникальных геокриологических условиях, являются основными факторами негативного воздействия на ранимую природу Севера Сибири.

Актуальность вопроса, имеет и другую сторону, не смотря на большое количество работ по исследованию антропогенного воздействия на север Тюменской области, именно вопрос воздействия газопроводов на природу в историографии освещен крайне скудно, можно констатировать факт не изученности проблемы. Профессор Е. И. Гололобов является одним из ведущих исследователей истории экологических проблем при формировании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Его подход характеризуется комплексностью и охватывает весь спектр антропогенного воздействия, а факторы негативного влияния газопроводов исследуются недостаточно [6, с. 71–80]. Другой исследователь вопросов экологии Западной Сибири, историк М. С. Мостовенко ограничился лишь территорией ХМАО и влиянием на природу нефтяной отрасли [9, с. 166–175]. Итак, предметом нашего исследования является генезис экологических программ, которые касаются факторов негативного воздействия газотранспортной индустрии Западной Сибири на окружающую среду.

Основная гипотеза научной работы заключается в отсутствии комплексной экологической программы вплоть до 1982 года. Конечно, руководство СССР и газовых предприятий осознавали проблемы экологии, однако генеральной линией была добыча и доставка «голубого топлива» потребителю. Уже в 1958 году выходит приказ № 284 Главного управления геологии и охраны недр при Совете министров РСФСР «Влияние создания газопроводной системы на экологию и развитие традиционных отраслей хозяйства и промыслов». Однако документ отражал в большей части влияние развития газовой индустрии на традиционные хозяйства и промыслы. А 27 октября 1960 г. был принят закон об охране природы в РСФСР. Декларировалась необходимость охраны природы и рационального использования природных ресурсов, что в последующем было закреплено в основном законе страны – Конституции. Создавалось законодательство, регулирующее природоохранную сферу и рациональное использование природных ресурсов: Кодексы, постановления сессий и указы президиума Верховного Совета СССР, совместные постановления партии и правительства, отдельные постановления Совета министров СССР [6, с. 13].

Таким образом, специализированных документов касательно газопроводов как фактора экологического воздействия не было, а тем более отдельных комплексных экологических программ, и это в момент освоения. Уже в 1953 году в Березово было открыто первое газовое месторождение в Западной Сибири, а к 1959 году разведанные запасы газа составили 54 393 млн м³. К 1962 году в Березовском газодобывающем районе было открыто 22 газовых месторождения [4, с. 15]. Такие грандиозные открытия и перспектива формирования газотранспортных магистралей должны были иметь комплексную экологическую программу, но советская система не сгенерировала ее. Сибирские открытия свидетельствуют о неожиданности столь грандиозных открытий для Советского Союза. Вторым фактором, влияющим на недостаточность природоохранных мер, является не развитая сеть газовых трубопроводов в СССР в целом. Так, первый советский крупномагистральный газопровод был запущен лишь в 1946 году [11]. К 1959 году действовали только трубопроводы Саратов – Москва, Ставрополь-Москва и ряд небольших газопроводов в Украине, Азербайджане, некоторых областях и республиках [1, с. 9].

А что же представляет из себя природный газ как фактор экологического воздействия? В экологическом отношении природный газ является самым чистым видом минерального топлива. При его сгорании образуется значительно меньшее количество вредных веществ по сравнению с другими видами топлива [5, с. 292]. Газ – экологически более чистое топливо,

в отличие от угля, что является его кардинальным преимуществом. Но транспортировка газа – сложный инженерно-технический процесс, оказывающий негативное воздействие на природу. Газопровод загрязняет воздушный и водный бассейны, разрушает земельные угодья, угнетает флору и фауну. С точки зрения расположения магистралей, выделяются региональные и трассовый уровни воздействия, как покажет практика эксплуатации, последний принцип более прогрессивный и ляжет в основу комплексной экологической программы.

Итак, к моменту запуска первого сибирского крупномagистрального газопровода был введен в строй 4 февраля 1966 года, сохранность нетронутой сибирской природы находилась под угрозой. И только спустя 10 лет, в июне 1976 года комиссия Мингазпрома предписала ПО «Тюменьгазпром» соблюдать меры по охране окружающей среды. Вся инженерно-техническая документация должна была содержать раздел «Охрана окружающей природы», а самое главное – должна была проходить согласование в контрольно-инспектирующих органах соответствующих министерств.

Принятые газовым министерством меры способствовали созданию плана рекультивации земель вдоль трасс газопроводов и вспомогательных объектов. Кроме ликвидации нарушения почвы, строились и совершенствовались очистные сооружения для сохранности водных ресурсов, были разработаны безводные технологические процессы, укреплялись берега рек [12, с. 359–399]. Для сохранности вечной мерзлоты трубопроводы стали строить на сваях-опорах [13, л. 96]. Одновременно проходили мероприятия по сохранности лесов, выделялись специальные лесобилеты. Материалы землеотводов курировал Институт Южнигипрогаз. Сложнее всего было строительство газовых траекторий на самом севере Тюменской области [16, л. 8]. Для уменьшения давления на грунт и растепления вечной мерзлоты применяли суперблоки на воздушной подушке, эстакады [7, с. 270]. Особенный урон почве северных округов наносила тяжелая строительная техника. Историк Н. М. Пашков проанализировал парк машин и механизмов в строительных организациях Тюменской области в 1965–1980 гг., резюмировав увеличение бульдозеров в 11 раз, кранов – в 12 раз, тракторов – в 5,6 раз, экскаваторов – в 12,8 раз [1, с. 10]. Такой огромный массив тяжелой, в большей части гусеничной техники, способствовал разрушению почвы в тундре и тайге.

В целом с 1976 по 1982 гг. на решение всего комплекса экологических проблем тюменские газовики выделили 66 миллионов рублей [14, л. 72–73]. Констатируем, что принимаемые государственными органами власти и руководителями газовых объединений и трестов были крайне недостаточными, именно в этот период времени наблюдается большое количество аварий. С 1976 по 1980 гг. только на магистрали Уренгой – Челябинск – Петровск произошло 10 аварий. А за 1981 год в Тюменской области произошло девять крупных аварий на газопроводах, что доказывает рост экологических проблем вдоль трасс трубопроводов и регионе [8, с. 375].

Отметим, что в связи с массовыми стройками объектов газотранспортной индустрии наблюдались вспышки инфекционных заболеваний. Миграция трудовых ресурсов для строительства газопровода Игрим – Серов сопровождалась распространением инфекционных болезней. Вследствие чего часть средств выделялось на улучшение условий проживания населения, включая санитарно-эпидемиологическую обстановку [2, с. 202].

В результате в начале 80-х годов началась разработка территориальной комплексной схемы охраны природы (ТерКСОП) на трассах строительства газопроводов. Уже 25.05.1982 была разработана «Комплексная схема охраны природы на трассах строительства магистральных газопроводов в районах Западной Сибири и Крайнего Севера». Программа включала в себя: разработку и обоснование природоохранной нормативной базы, создание специальных требований к технике, вопросы восстановления экосистем Севера, экономические критерии оценки ущерба, создание охраняемых территорий [15, л. 23].

Таким образом, только к 1982 году можно констатировать факт разработки комплексной экологической схемы охраны природы при формировании и эксплуатации газотранспортной системы Западной Сибири. Советское государство с его плановой системой экономики и неповоротливым централизованным аппаратом управления, не смогло оперативно разработать специальную экологическую программу. Основной задачей, стоявшей перед

государством, было снабжение промышленно развитых территорий СССР голубым топливом в ущерб сохранности окружающей среды. Однако, даже не смотря на разработку экологической программы, не удалось решить целый ряд проблем: захламливание территорий, газовые выбросы в результате аварий трубопроводов, нарушение ранимого слоя тундры гусеничной техникой.

Литература

1. Артеменко Р. В. Механизмы и транспорт на стройках газопроводных траекторий Западной Сибири 60-80-х годов XX столетия // Исторический Бюллетень. 2020. № 4 Т. 3. С. 9–17.
2. Артеменко Р. В., Скрипников П. Н. Деятельность медвузов Западной Сибири по лечению заболеваний строителей газовой индустрии в 60–70-х гг. XX в. // Вопросы истории. 2021. № 4–2. С. 201–208.
3. «Березовскому газу – 50» / материал подготовлен Л. Андрияновой. Березово, 2004. 70 с.
4. Газотранспортные магистрали Западной Сибири / Г. В. Крылов, Л. Г. Рафиков, В. А. Иванов [и др.]. – М. : Недра, 1990 (1991). 258 с.
5. Галунова Д. В. Горюнкова А. А., Экологические проблемы газовой промышленности // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2014. № 11-2. С. 292.
6. Гололобов Е. И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2019 № 61. С. 71–80.
7. Гольд А. Медвежье: имена и судьбы : к 25-й годовщине со дня образования предприятия по добыче и транспортировке природ. газа «Надымгазпром». Екатеринбург : ТОО «СВ», 1996. С. 270.
8. Каширов С. С. 56 лет по пути развития газовой промышленности : воспоминания ветерана. М. : Газпром экспо, 2012. С. 375.
9. Мостовенко М. С. Экологические проблемы индустриального освоения Сибирского Севера в 1970–1980-е гг. (по материалам деятельности постоянных комиссий по охране природы Ханты-Мансийского района // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2020. № 6 (69). С. 166–175.
10. Путин поручил разработать программу в области экологии и климата на 2021–2030 гг. Текст : электронный. URL: <https://iz.ru/1121980/2021-02-08/putin-poruchil-razrabotat-programmu-v-oblasti-ekologii-i-klimata-na-2021-2030-gg> (дата обращения 26.07.2021).
11. 50-летие газопровода «Иgrim – Серов» : текст подготовлен по материалам ООО «Газпром трансгаз Югорск» // ПАО «Газпром» : офиц. сайт. 2003–2021. URL: <https://www.gazprom.ru/about/history/events/igrim-serov50> (дата обращения 20.05.2021).
12. Газовая промышленность СССР : документы и материалы (1944–1990) / под ред. Я. С. Ядгарова. М. : Современная экономика и право, 2007. С. 395–399.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 109. Д. 437.
14. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7224.
15. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 8457.
16. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7379.

Билль М. В.
Bill M. V.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРБИТРАЖЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ON THE ISSUE OF THE ACTIVITIES OF STATE ARBITRATION COURTS IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

В статье затрагиваются некоторые проблемные вопросы, с которыми Государственные арбитражи Западной Сибири столкнулись в годы Великой Отечественной войны, в том числе: недостаточная скоординированность действий, связанная с эвакуацией Государственного арбитража СССР, недостаточная обеспеченность квалифицированными кадрами, низкие темпы и качество рассмотрения споров и т. п.

The article touches upon some problematic issues that the State Arbitrations of Western Siberia faced during the Great Patriotic War, including: insufficient coordination of actions related to the evacuation of the USSR State Arbitration, insufficient provision of qualified personnel, low pace and quality of dispute resolution, etc.

Ключевые слова: Государственный арбитраж, СССР, Западная Сибирь, Великая Отечественная война, история, эвакуация, споры, разрешение, рассмотрение.

Keywords: State arbitration, USSR, Western Siberia, the Great Patriotic War, history, evacuation, disputes, resolution, consideration.

Система Государственных арбитражей Советского Союза была подвергнута серьезным испытаниям в годы Великой Отечественной войны. Они были связаны, в первую очередь, с внезапно возникшей необходимостью перестройки системы работы названных органов для обеспечения ее соответствия вызовам военного времени. Возникла потребность в увеличении оперативности рассмотрения подведомственных споров, а также в повышении эффективности их рассмотрения с целью бесперебойного функционирования субъектов, выступавших сторонами по делам, рассматриваемым органами Государственного арбитража, поскольку данные субъекты обеспечивали работу советской экономики в военный период. Естественным образом названные вызовы затронули региональные органы системы Государственного арбитража, в том числе, Государственные арбитражи Западной Сибири.

Однако изучение столь важной проблематики существенным образом осложнено. Хаос первого года военных действий привел к тому, что как указывает профессор А. С. Смыкалин, «сохранились лишь разрозненные, косвенные данные о работе арбитража в годы войны. Все архивные материалы, справки, отчеты были уничтожены, то же самое произошло и с местными архивами областей РСФСР» [5, с. 12].

24 июня 1941 года было созвано совещание Главного Госарбитра при СНК РСФСР с участием работников Госарбитража при СНК РСФСР, московских Госарбитражей и ведомственных арбитражей Наркоматов РСФСР, на котором был заслушан доклад Главного Госарбитра о перестройке работы арбитражей в условиях военного времени. В докладе было обращено внимание на необходимость усиления борьбы органов арбитража за социалистическую законность, выполнение плановых заданий, договорную и финансовую дисциплину, особенно первоочередное и качественное выполнение военных заказов, на необходимость сигнализационной работы и изучения дел, по которым приняты решения с учетом особенностей военного времени.

6 сентября 1941 года было созвано совещание Главгосарбитра при СНК РСФСР с участием работников московских госарбитражей и ведомственных арбитражей наркоматов

РСФСР, на котором были заслушаны доклады Главных арбитров о результатах перестройки работы арбитражей в условиях военного времени, а также их доклады о подготовке и заключению договоров на 1942 год [2, л. 4].

Госарбитражем при СНК РСФСР было обращено большое внимание спорам о недопоставках. По этим делам стали приниматься повышенные штрафные санкции, накладываемые Госарбитражем, и впервые стали систематически направляться сигнализации в правоохранительные органы при выявлении случаев недопоставки. По результатам анализа проведенной работы был сделан вывод о том, что сигнализационную работу следует еще больше усилить [2, л. 9].

Во втором полугодии 1941 года в условиях войны Госарбитраж при СНК РСФСР начал применять следующую практику при разрешении дел о недопоставках. Поставщик признавался обязанным изготавливать и поставлять заказчикам продукцию в соответствии с условиями договоров даже в случае получения военных заказов сверх производственной программы [2, л. 11].

Госарбитраж при СНК РСФСР эвакуирован из города Москвы 23 октября 1941 года и прибыл в город Саратов 3 ноября 1941 года. Данная эвакуация не только прервала связь Госарбитража при СНК РСФСР с хозорганизациями – сторонами по арбитражным делам и ведомственными арбитражами, но имела последствия, тормозившие работу данного органа вплоть до окончания Великой Отечественной войны.

Главный Госарбитр с 1 по 20 октября 1941 года находился в служебной командировке по поручению СНК РСФСР и его обязанности выполнял его заместитель Я. А. Чубин. Последний с работой по эвакуации не справился. По его распоряжению 16 и 17 октября 1941 года были уничтожены дела и материалы Госарбитража, в том числе дела, находившиеся в производстве. Кроме того, не был обеспечен вагон той части работников, которая подлежала эвакуации, и Чубин предложил им выехать из Москвы, не указав точного места эвакуации Госарбитража. В результате, когда в Москву прибыл из командировки Главный Госарбитр, то он обнаружил несожженными только бухгалтерские документы. Никого из основных сотрудников не оказалось на месте.

Главный Госарбитр выехал из Москвы 23 октября и прибыл в Саратов 3 ноября 1941 года. Заместитель Главного Госарбитра Я. А. Чубин по представлению Главного Госарбитра был освобожден Совнаркомом РСФСР от работы в Госарбитраже. Сотрудники, не прибывшие в Саратов, отчислены. Начал создаваться новый коллектив Госарбитража [2, л. 22].

А. С. Машкова приводит следующие данные о деятельности Госарбитража СССР в период 1941–1943 гг. «Объем работы Государственного арбитража по сравнению с предшествующими годами уменьшился вдвое. За 11 месяцев 1942 года Госарбитраж при СНК РСФСР рассмотрел 3026 дел, из которых 40 % являлись надзорными. Значительно увеличились сроки разрешения споров. Более 50 % дел рассматривалось в сроки, превышавшие один месяц. В 1943 году показатели работы улучшились. Из-за недостаточной предварительной подготовки и значительных временных затрат, требовавшихся на уведомление сторон, было отложено только 18 % дел» [3, с. 30].

Названное положение вещей не могло не затронуть деятельность региональных и местных арбитражей, в том числе Госарбитражей Западной Сибири.

К началу войны Новосибирский Госарбитраж оставался крупнейшим Государственным арбитражем Западной Сибири по количеству рассматриваемых споров и по суммам исков, находящихся в производстве арбитража.

Д. В. Воронин отмечает, что «с началом войны Новосибирский Госарбитраж, как и все региональные арбитражи за Уралом, перешел в режим автономной работы. Связь с Государственным арбитражем при СНК СССР и Государственным арбитражем при СНК РСФСР была полностью утрачена более чем на полгода. Судьба материалов, направляемых в Москву в порядке надзора, оставалась неизвестной. Более полугодия арбитражи краев и областей не получали из Центра никаких руководящих и инструктивных указаний. Соответственно арбитражи не получили никаких указаний о заключении договоров на 1942 г. Инструктивные указания Государственного арбитража при СНК РСФСР «О рассмотрении арбитражных дел

в условиях военного времени» были даны только 10 марта 1942 г., т. е. получены арбитражами в регионах через девять месяцев после начала войны» [1, с. 171].

О работе арбитража в годы войны на Южном Урале А. С. Смыкалин приводит воспоминание З. В. Лысенко: «Годы Великой Отечественной войны стали для нас тяжелым испытанием. Из Челябинского арбитража на фронт не ушел никто – просто некому было уходить: коллектив очень маленький, не больше 5 человек, женский. В самом начале войны пришло много исков с предприятий, которые теперь находились в зоне оккупации. Иски касались довоенных лет. Мы их приняли и потом берегли как зеницу ока – разберем после войны. Они так и остались нерассмотренными – некому и не с кем их было рассматривать... Вообще, в годы войны количество исков (особенно «мелких») резко сократилось. Другое дело, что на Южный Урал эвакуировалось множество предприятий, и работы по линии арбитража по-прежнему оставалось достаточно... У нас изменился распорядок работы – как и всех советских учреждений. Мы перешли на шестидневку, работали с утра до восьми вечера, и раньше уходить строго запрещалось. Главный арбитр лично держал вопрос трудовой дисциплины на контроле. Это касалось и качества работы арбитров» [5, с. 12].

После отладки связи между региональными арбитражами и Государственным арбитражем СССР, он «потребовал от всех арбитражей безоговорочного выполнения ими обязанностей, вытекающих из указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 года об ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, за несоблюдение стандартов промышленными предприятиями» [4, с. 426].

Выполнение предписаний Государственного арбитража СССР протекало в Западной Сибири в крайне тяжелых условиях, в частности по причине нехватки кадров. Д. В. Воронин указывает, что «Омский арбитраж в 1943 г. направил всего 16 сигнализаций, не составил ни одного обобщения. Главный арбитр Омского государственного арбитража большую часть времени проводил в командировках по заданию областных властей, вместо него работали один арбитр и сотрудник канцелярии. В то же время Госарбитраж, находясь в статусе отдела облисполкома, подчинялся его распоряжениям, и вина здесь в большей степени лежала на облисполкоме. Совещание обязало главных арбитров ускорить темпы работы, уделить особое внимание подготовке дел к слушанию, улучшить качество рассмотрения имущественных и преддоговорных споров, усилить борьбу за устранение выявленных арбитражом недостатков» [1, с. 178].

Арбитражи боролись с недостатками в работе предприятий и организаций, выявляемыми при рассмотрении дел, не только путем вынесения правильных решений по существу споров, путем возложения имущественной ответственности на хозорганы, нарушающие дисциплину, но также и путем сообщения соответствующим вышестоящим органам о наиболее серьезных недостатках, в целях оперативного устранения этих недостатков и привлечения виновных лиц к ответственности» [4, с. 444].

При этом необходимо отметить, что на Государственные арбитражи Западной Сибири легла особенно большая нагрузка и ответственность в связи с эвакуацией многих предприятий на восток страны. Реализация возложенных задач Государственными арбитражами Западной Сибири осуществлялась в условиях нехватки кадров, недостаточного материально-технического обеспечения, ненормированного рабочего дня. И, тем не менее, не смотря на множество трудностей и при наличии вынужденных отступлений от уровня качества работы, характерного для этих органов в мирное время, Государственные арбитражи с поставленными задачами справились. Более того, благодаря деятельности Государственных арбитражей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны был накоплен, проанализирован и обобщен значительный опыт работы в экстремальных условиях военного времени, который в дальнейшем послужил восстановлению советской экономики в послевоенный период. Причем начало восстановительной деятельности Госарбитражей было положено уже в 1944–1945 годах, когда к задачам деятельности Государственного арбитража было отнесено содействие восстановлению народного хозяйства [3, с. 31].

Литература

1. Воронин Д. В. Развитие института Государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональный аспекты (1922–1991 гг.): дис. ... док-ра ист. наук. Кемерово, 2016. 553 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8424. Оп. 2. Д. 15.
3. Машкова А. С. Деятельность Государственного арбитража РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2021. № 4. С. 28–33.
4. Можейко В. Н. Государственный арбитраж в СССР (Создание, задачи, природа, построение, компетенция государственного и ведомственного арбитража в советском хозяйстве, некоторые вопросы арбитражного процесса): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. 452 с.
5. Смыкалин А. С. Государственный арбитраж в годы Великой Отечественной войны (1941– 1944 гг.) // Арбитражный суд Свердловской области. Электронный журнал. 2010. № 1. С. 8–16.

Веселов С. И.
Veselov S. I.

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СЕТИ
АВТОДОРОГ СУРГУТСКОГО НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕГО РАЙОНА
(НА ПРИМЕРЕ АВТОМАГИСТРАЛИ СУРГУТ – НЕФТЕЮГАНСК)**

**SPATIAL DEVELOPMENT OF THE ROAD NETWORK
OF THE SURGUT OIL AND GAS PRODUCING REGION
(ON THE EXAMPLE OF THE SURGUT – NEFTEYUGANSK HIGHWAY)**

В статье рассматриваются вопросы пространственного развития сети автодорог Сургутского нефтегазодобывающего района в контексте строительства автомагистрали Сургут – Нефтеюганск. Исследование основано на годовых отчетах и актах приемки в эксплуатацию предприятий Минтрансстроя СССР в Тюменской области. Автором предпринята попытка сопоставления архивных данных по автомагистрали Сургут – Нефтеюганск и современных геоинформационных систем с целью выявления особенностей построенной автодороги.

The article discusses the issues of spatial development of the road network of the Surgut oil and gas producing region in the context of the construction of the Surgut – Nefteyugansk highway. The study is based on annual reports and acceptance certificates of enterprises of the Ministry of Transport of the USSR in the Tyumen region. The author has made an attempt to compare archival data on the Surgut – Nefteyugansk highway and modern geoinformation systems in order to identify the features of the constructed highway.

Ключевые слова: транспортное освоение, ведомственная сеть автодорог, транспортная инфраструктура, СУ-904, СУ-905, дорожники, нефтяники, автомагистраль.

Keywords: transport development, departmental road network, transport infrastructure, SU-904, SU-905, road builders, oil workers, highway.

Пространственное развитие сети автомобильных дорог является ключевой характеристикой развития транспортной инфраструктуры. Пространственная структура и конфигурация сети автодорог характеризуют уровень транспортного освоения территории и доступность нефтегазовых месторождений. Исследование пространственной специфики ведомственной сети автодорог в процессе нефтегазового освоения Западной Сибири позволяет выявить закономерности формирования транспортной инфраструктуры. В данной статье в фокусе исследования находится сеть автодорог Сургутского нефтегазодобывающего района (НР) в 1965–1972 гг.

Наиболее логично и последовательно роль транспорта в индустриальной модернизации мировых держав в середине XX в. обосновал американский философ и социолог Э. Тоффлер. Ученый представил человеческую историю моделью трех волн. Согласно его теории, транспорт, средства связи и энергетические ресурсы ограничивали размеры территории, которой эффективно могут управлять политические структуры национальных государств. Благодаря экспансии интеграционные элиты расширяли территорию и усиливали свою власть. По Э. Тоффлеру передовые технологии позволили европейским государствам в XIX в. броситься «в погоню за пространством» и начать строить железные дороги [15, с. 149–150]. В своей книге он поясняет, что пути сообщения повышали уровень развития экономических связей регионов, суверенитет государства над своими территориями в период перехода от аграрно-феодальной к индустриально-городской экономике. Таким образом, необходимой предпосылкой индустриальной модернизации стран Второй волны (в том числе и в СССР) в социально-политической и экономической сферах становилось совершенствова-

ние транспортных коммуникаций. Основой же дальнейшей трансформации стран Третьей волны (в постиндустриальную эпоху) является электронная телекоммуникация [15, с. 547].

В этом отношении руководство СССР и его региональные элиты в начале 1960-х гг. выступают как интеграторы народнохозяйственного комплекса севера Тюменской области сначала в социалистическую, а после и в мировую систему хозяйствования. Транспортные коммуникации стали средством достижения энергетической безопасности страны при переходе на более эффективные источники энергии (нефть и газ).

В советский период предпринимались попытки осмыслить особенности пространственного развития Сургутского промышленного узла в рамках Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) экономистами И. А. Вижиной и В. Н. Харитоновой [1]. Как отмечали исследователи, в 1965–1980 гг. Сургутский НР формировался как многоотраслевой кластер. Отраслями союзной специализации района являлись нефтедобыча и переработка попутного газа, а отраслями региональной специализации – электроэнергетика и железнодорожный транспорт [1, с. 111].

В силу географического положения Сургутский НР одновременно занимал центральное положение как в формировании транспортной доступности территории Средней Оби, так и в распределения потоков железнодорожных и речных грузов на Дальний Север (на территорию ЯННО) и в восточную часть Нижневартовского НР. Внутрирайонные перевозки связывались с развитием сети автодорог. На уровне отдельного промышленного кластера процесс транспортной интеграции Сургутского НР представляется наиболее типичным явлением, характерным для истории создания и развития ЗСНГК. В 1960–1970-е гг. транспортная инфраструктура приобрела устойчивую тенденцию локальности и обособленности в большинстве районов Ханты-Мансийского национального округа [14, с. 133–136].

Главными дорожно-строительными организациями Сургутского района, являлись строительные управления № 904 и № 905 (далее СУ-904 и СУ-905). С 1965 по 1980 гг. они входили в структуру треста «Тюмендорстрой» (с 1980 по 1991 гг. – в составе треста «Сургутдорстрой»). Некоторые вопросы участия СУ-904 в транспортном освоении Сургута и Сургутского освещал исследователь А. И. Прищепа [13, с. 84, 137, 139].

В этой связи акты приемки в эксплуатацию автодорог, оконченных строительством объектов СУ-904 и СУ-905, послужили ценным историческим источником. Они отражают эволюцию ведомственной сети автодорог Сургутского НР в контексте формирования производственной инфраструктуры района. Автомагистраль Сургут – Нефтеюганск складывалась из отдельных участков, каждый из которых вводился в разный временной промежуток. Например, составными участками автодороги Сургут – Нефтеюганск являлись: Причал – Нефтеюганск – Нефтеборный парк, Сургут – Товарный парк Западно-Сургутского месторождения и др. Именно они и представляли фрагменты пространственного развития сети автодорог района.

Одним из ключевых проектов СУ-904 треста «Тюмендорстрой» в середине 1960 – начале 1970-х гг. стала автомагистраль Сургут – Нефтеюганск. Ее проектное обоснование подготовил известный в СССР Киевский филиал ГПИ «Союздорпроект» [4, л. 36]. Проект реализовывался в 1965–1972 гг. и был направлен на преодоление транспортных проблем новых нефтяных месторождений: Западно-Сургутского, Быстринского, а также Солкинской площади. Заказчиком строительства выступало НПУ «Сургутнефть» Главтюменнефтегаза [7, л. 6–7].

Проектное задание предполагало 4 варианта трассирования автомагистрали: 1) южное направление начиналось непосредственно от Сургута (совмещенный с железной дорогой автодорожный мостовой переход), потом на запад между Юганской Обью и до Центрального нефтеборного парка Усть-Балыкского месторождения; 2) западное направление (включавшее паромную переправу через р. Обь) охватывало Западно-Сургутское, Быстринское месторождения и Солкинскую площадь, упираясь в правый берег Оби. Также были разработаны подварианты № 1 и № 2 [4, л. 36]. Южное направление не было принято в связи с тем, что откладывалось сооружение совмещенного мостового перехода. Оно будет реализовано в 1995–2000 гг., когда осуществится строительство автодорожного моста в районе Сургута и новой автомагистрали. В середине 1960-х гг. западный вариант автомагистрали Сургут –

Нефтеюганск оказался наиболее компромиссным, учитывавшим пожелания нефтяников, возможности сургутской экспедиции Киевского филиала ГПИ «Союздорпроект» и неопределенные перспективы нефтегазоносной провинции [10, л. 67–68, 82–87].

В августе 1966 г. начальник СУ-904 Н. И. Козмиренко заявил о том, что СУ-904 приступило к сооружению автомагистрали от Нефтеюганска до причала паромной переправы и нефтесборных пунктов, т. е. о начале реализации западного варианта [2, с. 1]. При сооружении автодороги зачастую нарушались проектные решения. Например, начало автотрассы в п. Нефтеюганск укладывалось дорожными плитами толщиной 18 см, вместо запланированных 22 см. Это нарушение было вызвано нехваткой строительных материалов [10, л. 33].

Темпы строительства автодороги Сургут – Нефтеюганск зависели во многом от работы субподрядчиков. Например, в 1967 г. невыполнение плановых заданий по устройству основания автомагистрали связывалось с отставанием гидронамыва земляного полотна СУ-489 треста «Трансгидромеханизация». Как следствие, постоянные срывы укладки труб и железобетонных плит [5, л. 64].

С сентября 1968 г. в транспортном освоении Сургутского района участвовало СУ-905, перебазированное из Урая в Нефтеюганск. Дорожники СУ-905, имевшие большой практический опыт в строительстве внутрипромысловых автодорог Шаимской группы месторождений, были направлены на освоение Усть-Балыкского месторождения. СУ-905 осуществляло сооружение межпромысловых и внутрипромысловых автодорог (Нефтеюганск – Южный Балык, Нефтесборный парк – левый берег Оби), а также причалы для паромных переправ через р. Обь [12, л. 48].

Передислокации дорожно-строительных управлений и слабая обеспеченность предприятий проектно-сметной документацией снижали подготовленность ИТР к сооружению автодорог, которых очень ждали буровики и нефтяники. Так, например, в 1968 г. СУ-904 получило документацию на автодорогу Рабочий поселок – Товарный парк Правдинского месторождения только в декабре, хотя основной строительный сезон у дорожных строителей на севере приходится на май–сентябрь [6, л. 70].

В 1969–1970 гг. дорожно-строительная техника СУ-904 часто отвлекалась на объекты, не связанные с деятельностью предприятия: на сооружение Сургутского аэропорта (хотя фактически объект возводила СК-53 с субподрядчиками), возведение внутригородских дорог и мостов (внутригородской дороги пос. Нефтяников – Черный мыс), что непосредственно отражалось на темпах строительства автомагистрали Сургут – Нефтеюганск.

Развитие транспортной инфраструктуры Сургутского НР было связано не только с нефтяной промышленностью, а также с обеспечением транспортной доступности сельскохозяйственных предприятий. В июле 1971 г. было завершено строительство автодорог к центральной усадьбе совхоза «Сургутский», который получил постоянное сообщение с городом [8, л. 4-9]. Совхоз «Сургутский» в то время обеспечивал нефтяников НГДУ «Сургутнефть» продуктами питания, в том числе молоком, мясом, яйцами и овощами [11, с. 3]. Тем самым, строительство транспортной инфраструктуры придавало новый импульс развитию сельского хозяйства района.

Годы	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972
Ввод автодороги, в км	3,4	6,01	17,9	13,7	10,2	20,1	16,8

Рис 1. Темпы строительства автодороги Сургут – Нефтеюганск

По архивным данным прослеживается, что самые высокие темпы сооружения автотрассы были достигнуты в 1968 г., когда было введено в эксплуатацию почти в 3 раза больше, чем в предшествующий год. В абсолютных показателях к 1971 г. ввод автодороги в км составил 20,1 (рис. 1). Высокие темпы строительству автодороги придавало применение бригадного метода в организации укладки дорожных плит. Среди работников СУ-904 отличалась бригада Г. Решетникова и Н. Казакова, которая укладывала 330 погонных метров (по плану – 220) [18, с. 1]. Стоит отметить, что рабочие, участвовавшие в укладке земляного по-

лотна и плит, представляли пространственное развитие автомагистрали в виде своеобразных «бетонных лент автомобильных дорог», которые «врезаются в зеленое тело тайги» [16, с. 1].

Значение строящейся автомагистрали возрастало также для жителей Нефтеюганска и района, когда весной 1971 г. заработал новый Сургутский аэропорт [17, с. 2]. Разрозненные транспортные коммуникации Сургутского НР приобретали некоторые черты единой транспортной сети, нацеленной не только на решение производственных задач, но и на удовлетворение потребностей жителей города и района.

Последний участок автодороги Сургут – Нефтеюганск (Правый берег р. Обь – Быстринское месторождение) был официально введен в постоянную эксплуатацию 3 октября 1972 г., о чем сообщила городская и районная газета «К победе коммунизма» [3, с. 1]. Проверка качества конструкции заключительного участка автодороги Сургут – Нефтеюганск была осуществлена 11 сентября 1972 г. сначала ведомственной (от НГДУ «Сургутнефть»), а затем 18 октября государственными комиссиями (от Главтюменнефтегаза), которые постановили принять автодорогу в эксплуатацию с общей оценкой «хорошо» [9, л. 8–12].

При сопоставлении архивных материалов (проектно-сметной документации) и данных геоинформационных систем (2ГИС) мы увидим, что «старая» автомагистраль Сургут – Нефтеюганск проходила в направлении от Нефтеюганского шоссе и до современного поворота на Лянтор (рис. 2, 3). Далее следовал плавный поворот налево, где автодорога была проложена вдоль р. Минчимкина, пересекая пр. Большая Сонторова и Ионина и вплоть до правого берега р. Оби.

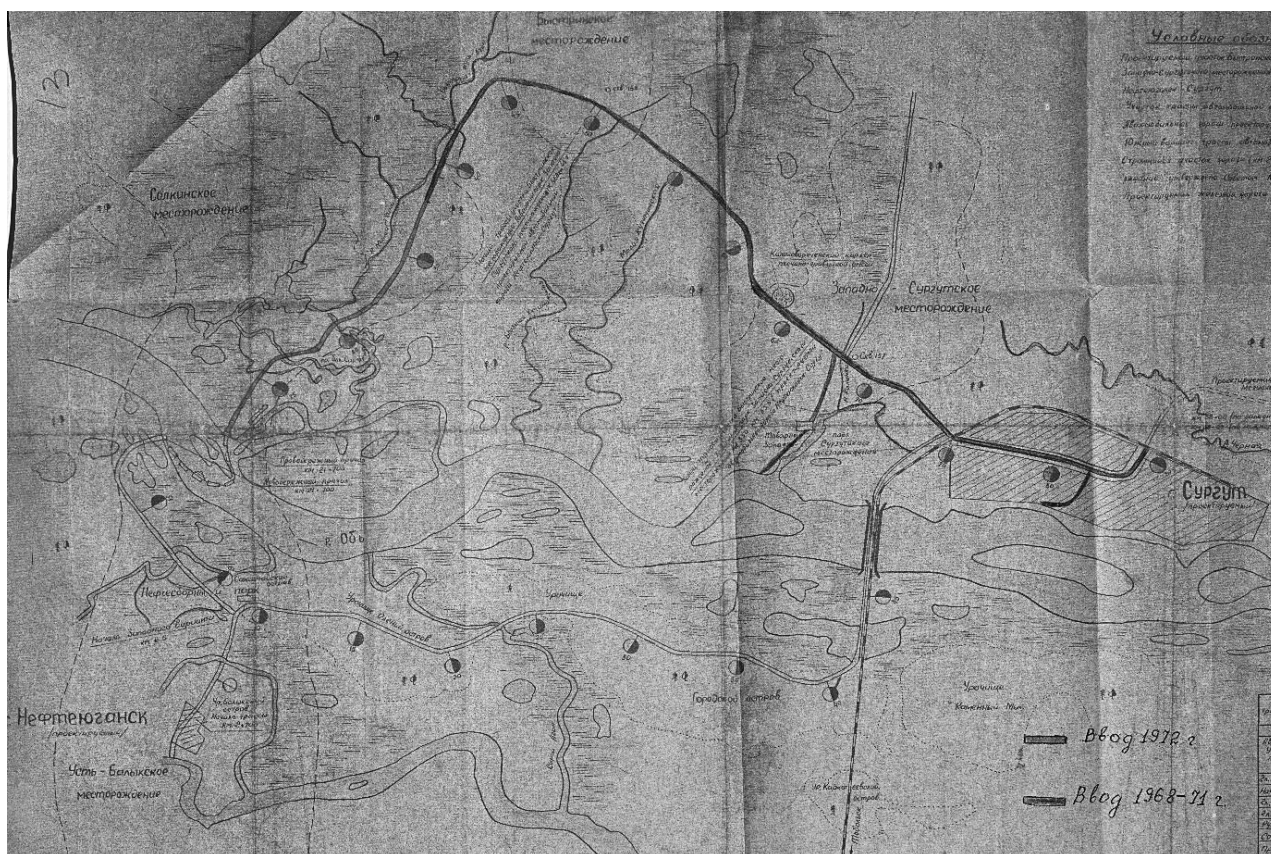

Рис. 2. Графическая схема построенных и введенных в эксплуатацию участков автодороги Сургут – Нефтеюганск (1968–1972 гг.). Источник: МАГС. Ф. 100. Оп. 1. Д. 77. Л. 13

Вдоль автомагистрали по правой стороне также размещались производственные объекты Западно-Сургутского и Быстринского месторождений (ДНС, КНС, ТП, УПНГ, ЛЭП, водозаборы и др.). После плавного поворота налево располагалась Солкинская площадь, разработка которой началась в 1972 г. То есть автомагистраль решала по большей части производственные задачи обеспечения внутрипромысловых и межпромысловых грузоперевозок

районов нового промышленного освоения, и только потом учитывались вопросы расселения и перемещения населения при установлении транспортного сообщения между Нефтеюганском и Сургутом.

Рис. 3. Направление «старой» автомагистрали Сургут – Нефтеюганск (по данным 2ГИС), введенной в эксплуатацию в 1972 г. URL: <https://inlnk.ru/XOA1P> (дата обращения: 17.10.2021)

Таким образом, пространственное развитие ведомственной сети автодорог связывалось с необходимостью формирования постоянного транспортного сообщения месторождений с городом и производственными базами материально-технического снабжения, с речным портом и новым аэропортом, повысившим значение Сургута в Среднем Приобье. Увеличение концентрации путей сообщения в Сургутском нефтегазодобывающем районе постепенно изживало проблему бесперебойной перевозки вахт, работающих на месторождениях и доставки грузов различной направленности.

Литература

1. Вижина И. А., Харитонов В. Н. Некоторые тенденции и перспективы развития Сургутского промышленного узла // Развитие промышленности и хозяйственное освоение новых районов Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск : ИЭиОПП СО АН СССР, 1985. С. 111–121.
2. Козмиренко Н. Побегут по тайге дороги // К победе коммунизма. 1966. 28 августа. № 104.
3. Костин П. Только Обь разделяет // К победе коммунизма. 1972. 5 октября. № 119.
4. Муниципальный архив г. Сургута (МАГС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 10.
5. МАГС. Ф. 100. Оп. 1. Д. 18.
6. МАГС. Ф. 100. Оп. 1. Д. 31.
7. МАГС. Ф. 100. Оп. 1. Д. 51.
8. МАГС. Ф. 100. Оп. 1. Д. 64.
9. МАГС. Ф. 100. Оп. 1. Д. 77.
10. МАГС. Ф. 103. Оп. 1. Д. 6.
11. Михайлов А. Новый облик поселка // К победе коммунизма. 1970. 8 августа. № 95.

12. Отдел по делам архивов департамента по делам администрации г. Нефтеюганска. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9.
13. Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургутский гос. ун-т Ханты-Манс. авт. округа – Югры. Сургут : Дефис, 2015. 238 с.
14. Пространство, люди, экономика Югры: социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа: монография / науч. ред. С. С. Артоболевский, О. Б. Глезер ; РАН, Ин-т географии, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Географический ф-тет. М. : Экономистъ, 2007. 415 с.
15. Тоффлер Э. Третья волна. М. : Изд-во АСТ , 2004. 781 с.
16. Филатова Ю. Убегает вдаль дорога // К победе коммунизма. 1968. 22 августа. № 99.
17. Шарипова Т. Дорогая забывчивость // К победе коммунизма. 1971. 28 сентября. № 114.
18. Якута О. Дорога будет в срок // К победе коммунизма. 1972. 17 июня. № 71.

Задорожная О. А.
Zadorozhnaya O. A.

**«ОБЩЕСТВО ПОПЕЧЕНИЯ О НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ»
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**«SOCIETY FOR THE CARE OF PRIMARY EDUCATION»
OF TOMSK PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Городское население окраинных территорий Российской империи в конце XIX в. становится активным участником социальных процессов и инициатором новых форм общественной деятельности. Одной из важных инициатив является создание организаций, которые берут на себя обязанность открытия новых учебных заведений для малоимущего населения городов и жителей сельской местности. Это позволяет как активизации интереса к получению знаний, так и устанавливать более тесных взаимоотношения с центральными отраслевыми ведомствами.

The urban population of the outlying territories of the Russian Empire at the end of the XIX century became an active participant in social processes and initiator of new forms of social activity. One of the important initiatives is the creation of organizations that take on the responsibility of creating new educational institutions for the poor population of cities and rural areas. This allows both the activation of interest in obtaining knowledge, and the establishment of closer relationships with central industry departments.

Ключевые слова: благотворительность, общество, начальное образование, Томская губерния, народная библиотека.

Keywords: charity, society, primary education, Tomsk province, national library.

Стремительное распространение из Уралом товарно-денежных отношений способствовало выделению двух тенденций: потребность в квалифицированных специалистах разного уровня; вовлечению предпринимателей в решение социальных проблем регионов. Благотворительность фактически стала сферой общественной деятельности представителей состоятельных слоев населения и чиновников различных уровней власти. Проблема благотворительность в системе образования привлекает внимание исследователей, которые рассматривают отдельные аспекты этой проблемы [3; 4]. Авторы останавливаются на вопросах оказания помощи обучающимся, распространения новых методик обучения для различных групп учащихся, а также подчеркивают межсословный состав подобных организаций [5, 9].

С конца XIX в. проблемой начального образования и просвещения городских низов занимались как исполнительные власти, так и общественные организации. Одно из первых «Обществ попечения о начальном образовании» в Сибири было создано в 1882 г. в Томской губернии. Так, Городская Дума Томска поддержала инициативу Штильке и Васильева по увеличению численности образовательных учреждений и решила ходатайствовать о создании общества. Устав Общества предусматривал сбор средств для открытия начальных учебных заведений, оказания помощи способным ученикам и содействие учительским коллективам в их трудовой деятельности. Одной из причин создания Общества, по мнению «председателя училищной комиссии» известного благотворителя и преуспевающего предпринимателя П. И. Макушина, было недостаточное число начальных учебных заведений [8, с. 65–66]. Инициативу крупного купца поддержали П. А. Буткеев, П. И. Богомолов, Н. С. Дьяконов, А. А. Тархов, И. В. Ефимов и М. К. Шпейер [10, с. 10–15, 21, 34–36]. На одном из городских собраний В. К. Штильке и А. Т. Васильев отмечали недостаток начальных учебных заведений в Томской губернии, а также ограниченность финансирования системы образования.

Решающим фактором стало предоставление системе самоуправления «в лице» Городской Думе более широких полномочий по организации общественной среды для населения. По данным источников на приходские школы в Томске выделялось из статьи на образование, например, в 1872 г. около 2,5 %, а через десять лет – 6,5 %. При этом на приходское училище в губернии на 1869 г. приходилось в среднем по 98 ученика, 1882 г. – 84 ученика.

Хотя основной целью создания общественной организации было оказание помощи и покровительства системе начального образования особенно в отношении малоимущих городских низов под условным девизом «Ни одного неграмотного», но организация не была закрытой для других инициатив. Общество стало активным участником городской жизни, активно сотрудничало с другими образовательными учреждениями, общественными организациями и частными лицами. Кроме того, оно оказывало помощь талантливым и способным учащимся при обучении как в средних, так и высших учебных заведениях. Также Общество отличалось лояльностью к любой помощи и членству, которое не зависело от социального и материального положения кандидата, главным критерием вступления становилась активная жизненная позиция.

Хотя члены организации пользовались равными правами, но на определение статусов членов оказывали влияние размеры и формы пожертвования, активность в Обществе, поэтому выделялось: простое членство, член-ревнитель и почетный член:

I. Первая категория включала участников, вносивших ежегодно по 1 рублю.

II. Членами-соребнователями становились те, пожертвования которых было более 1 рубля.

III. Почетное членство получали лица, внесшие единовременно более 50 руб.

Со временем численность членов общества увеличилась до 946 человек. Капитал Общества складывался из ежегодных и единовременных взносов, а также пожертвований. Общий доход организации колебался от 12 тысяч до 17 тысяч рублей, а расход составлял около 10 тысяч.

Обязанности по руководству Обществом и выполнение текущей работы осуществлял Совет, включающий председателя, 2 непременных и 5 выборных членов. Одним из известных председателей общества был начальник Алтайского горного округа Н. И. Журин, товарищем председателя при котором был В. К. Штильке.

Соответственно, деятельность Общества не только не мешала правительственным учреждениям, а оказывала помощь в просвещении населения региона. Кроме того, членство в этой организации считалось престижным, показывало заинтересованность конкретного человека в развитии промышленного и людского потенциала Сибири и т. д. На 1882 г. в собранный капитал Общества составлял 3676 руб. 22 коп., который поступил от 938 человек. В первый год общество ограничилось: выдачей теплой одежды и обуви малоимущим ученикам (на 624 руб. 65 коп.) и оплатой их обучения (40 руб.). Также при создании общества большую роль играли следующие факторы: патриотизм, возможность показать свою благонадежность, желание контролировать вносимые средства, применение организаторского опыта и традиции семьи.

Главным проектом общества стала организация с 1883 г. новых начальных учебных заведений в разных уездах Томской губернии. За первые четыре года деятельности появилось 4 школы с общей численностью в 139 учеников и годовым бюджетом около 800 руб. Так как Общество представляло собой общественную организацию, то впоследствии оно передано два учебных заведения с материально-технической базой и коллективом учителей в подчинение местных органов самоуправления. Еще два учебных заведения остались на балансе Общества, но их бюджет был увеличен до 1822 руб. 42 коп. В среднем в год в школах обучалось до 118 человек, которым выделялось пособие до 682 руб. 56 коп.

В районах проживания сельского населения открывались школы смешанного типа обучения. Однако первое выделенное здание, например, не могло вместить 96 первых учеников и было организовано несколько смен обучения. В 1887 г. у школы появился новый учебный корпус со специальными учебными классами, лабораториями, спортзалом, классом трудового обучения и т. д. В Барнауле отделение начальной школы для младших классов его класса разместилось в частном доме по инициативе его владельца.

Помимо содержания учебных заведений задачей Общества стала организация просветительской работы среди взрослого населения губернии с целью «возбудить любопытство» к знаниям. С 1883 г. проводились курсы чтения для взрослых, а затем следовало обсуждение прочитанных произведений.

В 1891 г. в здании Городской Думы открывшаяся библиотека сразу стала центром просветительской деятельности для разных групп населения. Общество при поддержке Городской думы подало ходатайство о передаче ему каменного здания бывшей заводской тюрьмы на Конюшенной площади. Через три года общественной организации отдали каменное помещение и земельный участок под ним в дар. После открытия народной библиотеки формы работы со взрослым населением расширились за счет организации хора, мастерской по изготовлению наглядных пособий для начальных учебных заведений, проведения тематических выставок книг, открытия музея с краеведческой направленностью, появления театральной студии [2, с. 32–33]. Первая библиотека разместилась в двухэтажном каменном здании, построенном на средства потомственного почетного гражданина С. С. Валгусова. Ее главная задача заключалась в обеспечении учебной и художественной литературой учащихся и выпускников подшефных учебных заведений. Со временем книжный фонд народной библиотеки увеличился до 3 тысяч экземпляров, что позволяло удовлетворить потребности 900 читателей [7, с. 24–28, 37–41].

В помещениях народной библиотеке одновременно могло поместиться до 440 человек, что позволяло проводить различные культурно-развлекательные и просветительские мероприятия. После обустройства в здании был открыт музей прикладных знаний как для учащихся городских учебных заведений, так и их родителей. Со временем к основному зданию была сделана пристройка, в которой разместились экспонаты краеведческого музея. На строительство Общество смогло выделить только 150 руб., а остальные строительные материалы и работы выполнялись в рассрочку.

К концу XIX в. просветительские мероприятия проводились не только в зданиях библиотек, но и в народных училищах. Из-за проявления интереса населения к знаниям в 1886 г. стали проводиться вечерние курсы для выпускников начальной школы, не имеющих возможность продолжить образование. Программа двухгодичных курсов включала: Закон Божий, математику, историю, географию и счетоводство. Это позволило ее выпускникам поступать в качестве служащих на работу в государственные учреждения.

«Общество попечения о начальном образовании» стало инициатором открытия рукодельной школы для девочек под названием «дополнительного при городских школах курса женских рукоделий» [1, с. 41]. В первый год работы здесь проходило обучение 35 учениц, но уже через несколько лет численность составляла около 120 чел. Срок обучения длился четыре года и завершался сдачей квалификационного экзамена на звание мастерицы. Общество использовало различные способы пополнения бюджета своих проектов, например, для рукодельной школы была введена лоторея-аллерги, приносящая ежегодный доход в 2 тысяч руб. Однако не все начинания имели положительный результат: кулинарная школа и рисовальные женские классы закрылись через год после открытия из-за недостатка учениц. При этом, открывающейся технические и ремесленные классы для мальчиков не могли вместить желающих. В 1894 г. открылись совместные классы для 15 мальчиков и девочек под руководством ученицы Императорской Академии художеств Черепановой.

Существенным направлением в деятельности Общества становится сбор средств и оказание различной помощи учебным заведениям. К 100-летию юбилею местного уездного училища новые музыкальные инструменты были переданы для музыкального класса и ученического оркестра. Большое значение имело оказание адресной материальной помощи, например, одеждой, обувью, учебными принадлежностями. В этом направлении деятельности Общества принимали участие учителя и сотрудники учебных заведений Томской губернии, которые собирали сведения о материальном положении учащихся. Для детей из малообеспеченных семей организовывались рождественские елки с представлениями, дарились подарки, обеспечивалась медицинская помощь и т. д.

Отметим, что Общество явилось первым работодателем для многих учителей сельских и приходских училищ, которые с энтузиазмом развернули работу в сельской местности. Начальное образование в Российском государстве в пореформенный период «пережило» несколько вариантов реформирования, а после открытия Томского университета и Западно-Сибирского учебного округа потребовалась серьезная реорганизация всех его уровней. Например, попечитель Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринский рекомендовал директорам учебных заведений «помогать» учителям повышать свой профессиональный уровень. Поэтому для знакомства с новыми педагогическими технологиями и приемами были организованы классы ручного труда. В первый год обучения на курсах поступило 19 человек из Тобольской и Томской губерний, Семипалатинской области [6, с. 5, 7–8].

Направления деятельности Общества постепенно расширялись за счет новых сфер, например, был книжный склад по дешевой цене для простого народа. Содержание подбиралось в соответствии с целью Общества.

Таким образом, организация «Общества о попечении начального образования» в Томске стало формой активизации городской жизни и общественной деятельности населения. По аналогии с томской инициативой подобные общества были организованы в других городах Томской губернии. В Каинске «Общество о попечении начального образования» при учреждении использовало Устав Томского общества как образец. Особенностью деятельности каинского общества являлась его направленность на организацию системы начального образования в сельской местности. Помимо представителей предпринимателей в Каинске в общество вступали чиновники: с 1887–1889 гг. председателем общества стал чиновник по крестьянским делам И. В. Рождественский. Это позволяло использовать административный ресурс, связи между различными исполнительными органами власти и местного самоуправления. Но доходы и сборы данного общества были незначительными, поэтому оно могло оплачивать труд только помощника учителя приходского училища. По мере возможности члены общества организовывали сбор одежды, учебной литературы и канцелярских принадлежностей [1, с. 63–64].

Деятельность сети данных общественных организаций была известна за пределами региона, например, на Казанской научно-практической выставке Томское «Общество попечения о начальном образовании» было награждено похвальным листом от организационного комитета.

Литература

1. Благотворительные учреждения Томской губернии. Томск : Губернская типография, 1895. 76 с.
2. Блинов А. В. Практические направления деятельности «Общества попечения о начальном образовании в городе Томске» в годы председательства П. И. Макушина по развитию народного просвещения // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 31–33.
3. Быков А. А. К вопросу о благотворительности в сфере образования Западной Сибири (XIX – начало XX века) // Известия Томск. политех. ун-та. 2007. № 3. С. 175–178.
4. Васильев Г. П. Историографический аспект вопросов благотворительности на рубеже XIX–XX вв. // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 44–49.
5. Гуркина Н. К. Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 111–119.
6. Десятилетие Томского общества попечения о начальном образовании (1882–1892): краткий обзор деятельности общества, составленный по поручению совета, членом-ревнителем А. Н. Ш. Томск : Типофотография П. И. Макушина, 1892. 30 с.
7. Дом Общества попечения о начальном образовании в городе Томске: краткий очерк истории его постройки и отчет по расширению зрительного зала для народного театра (1898–1900 гг.). Томск : Типография Епархиального братства, 1901. 47 с.
8. Задорожная О. А. Просветительская деятельность Торгового дома «В. В. Михайлова и П. И. Макушина» // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2004. № 8. С. 63–67.

9. Клиницкий А. И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX – начала XX вв. // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 1. С. 50–54.

10. Общество попечения о начальном образовании (г. Томск). Отчет Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1902 год. Томск : Паровая типография Н. И. Орловой, 1904. 96 с.

Ищенко О. В.
Ishchenko O. V.

**КРУЖКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ
ТОБОЛЬСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ XX В.
В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ**

**THE CLUBS ACTIVITY OF STUDENTS
OF THE TOBOLSK AGRICULTURAL SCHOOL AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY IN THE MEMOIRS OF THE PARTICIPANTS OF THE EVENTS**

В статье на основе анализа массива мемуарной литературы рассматривается кружковая деятельность учащихся Тобольской сельскохозяйственной школы в начале XX в. Установлено, что небольшой кружок в школе находился под влиянием социал-демократов и действовал в Тобольске наряду с кружками воспитанников других учебных заведений. Сравнение текстов воспоминаний позволило выявить расхождения в описаниях и оценке событий их участниками, что во многом определяется идеологическими установками, господствовавшими в период написания мемуаров.

Based on the analysis of the array of memoir literature, the article examines the club's activity of students of the Tobolsk agricultural School in the early twentieth century. It is established that a small club at the school was influenced by the Social Democrats and functioned in Tobolsk along with clubs of pupils of other educational institutions. Comparison of the texts of the memoirs revealed discrepancies in the descriptions and assessment of events by their participants, which is largely determined by the ideological attitudes that prevailed during the writing of the memoirs.

Ключевые слова: Тобольская сельскохозяйственная школа, учащиеся, социал-демократический кружок.

Keywords: Tobolsk Agricultural school, students, social democratic club.

На рубеже XIX–XX вв. в Западной Сибири заметно увеличивается количество учебных заведений, готовивших специалистов в области сельского хозяйства. Одним из них стала Тобольская низшая сельскохозяйственная школа 1-го разряда, преобразованная на основе решения губернатора края и Тобольской городской думы в 1900 г. из ремесленной школы [1, с. 208].

Школа располагалась приблизительно в 12 км от Тобольска в д. Соколовка. Согласно правилам приема, в нее могли поступить лица мужского пола, старше 14 лет, имевшие подготовку в объеме курса начальных народных училищ [5, с. 143]. Большая часть учеников, будучи выходцами из малообеспеченных крестьянских семей, содержалась полностью или частично за счет казенных средств. Однако материальное положение учащихся оставалось тяжелым, что во многом способствовало появлению протестных настроений среди учащихся, поэтому, как отмечал в своих воспоминаниях бывший воспитанник Тобольской сельскохозяйственной школы А. Д. Москвин, «Соколовская школа не стояла в стороне от бурной общественно-политической жизни» [2, д. 34, л. 62].

На страницах мемуарной литературы, сохранившейся преимущественно в фондах бывших сибирских партархивов, нередко встречается описание кружковой деятельности учащихся сельскохозяйственной школы. В то же время характер кружка учащихся, равно как и его состав, по-разному оцениваются авторами воспоминаний.

Так, в мемуарах З. И. Могилевской, кружок в сельскохозяйственной школе упоминается в ряду действовавших в Тобольске в 1912–1913 гг. культурно-просветительских кружков учащихся. Причем, по мнению автора воспоминаний, все эти кружки были марксистскими, поскольку руководили ими ссыльные социал-демократы Н. М. Немцов, В. И. Полонский, С. Цвиллинг, М. Даргольд, И. Коганицкий, Г. Назаров и др. [2, д. 33, л. 2].

По мнению известного сибирского историка М. Е. Бударина, в Тобольске накануне и в период первой мировой войны было два молодежных марксистских кружка. Первый – более известный, в который входили слушательницы фельдшерской школы, учащиеся мужской гимназии, духовной семинарии. Им руководили ссыльные большевики Н. М. Немцов и С.И.М. Цвиллинг. Второй – менее известный – в Тобольской сельскохозяйственной школе [2, д. 34, л. 22–23].

В воспоминаниях о революционной деятельности Л. З. Годисовой представлена другая версия, согласно которой в Тобольске действовал объединенный кружок, созданный летом 1914 г, когда вокруг приехавших на каникулы З. Лобкова и В. Тверитина начинает «группироваться кружок совсем еще молодых ребят: Сергея Завьялова, Георгия Халина, Ив. Сурнова и многих других, большинство вошло в этот кружок учеников Тобольской сельскохозяйственной школы и акушерско-фельдшерской» [3, ф. П-19, оп. 1, д. 182, л. 9]. Однако данный текст никак не стыкуется ни с данными З. И. Могилевской, писавшей о том, что Лобков и Тверитин были в тот период убежденными толстовцами и в состав ученических кружков социал-демократического направления не входили [4, с. 320], ни с утверждением И. В. Сурнова о том, что С. Завьялов начал кружковую работу в 1915 г.

В брошюре Е. Мельтцер «Один из многих» на основе воспоминаний участника событий Константина Наумова тоже отмечается, что в 1914 г. от созданного в Тобольске под влиянием ссыльных социал-демократов подпольного марксистского кружка учащихся акушерско-фельдшерской школы, мужской гимназии, духовной семинарии и епархиального училища толстовская молодежь во главе с Залманом Лобковым стояла в стороне, «но в горячих дискуссиях знакомилась все же с марксистскими идеями, с революционными установками». При этом автор утверждает, что «марксистский кружок ставил себе целью распропагандировать толстовцев» [3, ф. П-411, оп. 1, д. 708, л. 15–16], поэтому информация о создании Лобковым и Тверитиным в 1914 г. кружка с привлечением большого количества учащейся молодежи представляется весьма сомнительной.

Не вносят ясности воспоминания и в вопрос о руководстве кружком учащихся Тобольской сельскохозяйственной школы. Например, И. Урманский, писавший о деятельности известного сибирского революционера З. Лобкова, именно ему отводил роль организатора и лидера кружка учащихся школы. По мнению автора брошюры, после пребывания в заключении по делу толстовцев, выйдя на свободу в 1915 г. З. Лобков вступил в кружок самообразования учащихся, где местные социал-демократы вели работу по изучению марксизма: «На Лобкова марксистская литература производит сильное впечатление. Он увлекается учением о социализме. ... Стремительный, горячий юноша не только аккуратно работает в кружке ... , он начинает сам организовывать кружки. Так, им организован был кружок (12 человек) учащихся в сельскохозяйственной школе» [3, ф. П-19, оп. 1, д. 177, л. 35–36].

Однако в написанных в конце 1930-х гг. воспоминаниях П. А. Лебедева есть совсем удивительное утверждение, согласно которому еще до ареста З. Лобковым вместе с несколькими молодыми людьми был организован революционный кружок, «первоначальной целью которого была пропаганда против войны, пропаганда программы СДРП/б/». Автор (*возможно, участник событий. – О. И.*) приписывает Лобкову ведущую роль в организации революционной деятельности в городе: «Эти 4–5 кружков под руководством Зямы Лобкова положили начало объединению сил для борьбы в Тобольске. Они занялись распространением прокламаций и воззваний, призывавших на борьбу с царизмом и против войны. ... В целом, работа велась по программе СДРП/б/» [3, ф. П-19, оп. 1, д. 177, л. 62]. После ареста и освобождения в 1915 г. Лобков, по словам автора воспоминаний, написанных в качестве докладной записки Тобольскому райкому ВКП/б/, еще энергичнее взялся за работу в кружке и к 1916 г. «кружок насчитывал до 40 человек вместе с приезжающими в город из сел учителями, рабочими типографии и других кустарных тобольских предприятий». При этом З. Лобков назван руководителем всех собраний и им «была организована связь с такими же кружками других городов ... Томска, Иркутска» [3, ф. П-19, оп. 1, д. 177, л. 63].

О лидирующей роли З. Лобкова в кружке писал в своих воспоминаниях и бывший ученик Тобольской сельскохозяйственной школы И. В. Сурнов. По его словам, войдя в янва-

ре 1916 г. в состав «Тобольского конспиративного социал-демократического кружка», ему и его соученикам С. Завьялову и С. Калининскому Центральным Тобольским кружком было поручено «организовать в школе свой ученический нелегальный кружок и заняться пропагандой идей социализма среди учащихся». По утверждению автора, задача была выполнена, и в феврале 1916 г. кружок в составе названных выше организаторов и трех их соучеников (Г. Халина, Я. Анисимова и И. Рыбьякова) был создан [3, ф. П-19, оп. 1, д. 181, л. 3]. В других источниках участниками кружка в разное время также называются Тверитин, Нечаев, Я. Кистанов, Елизаров, Петроченко и др. [2, д. 34, л. 69, 103].

О деятельности кружка в сельскохозяйственной школе И. Сурнов писал следующее: «Мы (члены кружка) занимались распространением социалистической литературы ..., вели пропаганду среди своих ребят-учеников и среди солдат одной дружины, близко расположенной от школы. ... Кружок, в котором под умелым руководством З. Лобкова велась большая воспитательная работа, был для нас тем неиссякаемым источником социалистических знаний, из которого мы с жадностью черпали силы для предстоящей революционной борьбы... Уже через год, к началу Февральской революции, кружок увеличился до 12 человек» [3, ф. П-19, оп. 1, д. 181, л. 4].

Следует отметить, что И. Сурнов был единственным автором, называвшим в качестве источника кружковой деятельности в учебных заведениях Тобольска некий «Центральный социал-демократический кружок». Однако похожая информация имеется в воспоминаниях участника событий А. Москвина, утверждавшего, что кружком сельскохозяйственной школы была налажена связь с революционным кружком Тобольска, которым руководили ссыльные большевики, а сам он входил в более широкое объединение социал-демократов – большевиков в Тобольске, которым в разное время руководили ссыльные большевики Цвиллинг, Полонский, Немцов, затем З. Лобков [2, д. 34, л. 63].

Датированные началом 1980-х гг. воспоминания А. Д. Москвина представляются наиболее политизированными и, в то же время, идеологически правильными. Кружок в его мемуарах сразу же определен как «нелегальная большевистская организация Союза социалистической молодежи при бывшей Тобольской сельскохозяйственной школе» и «родина Тобольского районного комсомола». Указывая на истоки будущего ВЛКСМ, Москвин писал о том, что учащаяся молодежь сельскохозяйственной школы уже осенью 1905 г. организовала подпольный социал-демократический кружок Союза социалистической молодежи большевистского направления. По его мнению, в кружке уже тогда изучалась марксистская литература, печатались революционные прокламации, которые распространялись в окрестных деревнях, а действиями молодежи «руководили, как правило, большевистские организации» [2, д. 34, л. 63]. В 1906 г. после проведенных арестов деятельность организации стихла, но «в 1910 г. подпольная организация Союза социалистической молодежи возобновила работу и восстановила свои связи с марксистскими кружками большевиков в Тобольске, во главе которых стояли ссыльные социал-демократы» [2, д. 34, л. 62].

Вполне понятно, что никакого Союза социалистической молодежи, тем более большевистского направления, в указанный период в Тобольске существовать не могло, однако автор последовательно проводит мысль об изначально правильном направлении кружка сельскохозяйственной школы, в котором его члены изучали «Манифест Коммунистической партии», труды Ленина, «кроме того, на каждом занятии обсуждали положение трудящихся России и в других странах. Через кружок, которым руководил в Тобольске большевик-пропагандист Самуил Моисеевич Цвиллинг, попадала в Соколовку и большевистская газета «Правда» [2, д. 34, л. 63]. Деятельность кружка, по мнению автора, имела и широкое общественное звучание: «С полученными знаниями в кружке сельскохозяйственной школы соколовцы шли к крестьянам деревень Денисовки, Соколовки, Алемасовой и др.» [2, д. 34, л. 65].

При этом отсутствие документов, подтверждающих слова автора о большевистском социал-демократическом кружке, действовавшем в Тобольской сельскохозяйственной школе, Москвин объяснял тем, что материалы о деятельности Союза в 1911–1916 гг. были уничтожены в период колчаковщины и кулацко-эсеровского мятежа 1921 г., но ему удалось установить, что в 1915–1916 гг. организаторами и руководителями Союза социалистической

молодежи были преподаватель-агроном Василий Александрович Насонов и кузнец Семен Железнов – рабочий этой же школы [2, д. 34, л. 63]. Очевидная недостоверность воспоминаний А. Москвина в некоторой степени компенсируется тем, что он оказался единственным автором, кто отмечал наличие в сельскохозяйственной школе среди учащихся сторонников эсеров и меньшевиков, а также то, что часть учащихся враждебно относилась к работе членов социал-демократического кружка [2, д. 34, л. 69, 73].

В дальнейшем, согласно воспоминаниям И. В. Сурнова, в дни Февральской революции сельскохозяйственная школа «первой выступила в манифестациях против царизма» и огромная 10-тысячная манифестация в начале марта 1917 г. была организована по инициативе школьного кружка. После отречения монарха «только наш центральный кружок не спал и организовывал наскоро демонстрации по поводу свержения царизма. Силами наших товарищей колебания воинских частей были рассеяны, и они перешли на нашу сторону» [3, ф. П-19, оп. 1, д. 181, л. 4].

Главное место автор воспоминаний отводил и работе кружка сельскохозяйственной школы среди учащихся: «Силами кружка в эти дни поставлена была на ноги вся учащаяся молодежь г. Тобольска... На ученических собраниях организовывались комитеты учащихся, ставившие своей задачей реформировать на новых началах школу. Наиболее серьезным и выдержанным комитетом ... был наш школьный ученический комитет. С места в карьер был поставлен вопрос о реформировании сельскохозяйственной школы, начиная с внешней стороны и касаясь внутренней школьной жизни. Царские флаги были заменены красными революционными флагами, царские портреты сняты. Преподавателям были поставлены условия согласовать весь план учебной работы и считаться в этом отношении с мнением учащихся» [3, ф. П-19, оп. 1, д. 181, л. 4].

Таким образом, анализ воспоминаний о деятельности в начале XX в. небольшого кружка учащихся Тобольской сельскохозяйственной школы в очередной раз ставит вопрос о степени достоверности мемуарных источников. Содержание рассмотренных воспоминаний в значительной степени зависело от идеологических установок, господствовавших в период их написания, что заставляло авторов конструировать историю под требование времени. Однако преломление объективной реальности через субъективное восприятие участников событий тоже представляет интерес для исследователя.

Литература

1. Валитов А. А., Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Образовательная среда города Тобольска в конце XIX начале XX в // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 207–209.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4012. Оп. 2.
3. Исторический архив Омской области (ИаОО).
4. Ищенко О. В. Биография революционера З. И. Лобкова: формирование образа героя // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие // Сб. ст. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, СурГУ, 24–25 ноября 2017 г.). Сургут : Печатный мир г. Сургут, 2017. С. 315–325.
5. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. 272 с.

Кирилюк Д. В.
Kirilyuk D. V.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ РОДОВСПОМОЖЕНИЯ В ЮГРЕ В СЕР. 1940-Х ГГ.

ORGANIZATION OF THE MATERNITY CARE SYSTEM IN UGRA IN THE MIDDLE OF 1940S

Статья посвящена анализу основных проблем работы учреждений родовспоможения в Ханты-Мансийском национальном округе в первые послевоенные годы. Основные выводы исследования базируются на отчетах окружного отдела здравоохранения. Они последовательно раскрывают вопросы материального обеспечения родильных домов, состояния медицинских кадров и особенности отношения местного коренного национального населения к учреждениям родовспоможения. Делается вывод о наличии ряда нерешенных проблем в деятельности родильных домов и фельдшерско-акушерских пунктов региона.

The article is devoted to the main problems' analysis of the work of maternity institutions in the Khanty-Mansiysk National okrug in the first post-war years. The main conclusions of the research are based on the reports of the regional Health Department. They consistently reveal the issues of material provision of maternity hospitals, the state of medical personnel and the peculiarities of the attitude of the local indigenous population to maternity institutions. The basic conclusion is that there are a number of unresolved problems in the activities of maternity hospitals and rural paramedic-obstetric centers in the region.

Ключевые слова: родовспоможение, родильный дом, врач, фельдшер, акушер, медицинские инструменты, медикаменты, роженица, домашние роды.

Keywords: Obstetrics, maternity hospital, doctor, rural medical assistant, obstetrician, medical instruments, medicines, woman in labor, home birth.

Долгожданное и победоносное окончание Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. позволило советскому государству начать планомерное возвращение страны к мирной жизни. Это возвращение было особенно актуальным, учитывая общее состояние развития целого ряда сфер развития советского общества, особенно в удаленных регионах СССР. Одной из таких областей, где требовалось кардинальное улучшение постановки дела, была система здравоохранения.

К числу первоочередных задач, которые необходимо было решать в данном направлении, было совершенствование сети родильных домов и качества оказания медицинской помощи роженицам. Нужно при этом отметить, что руководство Советского Союза озаботилось указанной проблемой еще до официального окончания Великой Отечественной войны. 8 июля 1944 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР № 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [4]. В соответствие с данным документом, устанавливались многочисленные нормы материального и морального поощрения материнства в стране.

Но что из себя представляла система родильных домов и родовспоможения в Советском Союзе в первые послевоенные годы? Попробуем ответить на этот вопрос, исходя из анализа ситуации в данной сфере на примере Ханты-Мансийского национального округа. Как указывают отчеты Окрздравотдела, в 1946 г. в Югре числилось всего 4 родильных дома общей вместимостью 35 коек. При этом самый крупный родильный дом располагался

в п. Ханты-Мансийск и имел наполняемость в 16 коек [1, л. 3] (открылся в 1945 г.), что по тем временам считалось большим лечебным учреждением. Вторым по размерам был Березовский роддом на 10 коек. Родильные же дома в Ларьякском и Самаровском районах имели вместимость лишь 4 и 5 коек соответственно [2, л. 67]. Кроме того, в округе имелось также 5 акушерских пунктов на 10 коек, 56 фельдшерско-акушерских пунктов на 124 койки и 47 родильных коек при сельских больницах. В 1947 г. эта сеть изменилась незначительно, увеличилась лишь всего на 3 койки вместимость имеющихся в регионе родильных домов, а также были открыты еще 2 фельдшерско-акушерских пункта [3, л. 14].

Вместе с тем, сеть родильных домов в регионе обладала заметными изъянами. К примеру, три района округа (Микояновский, Кондинский и Сургутский) не имели своих учреждений подобного типа. Роды на данных территориях принимались в родильных палатах общих больниц, которые не могли порой удовлетворить минимальных требований к родовспомогательным учреждениям [1, л. 3]. В некоторых случаях из-за общей нехватки больниц в Югре в родильных отделениях лежали другие больные! Так, в Сургутском районе в 1946 г. имелось 8 родильных отделений, но фактически работали только три из них [1, л. 37]. Самое крупное родильное отделение при Сургутской райбольнице было рассчитано всего на 5 коек, отличалось теснотой, из-за чего не было предродовой и детской комнат [1, л. 37]. Требовалось срочно строительство уже в 1947 г. родильного дома в Сургуте [1, л. 40]. Однако, как указывают отчеты, в указанное время этого не произошло [3, л. 14–15].

Невысокой вместимости были и больницы других райцентров. Например, 2-х коек в родильном отделении Нахрачинской больницы Кондинского района совершенно не хватало для проведения всех родов, поэтому рожениц вынужденно размещали в общей палате стационара, что было недопустимо [1, л. 15]. С другой стороны, по мнению Окргздравотдела, в отдельных населенных пунктах Кондинского района, например, в Леушинской и Ягодинской больницах, где также имелось лишь по 2 родильные койки, этих материальных возможностей было достаточно, учитывая численность местного населения и текущие потребности [1, л. 15].

Население Ханты-Мансийского национального округа было вынуждено приспособляться к данным условиям. Например, в 1946 г. имелась практика, когда роженицы были вынуждены задолго до родов ехать во время распутицы по дороге в ближайший врачебный участок или в райцентр для того, чтобы получить квалифицированную помощь при родах [1, л. 4]. Вместе с тем, в отдельных случаях добраться до родильного дома, сельской больницы, либо фельдшерско-акушерского пункта в Югре было максимально затруднительно. Так, жители деревни Ландина Нахрачинского сельского совета Кондинского района для получения родовспомогательной помощи должны были зимой ехать 80 км, а летом – все 500 км! В таких населенных пунктах женщины были вынуждены рожать на дому [1, л. 16].

Общее материально-техническое состояние имеющихся в регионе фельдшерско-акушерских пунктов также оставляло желать лучшего. Например, в 1946 г. Учинский фельдшерско-акушерский пункт Кондинского района располагался в купленном в 1938 г. частном доме, в котором ни разу не делался ремонт. Более того, он, как и все другие медицинские учреждения района, нуждался в стекле, так как в них были «исключительно плохие окна». Имелись также проблемы с освещением, в качестве которого чаще всего по-прежнему выступали керосиновые лампы, которых не хватало, как и керосина к ним. Отсутствовала также и канализация [1, л. 10–11].

Схожие трудности наблюдались и в работе фельдшерско-акушерских пунктов Сургутского района. Так, Каюковский пункт имел плохо приспособленное здание для амбулаторного приема, а стационар там разместить было попросту невозможно. Ореховский фельдшерско-акушерский пункт размещался в частном доме и из-за отсутствия здания родовспоможение осуществлялось только на дому [1, л. 33]. Вершинско-Тромаганский фельдшерский пункт и вовсе своего здания не имел, а фельдшер Царепова из-за этого была вынуждена всю работу проводить в разъездах, так как местный колхоз только обещал выделить здание после выборной кампании. В непростом положении находились и отдельные больницы. Например, в Тундринской больнице было тесно, само здание было непригодным и не соответ-

ствовало гигиеническим требованиям. Даже родильное отделение не было изолировано и имелась лишь одна общая палата на 5 коек [1, л. 34].

Помимо дефицита и тесноты зданий больниц и фельдшерско-акушерских пунктов для организации нормальной помощи роженицам не хватало также твердого и мягкого инвентаря. Повсеместно в Югре не доставало железных коек, стульев, столов, матрасов, одеял, простыней, постельного и нательного белья, халатов. Даже имеющиеся вещи порой не соответствовали нормам. В частности, матрасы нередко были слишком тонкими. Иногда, например, в Кондинском районе от безысходности вместо кроватей использовались деревянные топчаны [1, л. 11, 35]. Еще более тревожным было отсутствие в больницах, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктах Югры медицинских инструментов первой необходимости, таких как кружки Эсмарха, скальпели, ножницы, сухие банки, стерилизаторы, биксы и гинекологические инструменты. Не имелось даже подкладных клеенок для родильных отделений [1, л. 11, 35, 46].

Были зафиксированы и отдельные трудности с обеспечением сети родовспомогательных учреждений региона необходимыми медикаментами. К примеру, в 1946 г., несмотря на то, что общая ситуация со снабжением больниц и иных медучреждений в Сургутском районе была признана удовлетворительной, тем не менее, в отчете отмечалось, что в районе не хватало спирта, сульфидина, ихтиола, мало имелось в наличии и перевязочных материалов. От врачей и фельдшеров требовали экономно расходовать имеющиеся медикаменты [1, л. 11, 35–36, 46], что только подчеркивало их острый дефицит. Аналогичная картина наблюдалась также в повседневной работе медицинских учреждений Березовского района [1, л. 46].

Совершенно неудовлетворительной была и ситуация с кадрами медицинских работников для родовспоможения. Так, в 1946 г. на весь Ханты-Мансийский национальный округ имелся лишь один врач-специалист – акушер-гинеколог, который работал в родильном доме в Ханты-Мансийске. В сельской местности врачей-гинекологов, акушеров не имелось совсем. Лучше обстояло дело в тех населенных пунктах, где имелись хоть какие-то врачи, которые брали под свой контроль родильную помощь. В медпунктах же и при врачебных участках эту работу осуществляли «средние кадры» [1, л. 3].

На деле же ситуация с кадрами учреждений родовспоможения была еще хуже. Дополнительные проблемы создавала сильная перегруженность работой имеющих в Югре врачей. Например, в 1946 г. в окружном центре врачи были загружены «до предельной возможности», вследствие чего отказывались от любого совместительства [1, л. 5]. Наряду с этим, из 44-х врачей, имевшихся в регионе, 22 не имели определенной специальности и никаких курсов специализации не проходили. В целом в Югре не хватало 11 фельдшеров, 23 акушера и 30 медсестер [1, л. 5]. Целый ряд национальных сельсоветов Сургутского района не был обеспечен врачами [1, л. 37]. На местах же, например, в Березовском районе почти невозможно было достать медицинскую литературу, газеты и журналы, что не позволяло врачам, фельдшерам и акушерам самостоятельно повышать свой уровень квалификации [1, л. 46].

Настоящая трудность заключалась также в том, что имевшаяся в Ханты-Мансийском национальном округе в сер. 1940-х гг. фельдшерско-акушерская школа также не могла помочь оперативно ликвидировать недостаток в фельдшерах и акушерах, способных оказывать помощь роженицам. Доказательством этому является годовой отчет фельдшерско-акушерской школы за 1946–1947 уч. г., в котором были отмечены проблемы с преподаванием дисциплин по акушерству и гинекологии, факты отсутствия учебников по этим предметам [1, л. 66–67].

Ко всему прочему, как указывают документы окружных властей, многие медицинские работники региона в первое послевоенное время не получали регулярно заработную плату. Особенно это относилось к медучреждениям сельских бюджетов. Так, в Кондинском районе некоторые медицинские работники не получали зарплату по 5–6 месяцев. Но даже в медучреждениях районного значения задержки зарплаты достигали двух месяцев. Это отражалось на их работе [1, л. 18–19, 23].

Интересна также статистика рождений в разрезе конкретных территорий Ханты-Мансийского национального округа. Например, в 1945 г. всего по региону учреждения родо-

вспоможения посетили 1300 рожениц, из которых подавляющее большинство – 804 женщины (61,8 %), рожали в родильных палатах сельских больниц. Лишь 316 роженицам (24,3 %) довелось рожать в окружном центре – Ханты-Мансийске. 13,9 % родили детей в фельдшерско-акушерских пунктах [1, л. 4]. Выходит, что почти две трети всех рожениц (в Кондинском районе их называли «родилками») [1, л. 15] Югры рожали детей без присмотра квалифицированных врачей со «средними кадрами».

Имеющаяся у нас отчетная документация Окрздравотдела позволяет также оценить и длительность нахождения рожениц в родильных домах, акушерских и фельдшерско-акушерских пунктах в разрезе каждого из типов этих учреждений. Например, в 1946 г. в родильных домах роженицы в среднем проводили 8,6 дней, в родильных палатах сельских больниц – 4,9 дней, в фельдшерско-акушерских пунктах – 13,1 день [1, л. 4].

Эти цифры ярко характеризуют разницу и особенности работы учреждений родовспоможения в округе. Длительность нахождения рожениц в фельдшерско-акушерских пунктах подтверждает тезис о том, что женщинам из удаленных населенных пунктов приходилось долго до них добираться и фактически они получали хоть какую-то медицинскую помощь именно в периоды нахождения в данных пунктах. Что же касается родильных палат сельских больниц, то столь низкая средняя длительность пребывания в них женщин (4,9 дней) свидетельствует нам о том, что рожениц выписывали едва ли не через день после родов, т. е. не осуществлялось серьезного наблюдения за здоровьем матери и ребенка в первые дни. Например, в Сургутской райбольнице в 1946 г. из-за отсутствия помещений имели случаи выписки «родильниц» раньше установленных сроков [1, л. 37].

На уровне руководителей районных отделов здравоохранения Ханты-Мансийского национального округа эта проблема признавалась столь серьезной, что уже в первое послевоенное время звучали призывы качественно улучшить данную работу. Так, в 1946 г. в Кондинском районе глава местного отдела здравоохранения призывала коллег активизировать патронажную работу среди детей и матерей, в частности осуществлять патронаж женщин, начиная с первого месяца беременности и мам – с первого дня выхода из родильного отделения, не реже двух раз их навещать. По справедливому утверждению зав. райздравотделом Ф. М. Юшковой, этим самым можно сохранить ребенка и мать [1, л. 27].

Однако повседневная практика работы учреждений родовспоможения в Югре свидетельствовала о том, что далеко не все сотрудники учреждений родовспоможения края в сер. 1940-х гг. были готовы работать с подобным уровнем сознательности и ответственности. Несмотря на то, что целый ряд врачей и фельдшеров работали на высоком уровне качества [1, л. 33-34], имелись и обратные случаи. К примеру, в это же самое время острой критике подвергся один из фельдшеров Кондинского района по фамилии Тесленко, которая не навещала беременных женщин, избегала участия в родах, находя для этого различные поводы и причины. В ее отсутствие роды принимала санитарка, которая авторитетом среди населения не пользовалась [1, л. 27].

Еще более вопиющий случай произошел в то же время с участием акушерки Юмассинского фельдшерского пункта по фамилии Кнура, которая вместо того чтобы оказать немедленную скорую помощь больному ребенку с крупозной пневмонией легких, даже не навестила его и, не видев ребенка, не зная диагноза, назначила лечение, выдала матери ребенка слабительное, а ребенок, не получив реальной помощи, вскоре скончался. Акушеры обвинялись также в том, что слишком много сетовали на отсутствие материальной базы в работе медучреждений, «скачали без работы», а свою прямую работу не видели. Не был даже налажен нормальный учет беременных женщин, не велись соответствующие журналы, из-за чего и не выполнялись планы по «койко-дням» в родильных отделениях [1, л. 27–28].

Неудивительно, что самой нетерпимой стороной работы родильных домов, акушерских и фельдшерско-акушерских пунктов Югры в рассматриваемое время были факты смерти рожениц во время родов. Несмотря на то, что детская смертность в регионе, по сравнению с 1940 г., снизилась более чем в пять раз, эти случаи нечасто, но продолжали происходить. Например, в 1945 г. в родильной палате одной из сельских больниц Ханты-Мансийского национального округа произошел очередной случай смерти женщины при родах [1, л. 3–4].

С другой стороны, в Югре сохранялось большое число смертей детей в возрасте до 1 года, что также говорило о недостатках родовспомогательной помощи женщинам. Например, в 1946 г. только в Сургутском районе родилось 423 ребенка, а умерло детей в возрасте до 1 года – 31 чел. Из них 6 младенцев – по причине недоношенности, 2 – врожденная слабость, 1 – дистрофия, 1 – врожденный порок сердца, 1 – желудочно-кишечное кровотечение [1, л. 43] и т. д. В 1947 г. медучреждения Югры вновь допустили смерть 6-ти новорожденных недоношенных детей [3, л. 14]. Данные проблемы были слишком серьезными и требовали пристального наблюдения за младенцами, но этого по разным причинам организовано не было.

Кроме того, специфика этно-национального состава округа, а именно наличие в регионе большого числа представителей коренных народов Севера также оказывала свое негативное воздействие на работу местных родильных домов. По мнению тюменской исследовательницы И. И. Шороховой, уже в первые послевоенные годы при родах женщины из числа коренного населения получали медицинскую помощь [5, с. 265]. Однако нам представляется, что в реальности картина была куда сложнее. К примеру, как отмечалось в отчете Окрздравотдела за 1946 г., среди национального населения в эти годы сохранялись всевозможные традиции и предрассудки, вследствие которых не всегда на практике удавалось охватить помощью всех рожавших женщин из числа национального населения. Несмотря на то, что процент смертности при родах составил в округе всего 0,19 % [1, л. 3], данный факт свидетельствовал о недостатках работы югорской системы родовспоможения.

Вместе с тем, особенности территориального размещения родильных домов, акушерских и фельдшерско-акушерских пунктов в Ханты-Мансийском национальном округе способствовали широкому распространению принятия родов у рожениц на дому. Так, за 1945 г. медработниками региона было принято на дому 424 родов, из которых 113 приходились на женщин из числа коренных народов Севера (26,6 %). Доля же домашних родов по отношению к родам, принятым в медицинских учреждениях составляла значительные 30 % [3, л. 14–15].

Но уже в 1946–1947 гг., по мере возвращения страны к мирной жизни, окружным медицинским работниками удалось значительно повысить процент женщин, рожавших в медучреждениях и понизить процент домашних родов. Например, в 1946 г. из 2331 роженицы в родильных домах, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктах родили детей 1845 чел. (79,1 %), а на дому – 287 чел. (12,3 %). В 1947 г. из 2911 рожениц – 2419 чел. (83,1 %) и 329 чел. (11,3 %) соответственно. Остальные женщины родили с участием медицинских работников [3, л. 14–15].

Тем не менее, если говорить о роженицах из национального населения, то нужно признать, что они гораздо чаще рожали именно в домашних условиях [1, л. 4]. Женщины из числа национального населения по-прежнему старались избегать медицинской помощи со стороны врачей, что говорило о недостаточной разъяснительной работе с ними [1, л. 37]. Отдельные фельдшеры Сургутского района, например, Лобова из Усть-Балыкского медпункта и Фатеева из Пимского медпункта критиковались в это время за то, что не принимали родов у беременных женщин из коренного населения [1, л. 37].

Таким образом, следует заключить, что система родовспоможения на территории Ханты-Мансийского национального округа в первые годы после окончания Великой Отечественной войны отличалась существенными изъянами. Ее отличала недостаточная обеспеченность родильными домами (их отсутствие в 3-х районах округа), невысокая вместимость имеющихся родильных домов, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, недостаток медицинских инструментов и медикаментов первой необходимости. Наблюдался также заметный недостаток врачей-гинекологов, акушеров, фельдшеров и медсестер, а имеющиеся в регионе медицинские работники учреждений родовспоможения отличались невысоким уровнем образования и были перегружены работой.

Вследствие этого в округе в сер. 1940-х гг. сохранялись немногочисленные случаи смертей рожениц и новорожденных, а сами родильницы выписывались из роддомов и сельских больниц раньше установленного срока. Не была также налажена на должном уровне разъяснительная работа среди местного национального населения о необходимости прибегать к медицинской помощи при родах. Вследствие всех перечисленных причин более 10 % мла-

денцев в Югре по-прежнему рождались в домашних условиях, без участия врачей, акушеров и фельдшеров. Это усиливало риски возникновения различных осложнений для жизни и здоровья рожениц и их детей и усугубляло общую ситуацию с детской смертностью в регионе.

Литература

1. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 100
2. ГАЮ. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 103
3. ГАЮ. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 110
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.44 N 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Матери-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Контур.Норматив». Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30133> (дата обращения: 1.11.2021 г.)
5. Шорохова И. И. Здравоохранение Тюменской области в послевоенные годы // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области. 2009. С. 263–267

Корженевский К. Б.
Korzhenevskiy K. B.

**УТОЧНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ СИБИРСКОГО КРАЯ
В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ., НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕХОДА ПОГРАНИЧНЫХ
СЕЛЕНИЙ БОЯРКИ И ЦВЕТКОВО В ИШИМСКИЙ ОКРУГ**

**CLARIFICATION OF THE WESTERN BORDER OF THE SIBERIAN TERRITORY
IN THE MID-1920S, ON THE EXAMPLE OF THE TRANSITION OF THE BORDER
VILLAGES OF BOYARKI AND TSVETKOVO TO THE ISHIM DISTRICT**

В статье рассматривается процесс перехода нескольких селений Крутинского района Омского округа Сибирского края в Викуловский район Ишимского округа Уральской области. Приводятся основные стадии по прохождению данного вопроса в местных и центральных инстанциях от теоретического изучения к фактической реализации изменения статуса двух поселков. Анализируется непосредственная связь пограничного вопроса с общими процессами становления западной границы Сибирской области.

The article discusses the process of transition of several villages of the Krutinsky district of the Omsk district of the Siberian Territory to the Vikulovsky district of the Ishim district of the Ural region. The main stages of the passage of this issue in local and central authorities from theoretical study to the actual implementation of the change in the status of two settlements are given. The direct connection of the border issue with the general processes of formation of the western border of the Siberian region is analyzed.

Ключевые слова: Сибирский край; Уральская область; граница; Ишимский округ.

Keywords: Siberian Region; Ural region; border; Ishim district.

Сибирский край был образован 25 мая 1925 г. на подведомственной Сибирскому ревкому территории [12, л. 135] и охватил огромные территории Сибири. Основными факторами, которые способствовали образованию единой сибирской области, являлись:

- нарушение границ проектируемой Западно-Сибирской области, предусмотренной к созданию по проекту Госплана [10, л. 32]. В результате образования Уральской области в ноябре 1923 г. [18, с. 1], в состав которой вошел ряд западносибирских территорий (бывшая Тюменская губерния), предположенных включению в Западно-Сибирскую область, была нарушена вся сетка проектируемых сибирских областей [8, л. 172];

- мнение руководства Сибревкома о нецелесообразности дробления территории, находившейся под непосредственным контролем сибирских революционных властей и необходимость создания единого субъекта, охватывающего всю сибирскую территорию [4, л. 28].

В ходе обсуждения проекта Госплана на местах, не отрицая его правильности, Сибпланом и Сибревкомом в 1924 г. было признано необходимым, подойти к выполнению его, в форме создания единой области на территории Сибревкома [2, с. 14]. И уже к началу 1925 г. все работы по созданию Западно-Сибирской области были свернуты и начались подготовительные работы по образованию единой административно-территориальной единицы, под контролем Сибревкома [15, с. 33].

В процессе подготовительной деятельности по созданию Сибирского края, непосредственно проводилась работа по установлению точных границ нового субъекта РСФСР с сопредельными областями и губерниями. На востоке граница подлежала установлению с Якутской АССР, на юго-востоке с Бурят-Монгольской АССР, на юго-западе с Казахской АССР, а на западе с Уральской областью. И если в большинстве случаев, границы Сибкрая совпадали с границами губерний и областей, которые должны были войти в состав единой сибир-

ской области, и не подлежали коренному пересмотру, то на западных рубежах, в силу спорности ряда территорий, предстояла серьезная работа по определению точной разграничительной линии.

Тематика разграничения сибирского региона с сопредельными территориями нашла отражение в ряде научных трудов. Так, в работах А. И. Бакшеева [1], В. Н. Казарина [13], П. В. Сорокуна [20] уделено внимание эволюционным процессам административно-территориального устройства сибирских территорий. Труды К. И. Зубкова [11], В. А. Кокшарова [14], Н. И. Разгон [19] непосредственно посвящены изучению разграничительных процессов Сибири с сопредельными территориями.

В целом, в первой половине 1925 г., несмотря на нежелание заинтересованных сторон идти на серьезные уступки в пограничных вопросах (уральцы не стремились отдавать ряд западносибирских территорий, вошедших в Уральскую область в 1923 г. в состав образуемого Сибирского края, а сибиряки не желали смириться с подчиненностью территорий Тобольского Севера и Ишимского уезда Уралу), благодаря посредничеству центральных органов власти была установлена граница Сибкрая с Уралобластью [16]. В состав Сибирского края из Уральской области были включены бассейн реки Вах, Александровский район Тобольского округа с передачей их Томскому округу, а также сельсоветы Еланский, Пановский и Тюбенцинский из Загваздинского района Ишимского округа с передачей последних Усть-Ишимскому району Тарского округа [3, л. 35], в то же время вся остальная территория бывшей Тюменской губернии осталась в подчинении Уральского облисполкома.

Таким образом, в 1925 г. граница двух субъектов РСФСР была закреплена законодательно, однако это не мешало сибирским или уральским властям и в дальнейшем обращаться к вопросам экономической, политической, культурной целесообразности нахождения той или иной территории в составе своего или соседнего региона.

Пограничным вопросом, стоящим особняком, находившимся вне орбиты процесса формирования западных границ Сибирского края, являлся переход пограничных селений Боярки и Цветково (Смирново, Смирновское) из ведения Крутинского района Омского округа Сибирского края в Викуловский район Ишимского округа Уральской области. Данный вопрос возник еще в 1924 г., в связи с удаленностью данных поселков от районного центра Крутинки и неудобства путей сообщения с Крутинским райисполкомом.

Весной 1924 г. в Омской административной комиссии на повестку дня был поставлен вопрос о целесообразности нахождения двух пограничных селений в Омской губернии и возможном отходе их к смежному Ишимскому округу Уральской области. Далее этот вопрос был вынесен на обсуждение на уровень губернских и центральных властей, однако, в силу необходимости решения более важных административно-территориальных задач, был отложен на неопределенный срок. С образованием Сибирского края потенциальное изменение пограничной линии между Омским и Ишимским округами на данном участке границы оставалось открытым.

12 августа 1925 г. Сибревком запросил омские власти представить свое решение относительно одобрения или неодобрения перехода селений Боярка и Цветково в Уральскую область. 29 августа Омская окружная комиссия по районированию, рассмотрев вновь пограничный вопрос, признала желательным присоединение названных поселков к Ишимскому округу [5, л. 36]. В тот же день, президиум Омского губисполкома, прослушав постановление окружной комиссии по районированию о желательности перечисления Боярки и Цветково Крутинского района в Ишимский округ, дал согласие на перечисление двух селений в Уралобласть [5, л. 37]. 7 сентября из Омского губисполкома в Сибревком и Сибплан была послана телеграмма, в которой омские власти обозначили необходимость перехода поселков к Уралу [5, л. 46].

Далее, уже Сибревком, учитывая положительные отзывы омских губернских властей на необходимость передачи двух селений в Ишимский округ, 3 ноября 1925 г. дал одобрительное заключение и постановил ходатайствовать перед административной комиссией ВЦИК о скорейшем разрешении данного пограничного вопроса [5, л. 58].

На самом деле, учитывая, что от поселка Боярки до райцентра расстояние составляло 120 верст, а от поселка Цветково – 112 верст, при заболоченных путях сообщения, с учетом

малого расстояния, всего в 12 верст до ближайшего райисполкома Ишимского округа, правильным решением являлось не препятствовать переходу данных населенных пунктов в Ишимский округ [5, л. 46].

19 ноября 1925 г. административная комиссия ВЦИК должна была рассмотреть вопрос о передаче из Сибирского края в Уральскую область означенных селений, однако вопрос был снят с обсуждения в связи с возникшей путаницей в названиях поселков и необходимости уточнения правильности наименования, так как в одних документах упоминались поселки Боярка и Смирновское, а в других Боярка и Цветково [5, л. 58]. Предоставить верные данные административная комиссия ВЦИК запросила у Сибревкома через представительство сибирских властей при ВЦИК. В ответ на данный запрос Сибирская краевая плановая комиссия, телеграммой от 7 декабря 1925 г. дала пояснение, что селение Смирновское, имеет еще и другое название «Цветково» и вместе с селением Боярка, находятся в составе Крутинского района Омского округа и составляют отдельный сельсовет – Боярский [5, л. 59].

Получив разъяснения, 1 апреля 1926 г. административная комиссия при президиуме ВЦИК повторно рассмотрела вопрос о перечислении селений Боярка и Цветково, постановив перечислить данные селения из Крутинского района Омского округа в Викуловский район Ишимского округа Уралобласти [6, л. 17]. Произвести передачу селений административная комиссия назначила к 1 мая 1926 г. 8 апреля, административная комиссия ВЦИК уведомила Сибирский крайисполком о своем решении относительно судьбу двух пограничных селений [6, л. 16].

19 апреля 1926 г. уже президиум ВЦИК, заслушав мнение административной комиссии, относительно вопроса о перечислении селений Боярка и Цветково в состав Викуловского района, постановил утвердить данное решение, подтвердив дату передачи указанных селений к 1 мая 1926 г. [17, с. 273–274].

21 апреля Сибкрайисполком обратился к омским властям с требованием войти им в сношение с Ишимским окрисполкомом на предмет образования согласительной комиссии по перечислению двух селений и произвести передачу в самом непродолжительном времени и предоставить данные в сибирский краевой центр [7, л. 15]. 22 июня 1926 г. Омский окрисполком дал распоряжение начать процесс передачи селений Боярки и Цветково в Уральскую область, и образованная тогда же, по согласованию Омского и Ишимского окрисполкомов, согласительная комиссия, немедленно приступила к выполнению возложенных на нее обязанностей [6, л. 51]. 30 июня 1926 г. Омский окрисполком, телеграммой, уведомил сибирские краевые власти о ходе работы по передачи селений Боярки и Цветково в Ишимский округ [6, л. 51]. И только в августе 1926 г., несмотря на указания административной комиссии и президиума ВЦИК провести в жизнь изменения пограничной линии к 1 мая, селения Боярка и Цветково были окончательно переданы из Крутинского района в Викуловский район Ишимского округа [6, л. 52].

Подводя итоги, необходимо сказать, что данный пограничный вопрос, в целом не был тесно связан с основными процессами установления границы между Сибирским краем и Уральской областью. Однако, в связи с тем, что сибирские власти вплоть до конца 1926 г. не оставляли попыток вернуться к обсуждению статуса Ишимского округа, желая в конечном итоге вернуть себе данные земли [16, с. 376–377] (с августа 1919 по март 1920 гг. Ишимский уезд уже входил в состав Омской губернии [9, л. 4]), то и обсуждение вопроса о передаче селений Боярка и Цветково в состав Ишимского округа Уральской области проходил параллельно с вопросом о статусе ишимских земель.

И если бы центральная власть приняла решение в пользу Сибири, изъяв Ишимский округ из ведения Урала и передав его в состав Сибкрая, то обсуждение статуса означенных селений проходило бы сугубо в сибирских кругах, так как решался бы вопрос не о передаче территорий из одной области в другую, а о переводе селений из одного округа в другой в пределах единого региона.

В целом, именно экономический фактор стал главным в вопросе перехода двух поселков из ведения Омского округа в состав Ишимского. Однако, в связи с путаницей в названиях селений и совпадением по времени рассмотрения данного пограничного вопроса с про-

цессами создания Сибирского края, потенциальная передача селений Боярки и Цветково Ишиму была отложена на более поздний срок и разрешилась только после появления на карте РСФСР единого сибирского региона и официального установления точных границ нового субъекта РСФСР.

Литература

1. Бакшеев А. И. Административно-территориальное устройство Сибири в годы Нэпа // Общество: философия, история, культура. № 2. 2016. С. 71–73.
2. Вся Сибирь, со включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925/26 г.: с приложением карты Азиатской части СССР и планами городов: Ново-Николаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1925. 606 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1425.
4. ГАОНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1489.
5. ГАОНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1654.
6. ГАОНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 324.
7. ГАОНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3455.
8. ГАОНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 217.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 5677. Оп. 7. Д. 207.
10. ГАРФ. Р.6984. Оп. 1. Д. 33.
11. Зубков К. И. Территориальные споры в ходе районирования Урала и Сибири (начало 1920-х гг.): геополитика в региональном интерьере // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 62–65.
12. Исторический архив Омской области. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 53.
13. Казарин В. Н. Административно-территориальные преобразования в период «Сибревкомовской Сибири» // Иркутский Историко-экономический ежегодник. 2013. С. 67–78.
14. Кокшаров В. А. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию / В. А. Кокшаров, Е. В. Тиханова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 259 с.
15. Корженевский К. Б. Обская область – нереализованный проект районирования Западной Сибири в 1920-е гг. // Актуальные проблемы истории, документоведения и педагогики: Материалы научно-методического семинара студентов, аспирантов и преподавателей кафедр истории России, документоведения и всеобщей истории, педагогики и педагогического и социального образования (Нижевартовск, 24 декабря 2016 года) / отв. ред. О. П. Цысь, Л. А. Якубова, Л. А. Ибрагимова. Нижевартовск : Нижевартов. гос. ун-т, 2017. С. 30–34.
16. Корженевский К. Б. Территориальное размежевание между Сибирским краем и Уральской областью в 1923-1926 годах // Научный диалог. 2021. № 9. С. 365–384. DOI 10.24224/2227-1295-2021-9-365-384.
17. О перечислении селений Боярка и Цветково (Смирново, Смирновское тоже) Крутинского района Омского округа Сибирского края в Викуловский район Ишимского округа Уральской области // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 24. Ст. 193. С. 273–274.
18. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о введении в действие положения об Уральской области // Материалы по районированию Урала. Т. 1. М. : Изд. Уралэко, 1923. С. 1.
19. Разгон Н. И. К истории вопроса о передаче Коростелевской степи Алтайской губернии в Казахстан (1920–1925 гг.) // Границы безопасности и безопасность границ. Челябинск, 2001. С. 86–102.
20. Сорокун П. В. Исторический аспект процесса районирования Сибири в 20-х гг. XX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 7-1. 2013. С. 123–126.

Красовитова Э. С.
Krasovitova E. S.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ГОРОДОВ
СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – КОНЦЕ 1980-Х ГГ.**

**ACTIVITIES OF SOVIET AUTHORITIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS
TO IMPROVE THE ECOLOGICAL CONDITION OF THE CITIES OF THE NORTH
OF WESTERN SIBERIA IN THE MID-1960S – LATE 1980 S**

Охрана и улучшение окружающей среды северного базового города в рассматриваемый период стали одной из важнейших проблем, решение которой должно было осуществляться одновременно с формированием производственной и социальной инфраструктуры или даже несколько опережать ее. Специфике этого процесса на Севере Западной Сибири с акцентом на деятельность органов советской власти и общественных организаций посвящена статья.

The protection and improvement of the environment of the northern base city in the period under review became one of the most important problems, the solution of which had to be carried out simultaneously with the formation of production and social infrastructure or even slightly ahead of it. The specifics of this process in the North of Western Siberia with an emphasis on the activities of Soviet authorities and public organizations are devoted to the article.

Ключевые слова: охрана природы, север Западной Сибири, ВООП.

Keywords: nature protection, north of Western Siberia, All-Russian Society of Nature Conservation (VOOP).

27 октября 1960 г. был принят Закон РСФСР «Об охране природы». За выполнением закона должны были следить *местные власти*. Большую роль играли местные Советы депутатов трудящихся. Природоохранная деятельность местных Советов сводилась, в первую очередь, к решению вопросов благоустройства, озеленения, проведению санитарной очистки и т. д. [31]. Однако у местных органов охраны природы не хватало властных полномочий для решения этих вопросов, к тому же существовала разобщенность между организациями [29]: дублирование функций, отсутствие единой схемы решения экологических проблем в регионе и игнорирование требования Комиссий [13, с. 75].

В октябре 1970 г. был утвержден пятилетний план природоохранной деятельности на 1971–1975 гг. План предусматривал расширение агитационной работы [6].

С конца 1970-х гг. стало проводиться больше соцсоревнований, организовывались курсы по обучению бережного отношения к природе, по сбору и уничтожению нефти при авариях [2]. Предполагалось, что просветительская деятельность принесет пользу и население будет более бережно относиться к природе [22]. Просветительская работа превратилась в основной метод деятельности в области охраны природы, так как со стороны государства не было реальных методов борьбы с нарушителями [31, с. 49].

В регионе были созданы общественные инспекции по охране природы, которые регулярно устраивали рейды по предотвращению нарушений [32]. На предприятиях начали функционировать комиссии по проверке осуществления природоохранных мероприятий, секции по охране и рациональному использованию природных ресурсов, организовывали общественно-технические комитеты по охране природы, аварийные службы для экстренного реагирования на аварии [17].

Комиссии по охране природы устраивали рейды-проверки совместно с комитетами народного контроля. Материалы рейдов передавались административным комиссиям, пуб-

ликовались в печати, обсуждались региональными отделениями ВООП [32, с 189]. К рейдам привлекались члены добровольных общественных объединений в области охоты и рыбной ловли, инспекторы, члены ВООП [12].

Проводились проверки экологического состояния кустовых площадок на месторождениях. Комитеты по охране природы проводили экологическую паспортизацию предприятий, проводили оценку допустимости и безопасности намеченных решений [10].

Многое в деле охраны природы зависело от работы местных органов власти. Они должны были обеспечивать условия, необходимые для соблюдения санитарных норм, а также уметь организовывать эту работу [18].

Большую роль в охране природы играла Всероссийская организация по охране природы (ВООП), ее местные отделения. Первые общества охраны природы в ХМАО стали появляться в конце 1960-х – 1970 гг., в ЯНАО позднее, с 1974 года [33]. Региональные отделения ВООП не могли сами формировать природоохранную и экологическую политику, так как не имели реальной власти [5]. Проводимые природоохранные мероприятия отставали от темпов освоения природных ресурсов региона. Нефтяным и газовым экспедициям давались рекомендации, но мало кто им следовал [20].

В категорию основных правонарушений экологического законодательства входили интенсивная вырубка лесов, разлив, утечка нефти, сброс подсланевых вод в водоемы, свалки. Нарушителями выступали промышленные предприятия и организации. Причинами нарушений являлись низкий уровень экологической культуры, отсутствие эффективной системы контроля, нерациональное использование средств, выделенных для природоохранных мероприятий [21].

В 1979 г. общий контроль за реализацией природоохранных мер был возложен на областные плановые комиссии. А в начале 1980-х гг. появились комиссии по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов [29]. В 1979–1980 гг. развернулась активная деятельность по охране природы. Проводили работу по утилизации газового конденсата. Ввели новые очистные сооружения [9]. Но многие предприятия так и не приступили к выполнению постановлений и решений Совмина и Облисполкома [1]. Производственники стремились выполнить государственный план и социалистические обязательства, но они не выполняли элементарных обязательств по охране природы.

После VII съезда ВООП (18–19 июня 1981 г.) ситуация начала меняться. ВООП становилась реальной силой. В ЦС ВООП развернулся активный процесс содействия законотворческой работе, в том числе и на местах [15].

Основной движущей силой общества на местах являлась молодежь и люди пенсионного возраста. Проводили работу по пропаганде, а также по обеспечению товарами природоохранного назначения, посадочным материалом и семенами, инвентарем [14]. Главным недостатком в работе местного общества был формальный подход к решению экологических проблем. Численность организации увеличивалась, как правило, «добровольно-принудительным» путем. Пополнение рядов местных обществ происходило за счет людей пенсионного возраста и школьников. Это привело к тому, что ВООП стали называть «обществом пионеров и пенсионеров» [21; 32, с. 184].

Руководство считало, что в целях улучшения охраны внешней среды и рационального использования природных ресурсов необходимо добиваться создания на каждом предприятии первичных организаций Общества охраны природы [11; 22; 27]. При крупных организациях начали функционировать первичные общества охраны природы, которые вели пропаганду по вопросам охраны окружающей среды [26]. Планировалось постоянно повышать профилактические меры, направленные на сокращение и недопущение случаев нарушения закона «Об охране природы в РСФСР». Для этого было решено улучшить агитационную работу [23]. Первичные организации должны были вовлекать широкие слои населения в работу по охране природы, воспитывать у населения любовь к природе и прививать бережное к ней отношение. Одним из таких действий являлось привлечение населения к озеленению городов и поселков [8; 20; 24]. Проводились беседы о важности охраны окружающей среды со школьниками и студентами, особенно перед уходом на летние каникулы [7].

До 1965 г. на предприятиях не создавались первичные организации по охране природы. В 1965 г. Совет депутатов трудящихся установил социалистические обязательства, чтобы на всех предприятиях действовали общества охраны природы [4]. Данный процесс пришелся на 1970-е гг., предприятия боролись за экологию, принимали меры по охране природы. Проводилась большая работа по ликвидации загрязнения леса, почвы, водоемов [17, 22].

Между предприятиями проводили соцсоревнования Всесоюзного значения по охране природы, а также смотры-конкурсы внутри организации [17]. Однако в работе предприятий оставалось много недостатков, таких как содержание улиц в антисанитарном состоянии, неправильная транспортировка мусора, груза, захламление улиц [19].

В 1981 году на Сургутском ГПЗ проводились различные мероприятия по охране окружающей среды. Наиболее крупными природоохранными мероприятиями в 1981 году являлись: 1) ввод в эксплуатацию станции биологической очистки бытовых стоков; 2) монтаж трубопровода для откачки компрессионного бензина в нефтепровод; 3) оформление «Разрешения на спецводопользование»; 4) ограждение санитарных зон вокруг артезианских скважин; 5) благоустройство территории завода [3; 30, с. 39].

Ухудшение экологической ситуации и ее открытое обсуждение в СМИ стимулировали мощный подъем общественного движения за охрану природы. К концу 1980-х гг. оно приобретает огромное число сторонников в разных слоях общества по всей стране [25; 28].

Все перечисленные меры послужили началом к созданию в ХМАО окружного Комитета по охране природы. Данное решение было принято на VIII сессии Совета народных депутатов ХМАО XX созыва от 15 марта 1989 г. Функциями этого нового комитета стали обеспечение, улучшение, усиление охраны природы. Комитет должен был заниматься объединением ведомственных и общественных организаций округа [25]. В ЯНАО подобный комитет по охране природы был создан 14 марта 1989 года, данное решение было принято исполнительным комитетом Совета народных депутатов ЯНАО. В состав комитета вошли районные и городские комитеты по охране природы. Главной задачей комитета являлось обеспечение экологической безопасности человека, сохранение естественных экосистем, обеспечение развития экономики округа на основе охраны окружающей среды и организации рационального природопользования [16].

Итак, основной организацией на территории ХМАО и ЯНАО были местные отделения ВООП. Городские и районные Советы ВООП не очень активно работали по созданию первичных организаций и по привлечению в них людей, а ведь именно они должны были привлекать общественность к охране окружающей среды. Просветительская деятельность, несмотря на ее обширность, мероприятия по очистке территорий, которые проводили вместе с населением, акции по озеленению, высаживанию саженцев деревьев и цветов, различные рейды не давали больших результатов.

Литература

1. Муниципальный архив г. Сургута (МАГС). Ф. 1. Оп. 1. Д. 323. Л. 52.
2. МАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 379. Л. 4; Ф. 1. Оп. 1. Д. 392. Л. 203.
3. МАГС. Ф. 221. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.
4. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 11; Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 166.
5. Боголюбов Е.А. Природоохранная деятельность государства и общественных организаций в 1940 – 1960-е гг. [Электронный ресурс] // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Право. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prirodoohrannaya-deyatelnost-gosudarstva-i-obschestvennyh-organizatsiy-v-1940-1960-e-gg> (дата обращения: 15.12.2020).
6. Бондарева Д. К. Природоохранная агитационно-пропагандистская деятельность в Иркутской области во второй половине 1960-х – 1991 гг. // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prirodoohrannaya-agitatsionno-propagandistskaya-deyatelnost-v-irkutskoy-oblasti-vo-vtoroy-pолоvine-1960-h-1991-gg> (дата обращения: 14.03.2021).
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А.- 259. Оп. 45. Д. 5124. Л. 75.

8. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 5275. Л. 16, 17.
9. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 8678. Л. 21.
10. ГАТО. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 4. Л. 121, 122; Ф. 2263. Оп. 1. Д. 6. Л. 3; Ф. 2263. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.
11. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6209. Л. 20.
12. Гололобов Е.И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2019. № 61. С. 12–20.
13. Гололобов Е. И. Документирование деятельности постоянных комиссий по охране природы исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся (1960–1980-е гг.) // Вестник РГГУ. 2017. № 3 (9). С. 71–80.
14. История ВООП // Общероссийская общественная организация Всероссийское общество охраны природы. URL: <http://voop-rf.ru/history/> (дата обращения: 15.03.2021).
15. К 90-летию ВООП // НИА-Природа. URL: <http://www.priroda.ru/news/detail.php?ID=10902> (дата обращения: 15.03.2021).
16. Комитет охраны окружающей среды и природных ресурсов Ямало-Ненецкого автономного округа, г. Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области // Государственный архив Ямало-Ненецкого округа. URL: <https://www.gosarhivyanao.ru/db/fund/10000000005> (дата обращения: 02.03.2021).
17. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1252. Л. 97, 104, 106, 107, 111, 113, 121, 123.
18. ГАЮ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 853. Л. 26, 27.
19. ГАЮ. Ф. 387. Оп. 1. Д. 51. Л. 48, 49.; Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 7; Ф. 324. Оп. 1. Д. 298. Л. 22; Ф. 324. Оп. 1. Д. 341. Л. 23.
20. ГАЮ. Ф. 398 Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 24, 27, 28, 45, 48, 55, 73.
21. ГАЮ. Ф. 398 Оп. 1. Д. 36. Л. 19, 40; Ф. 398. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.
22. ГАЮ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
23. ГАЮ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 13. Л. 63.
24. ГАЮ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 40. Л. 106.
25. ГАЮ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 52. Л. 24.
26. ГАЮ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 66. Л. 72; Ф. 398. Оп. 1. Д. 7а. Л. 42.
27. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1112. Л. 27.
28. Макеева Е. Д. Общественные экологические организации Поволжья на рубеже 1980 – 1990-х гг. и их взаимоотношения с властью // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-ekologicheskie-organizatsii-povolzhya-na-rubezhe-1980-1990-h-gg-i-ih-vzaimootnosheniya-s-vlastyu> (дата обращения: 20.01.2020).
29. Макеева Е. Д. Характерные особенности управления охраной природы в регионах РСФСР в 1960–1980-е гг. (исторический аспект) // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakternye-osobennosti-upravleniya-ohranoy-prirody-v-regionah-rsfsr-v-1960-1980-e-gg-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 20.01.2020).
30. Новиков В. П. Охрана природы Югры. Ханты-Мансийск, 1991. 45 с.
31. Приходько Ю. С. Деятельность региональных органов власти на Севере Западной Сибири в реализации государственной экологической политики во второй половине XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2015. № 4 (36). С. 47–52.
32. Шмыглёва А. В. Деятельность региональных отделений Всероссийского общества охраны природы в Западной Сибири (1960 – первая половина 1980-х гг.). // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № (432). С. 182–192.
33. Ямало-Ненецкий окружной Совет Всероссийского общества охраны природы Тюменского областного Совета Всероссийского общества охраны природы, г. Салехард // Служба по делам архивов Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <http://funds.yamalarchives.ru/funds/view/140> (дата обращения: 01.03.2021).

Кузнецова А. А.
Kuznetsova A. A.

**В БОРЬБЕ ЗА ПРАВО НА ЭМИГРАЦИЮ ИЗ СССР:
ИСТОРИЯ ФЕЛИКСА КОЧУБИЕВСКОГО**

**IN THE FIGHT FOR THE RIGHT TO EMIGRATE FROM THE USSR:
THE STORY OF FELIX KOCHUBIEVSKY**

В статье на примере истории семьи новосибирца Ф. Д. Кочубиевского анализируется борьба сибирских инакомыслящих за свободу эмиграции из Советского Союза. Исследование основано на источниках личного происхождения (воспоминания Ф. Д. Кочубиевского), а также материалах архива г. Новосибирска и НИПЦ «Мемориал».

In the article, using the example of the family history of a Novosibirsk citizen F. D. Kochubievsky analyzes the struggle of Siberian dissidents for freedom of emigration from the Soviet Union. The research is based on sources of personal origin (memories of F.D. Kochubievsky), as well as materials from the archives of Novosibirsk and the «Memorial».

Ключевые слова: эмиграция, евреи, Феликс Кочубиевский, права человека, Новосибирск, Западная Сибирь

Key words: emigration, Jews, Felix Kochubievsky, human rights, Novosibirsk, Western Siberia

В период развитого социализма 1970–1980-х гг. в Советском Союзе заметную роль в общественной жизни имело диссидентское движение, отстаивавшее различные гражданские права. Среди них стоит отметить право на эмиграцию, которое в силу многонациональности СССР находило особенный отклик у некоторых народов. В частности, евреи, сталкивавшиеся с различными сложностями, притеснениями в некоторых сферах своей деятельности, заняли активную позицию в вопросе права на эмиграцию на историческую родину. Движение это развивалось не только в столичных центрах страны, но и на периферии. Москва и Ленинград были своего рода эпицентром, платформой для формирования движения за реализацию гражданских свобод, но поддержку и отклик эти идеи находили во многих концах Советского Союза.

Так, в Новосибирске в среде борцов за эмиграцию был хорошо известен Феликс Давыдович Кочубиевский. Он родился в Харькове в 1930 г. Его отец в годы Великой Отечественной войны был начальником на заводе, который занимался производством «Катюш», которые устанавливали на грузовиках. Феликс и его семья были эвакуированы и проводили военные годы в разных городах (Пенза, Курган). После окончания войны семья вернулась в родной Харьков, однако, он уже был «другим», по словам Ф. Д. Кочубиевского. Все чаще его семья и другие евреи сталкивались с антиеврейскими настроениями, на которые, к слову сказать, власти даже реагировали и рассматривали некоторые случаи в судебном порядке [5].

В 1948 г. Феликс поступил в родном городе в Электротехнический институт (позже ставший Политехническим институтом им. Ленина), поскольку в более «экзотические» вузы дороги евреям уже не было. После его окончания в 1953 г. по распределению он работал в Харькове на заводе «Электростанок». После положенных трех лет работы по распределению, далее можно было выбрать место на свое усмотрение. Но, по словам, Ф. Д. Кочубиевского, Харьков уже был не для него, не для евреев. Поэтому недолго думая, он с женой и двумя детьми отправился в Новосибирск, имея оттуда приглашение на работу на завод уникальных тяжелых станков и крупных гидропрессов (далее – НЗТСГ), куда министерство станкостроения отправило ранее на отзыв его изобретение [5]. Выбор был сделан в пользу этого города исходя из следующих соображений Феликса: «смена Харькова на Новосибирск,

по сути, была внутренней эмиграцией: евреи уезжали от антисемитизма в пределах одной страны... Когда мы переехали в Новосибирск, советская кадровая политика, делавшая евреев гражданами второго (если не более) сорта, как это давно уже было в западной части СССР, активно там еще не проводилась» [4].

За годы работы в Новосибирске, Феликсу Давыдовичу удалось побывать в командировке в Китае (г. Ухань, 1960 г.), несмотря на то, что евреев даже в социалистические страны отправляли крайне редко. В 1964 г. он защитил кандидатскую диссертацию. Долгие годы проблемы антисемитизма в научной сфере и на производстве не касались Ф. Д. Кочубиевского. И даже Шестидневная война 1967 г. не повлияла решительно на его уmonoстроения. По его воспоминаниям, долгое время в этом вопросе его сдерживали дружеские отношения с руководителем его НИИ В. И. Русаевым, который очень трезво оценивал ситуацию в отношении евреев в СССР. После отстранения Русаева от работы, Феликс вспоминал, что теперь «мне не надо было учитывать, как на нем отзовется мое ходатайство о выезде из страны» [5].

Однако к концу 1960-х гг. политика антисемитизма начала затрагивать и семью Кочубиевского, появлялись проблемы на работе, росло его еврейское самосознание, сына Александра в 1978 г. исключили из университета, так как он подал заявление на выезд из страны. Вследствие всех этих изменений и событий возникло желание вернуться в Израиль.

На протяжении 1970–1980-х гг. Ф. Д. Кочубиевский будет предпринимать решительные попытки покинуть СССР. Так, в конце 1970-х гг. советские газеты сообщили о приеме Л. И. Брежневым Мухаммеда Али, которому генеральный секретарь ЦК КПСС разрешил снять фильм о Советском Союзе. Феликс Давыдович написал М. Али письмо с приглашением приехать в Новосибирск и взять там интервью в ОВИРе, познакомиться с отказниками, которым без причин не позволяют покинуть страну. В качестве примеров, автор привел случаи со своими сыновьями и двумя профессиональными музыкантами – скрипачом и пианистом. Письмо было отправлено в посольство США для М. Али, а копии – председателю Новосибирского облисполкома. Этот эпизод повлиял на решение властей: Ф. Д. Кочубиевского вызвали в облисполком, попросили никуда больше не писать и срочно оформили разрешение на выезд музыкантам и его семье, но самого Феликса не выпустили. Ссылались на «секретность» его работы. В мае 1979 года младший сын, старший сын с женой, дочерью четырех лет прибыли в Израиль. Глава же семейства получил разрешение на выезд только спустя 9 лет, в течение которых он добивался выезда из СССР [5].

В 1982 г. одним из шагов по реализации права на выезд для Феликса Давыдовича становится написанное в августе письмо семи евреев, П. Абрамовича, В. Престина, В. Фульмахта и И. Эссаса из Москвы, Э. Горбмана из Новосибирска, В. Райза из Вильнюса. В своем письме они просили обратить внимание на ситуацию в отношении «отказников по режимным соображениям», к которым применялось ограничение на выезд за пределы СССР в силу специфики профессий. В письме они просили ООН способствовать выполнению их просьбы, адресованной Президиуму Верховного Совета СССР, что могло бы повысить, по их мнению, взаимное доверие стран, без которого невозможны ни разоружение, ни прочный мир на планете [6].

Ф. Д. Кочубиевского впоследствии обвинили в «изготовлении и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Он пытался организовать в Новосибирске Ассоциацию содействия дружбе народов СССР и Израиля. Но его предложение властям показалось «в данное время неприемлемым, потому что было бы воспринято общественностью как изменение нашей политики в отношении Израиля и нанесло бы ущерб влиянию Советского Союза в арабских странах» [2, Л. 15-16]. Несмотря на увольнение основателей Общества с работы, оно продолжало функционировать. По итогам «задавливания» этой Ассоциации Ф. Д. Кочубиевский написал обзор фактов и документов под названием «Прозрачная книга», которая позже была им переправлена для публикации сыновьям в Израиль [4].

Автор считал, что «без свободы эмиграции человек становится заложником своего правительства, право на эмиграцию из любой страны является ключевым вопросом в достижении реального всеобщего разоружения и мира» [1, С. 2]. В материалах приговора говорится о том, что Ф. Д. Кочубиевский написал и размножил на своей пишущей машинке юриди-

ческое пособие под названием «Правовые основы выезда из СССР на постоянное жительство в другие государства». Автор пособия утверждал, что в СССР нарушаются права человека.

В сентябре 1982 г. состоялся суд, на котором Ф. Д. Кочубиевский не признал свою вину. Он заявлял, что ни в одной из своих работ не содержится сведений, порочащих советский общественный и государственный строй. Однако суд признал эти заявления несостоятельными и приговорил его к 2,5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима [3, л. 388–391]. Основное обвинение, предъявленное Кочубиевскому, состояло в стремлении создать Новосибирскую Ассоциацию дружбы народов СССР и Израиля и подготовить документы, «способствующих росту эмиграционных настроений советских граждан еврейской национальности» [5].

После выхода из заключения герой данной статьи, не без проблем, но вернулся на свою прежнюю работу и еще несколько лет пытался добиться выезда из страны. Только в декабре 1987 г. Ф. Д. Кочубиевскому выдали разрешение на выезд из СССР. Но сам отказник не видел в этом проявления гуманности властей, так как всего 4 месяца назад ему отказали в выезде в Израиль на похороны своего сына, который погиб в автокатастрофе. Но уже в декабре того же года, когда М. С. Горбачев вылетал в США для встречи с Р. Рейганом, 23 многолетних отказника получили разрешения на выезд [4].

Подводя итог, хочется отметить, что Феликс Кочубиевский стал человеком, который не только добивался реализации права на эмиграцию из СССР, но и был тем, кто помог не одной семье в этом нелегком деле. Он сумел наладить за годы борьбы с властями связи со столичными отказниками, которые вместе вносили свой существенный вклад в дело формирования гражданского общества в СССР. Безусловно, многие события он описывает и оценивает весьма эмоционально. К сожалению, даже за годы, проведенные уже на исторической родине в Израиле, его не покинула обида на советскую власть, препятствовавшая его выезду из страны. Однако в своих мемуарах он благодарит страну за то, что «Россия заставила «вспомнить», что я – еврей, вызвала тем самым желание вникнуть в содержание этого понятия, найти свою историю, свой народ, свою страну и свое духовное наследие» [5].

Литература

1. АНИПЦ «Мемориал». Архив Самиздата. Вып. 42/82 от 27.12.1982. С. 2.
2. ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 1044.
3. Дело Ф. Д. Кочубиевского // АНИПЦ «Мемориал». Ф. 155, фонд не описан.
4. Кочубиевский Ф. Д. Еврейское тебе спасибо, Россия! URL: http://world.lib.ru/k/kochubiewskij_f/080425_fakspasros.shtml (дата обращения: 07.11.2021).
5. Кочубиевский Ф. Д. Исповедь длиной в полвека // Глобус : междунар. интернет-журнал. URL: <http://www.russian-globe.com/N75/Kochubievsky.Ispoved2.htm> (дата обращения: 07.11.2021).
6. Хроника текущих событий. Вып. 64. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/> (дата обращения: 07.11.2021).

Курская А. Е.
Kurskaya A. E.

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ С 1789–1870 ГГ.**

TEACHING STAFF OF TOBOL GOVERNMENT COLLEGE 1789–1870.

В статье выделены два этапа развития преподавательского состава Тобольской губернской гимназии: первый с 1789–1803 гг. и второй с 1803–1870 гг. Первый этап развития педагогического коллектива берет свое начало с момента открытия Главного училища. Второй этап в развитии педагогического коллектива начался с 1803 г., когда Главное народное училище было преобразовано в Тобольскую мужскую гимназию. Педагогический состав Тобольской мужской гимназии в своем составе имел многих своих бывших выпускников, которые после окончания гимназии, продолжив обучения в университетах, возвращались в свою родную гимназию, но уже в качестве педагогов.

The article identifies two stages in the development of the teaching staff of the Tobolsk provincial gymnasium: the first from 1789–1803. and the second from 1803–1870. The first stage in the development of the teaching staff dates back to the opening of the Main School. The second stage in the development of the teaching staff began in 1803, when the Main Public School was transformed into the Tobolsk Men's Gymnasium. The teaching staff of the Tobolsk men's gymnasium included many of its former graduates, who, after graduating from the gymnasium, continued their studies at universities, returned to their native gymnasium, but already as teachers.

Ключевые слова: Тобольская мужская гимназия, педагогический коллектив, Западная Сибирь, учитель, выпускники.

Keywords: Tobolsk men's gymnasium, teaching staff, Western Siberia, teacher, graduate.

Тобольская мужская гимназия – одно из старейших учебных заведений Западной Сибири. На основании Высочайшего Указа от 24 января 1803 г. было принято решение о преобразовании Главного народного училища г. Тобольска в гимназию. Торжественное открытие первой в Западной Сибири мужской гимназии состоялось 12 марта 1810 г. [1]. Основателем гимназии считается коллежский советник Август Христанович Эйбен. Именно он приобрел необходимые на первое время пособия и приборы, произвел реконструкцию здания, сформировал штат педагогов.

1849–1850 учебный год начался с введения новых правил в процесс обучения. Так, курс гимназического учения стал делиться на общий и специальный. Специальное обучение начиналось с IV класса. До IV класса воспитанники учатся все вместе Закону Божьему, русскому языку, математике, географии, истории всеобщей и русской, немецкому и французскому языку, чистописанию с черчением и рисованием. [2, с.71] В высших четвертых классах вводились следующие предметы: физика, математическая география, латинский и греческий языки. В развитии педагогического коллектива гимназии прослеживаются два этапа: первый с 1789–1803 гг. и второй с 1803–1870 гг.

Первый этап развития педагогического коллектива берет свое начало с момента открытия Главного училища. Об учителях данного периода сохранились лишь отрывочные сведения. Среди первых учителей были: Т. Воскресенский, преподававший латинский язык, грамматику, арифметику, геометрию, механику и физику в 3-х и 4-х классах; И. Лафитов, который преподавал в тех же классах политическую и естественную историю, географию; В. Прутковский, который во 2-м классе проводил все предметы: пространственный катехизис, священную историю, руководства к чистописанию, первые части арифметики, изъяснения

Евангелия и латинский язык; И. Набережнин, который преподавал все предметы в 1-м классе: таблицы азбучные, таблицы для складов, российский букварь, сокращенный катехизис, священную историю, руководства к чистописанию, рисование и латинский язык [3].

Преподавательский состав Тобольской мужской гимназии со временем открытия училища и до 1800-х гг. изменился незначительно. Второй этап в развитии педагогического коллектива начался с 1803 г., когда Главное народное училище было преобразовано в Тобольскую мужскую гимназию. Учебный план гимназии был расширен по сравнению с учебным планом училища и включал новые предметы. Следовательно, это привело и к увеличению педагогического состава.

Материальное положение учителей того времени было неудовлетворительным. Большинство педагогов имело блестящее по тем временам образование, но происходило из несостоятельных семей и жило на небольшое жалование. Изменение доходов произошло в 1836 г., когда годовой оклад старших учителей увеличился до 1875 руб. ассигнациями, младших учителей до 1200 руб., законоучителя и учителя рисования до 900 руб.

К преподавателям гимназии предъявлялись особые требования: 1) запрещалось затруднять юношество перепиской курсов, произвольно составленных учителем, и предписывалось преподавать только по книгам; 2) не позволять производить экзамены тем учителям, которые преподавали в течение года; 3) визитаторам предписывалось обращать внимание на метод преподавания учителей; 4) директора должны иметь надзор за учителями, чтоб они не заставляли учеников только затверживать уроки наизусть, но чтобы объясняли уроки вразумительным для них способом.

В Тобольской мужской гимназии преподавали талантливые педагоги. Начиная с 1807 г. в гимназии преподавал Иван Павлович Менделеев. Образование он получил в Главном Педагогическом институте в Петербурге, а затем вернулся в родной Тобольск, где и началась его карьера учителя, а затем и директора гимназии. Заботясь о развитии учеников, Менделеев ввел необычные по тому времени формы обучения. Самыми популярными из них были литературные воскресенья. После обедни в воскресные дни гимназисты собирались в актовом зале и устраивали коллективное чтение русских и зарубежных авторов. Здесь же читались и первые поэтические опыты самих гимназистов.

С 1836 г. в Тобольской губернской гимназии начал свою педагогическую карьеру Петр Павлович Ершов. Он получил блестящее образование, сначала окончив Березовское уездное училище, затем Тобольскую мужскую гимназию, затем философско-юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1834 г. со званием кандидата философии. Учеником П. Ершова был Д. И. Менделеев, который всегда с любовью вспоминал об его уроках. «...Ершов стремился сделать свои уроки возможно более занимательными, – в частности, охотно рассказывал ученикам о знаменитых писателях своего времени, со многими из которых был лично знаком, особенно о Пушкине и Жуковском». Ершов стремился сделать свой предмет «яснее и занимательнее», чтобы «будить в ученике самостоятельность» и развивать «собственную точку зрения». [4, с. 142].

С 1862 г. учителем латинского языка был Македон Иванович Емельянов – кандидат богословия, смотритель духовных школ Тобольской епархии. Он имел безупречное образование сначала окончил Тобольскую духовную семинарию, а затем Казанскую духовную академию [5, с. 37].

Учителем истории с 1864 г. был Иван Яковлевич Христофоров. Свое образование он получил в Казанской духовной семинарии. На протяжении всей жизни вел активную научную деятельность, изучал историю Симбирского края. За 1866–1886 гг. им были опубликованы более 200 старинных грамот, принадлежащих роду Тенишевых. И. Христофоров стал автором ряда учебников по истории. С 1874 был редактором неофициальной части газеты «Симбирские губернские ведомости».

Учителем латинского, греческого, церковно-славянского и русского языков был Анатолий Александрович Терновский. После окончания Тобольской мужской гимназии, он поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. Являлся инспектором Тобольской Мариинской женской школы и преподавал в ней географию и

историю. Кроме преподавательской деятельности активно участвовал в общественной жизни г. Тобольска. Был членом городской думы и редактором «Ежегодника Тобольского губернского музея», а спустя год был выбран кандидатом в библиотекари музея. На этой должности раскрылся научный талант Терновского: он впервые начал работу над иконографией и библиографией Тобольского музея, составил библиографический указатель книг и статей по Сибири, а также каталог музейной библиотеки [6].

За период 1789–1870 гг. педагогический коллектив насчитывал 155 человек, из которых 17 занимали должности директоров, 10 инспекторов, 10 учителей Главного народного училища, 118 педагогов гимназии. Большинство преподавателей происходили из духовного, дворянского сословия и слоя разночинной интеллигенции. Анализируя образовательный ценз, можно отметить, что на 2-м этапе в гимназии преобладали педагоги, окончившие Петербургскую учительскую семинарию, Петербургский главный педагогический институт, Казанский университет.

Таким образом, педагогический состав Тобольской мужской гимназии в своем составе имел многих своих бывших выпускников, которые после окончания гимназии продолжив обучения в университетах возвращались в свою родную гимназию, но уже в качестве педагогов. Помимо бывших выпускников в гимназии трудились и выдающиеся деятели науки, искусства и культуры того времени. Многие педагоги преподавали в гимназии не один десяток лет, сформировав даже целые педагогические династии.

Литература

1. Валитов А. А. Образовательная среда города тобольская в конце XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 207–209.
2. Замахаяев С. И. Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск : Тип. Губ. Правл., 1889. 321 с.
3. Гимназия // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрона. Т. 16. СПб., 1893. 699 с.
4. Азадовский М. К. П. П. Ершов // Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988. 336 с.
5. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860. 221 с.
6. Журавлева И. В. Терновский А. А. – педагог и общественный деятель // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы област. науч. конф. Тобольск, 1992. С. 48–50.

*Легостаева А. Ю.**Legostaeva A. Yu.*

**ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ
ПРОТИВОТУБЕРКУЛЕЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОМ ОКРУГЕ В 1965–1985 ГГ.**

**ASSESSMENT OF THE STATE OF THE MATERIAL AND TECHNICAL BASE
OF ANTITUBERCULOSIS INSTITUTIONS
IN THE KHANTY-MANSIYSK DISTRICT IN 1965-1985.**

Материально-техническая база противотуберкулезных учреждений складывается из нескольких составляющих – это техническое состояние зданий и сооружений, оснащение специальным медицинским оборудованием, лекарственными препаратами, мягким и твердым инвентарем. В статье в историческом аспекте приводится анализ материально-технической базы противотуберкулезных учреждений в Ханты-Мансийском округе за период 1965–1985 гг.

The material and technical base of anti-tuberculosis institutions consists of several components – this is the technical condition of buildings and structures, equipping with special medical equipment, medicines, light and heavy equipment. The article presents an analysis of the material and technical base of anti-tuberculosis institutions in the Khanty-Mansiysk Okrug for the period 1965-1985 in the historical aspect.

Ключевые слова: здравоохранение, туберкулез, материально-техническая база.

Keywords: public health care, tuberculosis, material and technical base.

Основным звеном в организации борьбы с туберкулезом считается противотуберкулезный диспансер. Противотуберкулезный диспансер является специализированным лечебно-профилактическим и организационно-методическим учреждением, осуществляющим руководство и проведение противотуберкулезных мероприятий среди населения, обеспечивая раннюю диагностику, лечение, профилактику туберкулеза.

Система противотуберкулезной службы Ханты-Мансийского округа к середине 1960-х гг. была представлена 2 тубдиспансерами, 1 туботделением, в четырех районах округа были выделены койки для этих нужд в районных и участковых больницах. Такая сеть туберкулезных учреждений не могла удовлетворить потребности развивающегося округа, и совершенно не была достаточной даже для госпитализации бацилловыделителей.

Техническое состояние зданий туберкулезных учреждений требовало особого внимания государственно-партийных органов региона. На протяжении всего изучаемого периода в годовых отчетах противотуберкулезной службы по Ханты-Мансийскому национальному округу указывалось, что здания противотуберкулезных учреждений непригодны, лечебные отделения находятся в старых деревянных полусгнивших зданиях с малой площадью. Трудности развертывания коек заключались в отсутствии подходящих зданий.

Необходимо было строительство новых объектов здравоохранения, но оно велось плохо. Согласно воспоминанию П. А. Мунарева, в 1962 г. была подготовлена проектная документация на строительство сургутского противотуберкулезного диспансера на 100 коек в деревянном исполнении. «Подрядчиком был предусмотрен рыбокомбинат. У него в это время полным ходом шла реконструкция хозяйственным способом, какой же из него подрядчик? Долго бились над решением этого вопроса, но рыбокомбинат, конечно, к строительству приступить не смог. Других подрядчиков в то время не было» [2, с. 91]. По данным И. И. Шороховой, «за период с 1964 по 1969 гг. были построены и сданы в эксплуатацию Сургутский дис-

пансер на 55 коек, сделан ремонт Березовского тубдиспансера на 100 коек, велось строительство нового туботделения на 40 коек в Кондинской районной больнице» [3, с. 83–84].

Однако к началу 1970-х гг. материально-техническая база противотуберкулезных учреждений округа оставалась в неудовлетворительном состоянии. В округе лишь Сургутский тубдиспансер в какой-то мере отвечал требованиям, остальные были расположены в старых, холодных, тесных и ветхих помещениях. В 1972 г. стационар окружного противотуберкулезного диспансера находился в аварийном состоянии, мощность диспансера не удовлетворяла нуждам здравоохранения округа. Температура воздуха в палатах зимой опускалась ниже нуля. Стены и потолки в морозные дни, несмотря на усиленную топку печей, покрывались толстым слоем инея и льда. Это вызывало справедливое недовольство больных [1, д. 93. л. 83].

По данным отчета Окртубдиспансера за 1965 г. сообщается, что на деле ощущалась острая нехватка спальных палат, комнат отдыха, специальных помещений для хранения верхней одежды, умывальной, душевой. Подсобные помещения требовали капитального ремонта. Так, в 1966 году в Окружном противотуберкулезном диспансере палаты были переполнены, вместо 3–4 больных в них лежало 7–8 человек. Отсутствовали раздевалки, умывальная дежурная и комнаты отдыха, не имелось отдельной комнаты для приготовления дезинфекционных растворов, обработки плевательниц. Клиническая и бактериологическая лаборатории работали в комнатах по 10 м², что противоречило нормам. В одной из комнат на 15 м² работал медстатист, 2 регистратора, здесь же располагались картотеки и архив [1, д. 93. л. 35]. В г. Урае не было места для хранения вещей больных, а также ванной комнаты, дезинфекционной камеры [1, д. 93. л. 3].

Недостаток свободной площади создавал возможность для технических ошибок медперсонала при инъекциях. Из-за отсутствия изолятора возникала угроза распространения инфекционных заболеваний, что приводило к более тяжелому течению туберкулеза [1, д. 93. л. 3].

Большое значение для успешного лечения туберкулезно больных имеет наличие в медицинских учреждениях клинической лаборатории, баклаборатории, рентгеновского кабинета и бронхологического кабинета. Однако, как указывают архивные документы, в 1960-х гг. клиническую лабораторию имели только окружной туберкулезный диспансер, детский туберкулезный санаторий. Остальные учреждения вынуждены были пользоваться лабораториями ближайших районных больниц. Но уже в 1970-е гг. в округе были организованы бактериологические лаборатории и бронхологические кабинеты, но только при окружном, Березовском и Сургутском тубдиспансерах. Обследование больных других районов и городов округа осуществлялось путем забора материала на исследования выезжающими в районы специалистами лабораторий окртубдиспансера с последующим посевом в окртубдиспансере и сообщением результата исследования по месту забора [1, д. 60. л. 28]. При всех лабораториях были заведены и постоянно пополнялись картотеки на бациллярных больных. Однако биохимических лабораторий при туботделениях и тубдиспансерах в округе не имелось. Необходимые и срочные биохимические исследования проводились биохимическими лабораториями районных и окружных больниц [1, д. 99. л. 40].

Стоит обратить внимание на оснащение лабораторий медицинским оборудованием. В начале 1960-х годов медоборудованием диспансеры были обеспечены удовлетворительно. Окружной туберкулезный диспансер был оборудован новым рентген аппаратом типа УРДд-1102 К-4, но без томографа, из-за отсутствия томографа окружной диспансер вынужден был направлять часть больных на томографию в г. Тюмень [1, д. 10. л. 16]. В 1969 году все районы округа были оснащены рентген-аппаратами с томографической приставкой [1, д. 28. л. 9]. Ханты-Мансийский округ хорошо снабжался кассетами для рентгенкабинетов, пленкой, проявителем, фиксажем [1, д. 15. л. 44].

В 1970-е годы все районы и города были уже оснащены достаточно мощной диагностической рентгеновской аппаратурой [1, д. 93. л. 19]. Округ имел 7 действующих стационарных флюорографических установок, что существенно сказалось на улучшении работы по раннему выявлению туберкулеза среди населения округа [1, д. 60. л. 28]. Улучшилось оснащение флюорографами. Было получено округом 4 флюорографа. Так, в 1972 г. в округе числилось 12 флюорографов [1, д. 81. л. 2].

При рентгеновских кабинетах районных и городских поликлиник округа работали 7 ширококадровых и один узкокадровый флюорограф. Не имел флюорографа только Октябрьский район [1, д. 93, л. 84]. Флюорографы работали с недостаточной нагрузкой, особенно в Березовском и Нижневартовском районе. Даже в самом городе Ханты-Мансийске нагрузка на флюорограф составляла всего 57 человек в день. В связи с недонагрузкой было обследовано 75 % нуждавшихся в нем [1, д. 93, л. 138]. Кроме того, вызывало серьезные опасения проверяющих качество профилактических осмотров флюорографов в регионе, так как не было организовано двойное чтение [1, д. 118, л. 3]. К 1977 году в округе на балансе находилось всего 18 флюорографов, однако в Березовском, Кондинском и Октябрьском районах передвижные флюорографы длительное время не работали из-за технической неисправности и нуждались в замене [1, д. 165, л. 1].

К концу изучаемого периода в годовом отчете за 1980 год отмечается, что все города и районы округа были оснащены флюорографической техникой для проведения массовых осмотров населения на туберкулез, кроме Ханты-Мансийского района. Всего имелось 22 флюорографа, из них 5 передвижных [1, д. 207, л. 35]. Это положительно отразилось в охвате населения профилактическими осмотрами. Процент осмотров с 1960 г. вырос с 31,8 % до 81 % к 1980 г.

В начале изучаемого периода коечная система округа составляла 100 коек, что было недостаточно даже для госпитализации больных с формой бацилловыделителей. За 1965–1970 гг. система противотуберкулезной службы выросла с 265 до 401 коек (увеличение составило 51,3 %). В округе функционировали 2 районных тубдиспансера мощностью в 100 коек каждый (Березовский и Сургутский) и Окружной 80-ти коечный противотуберкулезный диспансер. Четыре района округа и г. Урай имели свои 25–35-ти коечные туботделения. Коечный фонд был не достаточен для 100 % госпитализации всех туберкулезных больных. Из-за отдаленности туботделений в районах от районных центров коечный фонд использовался не полностью [1, д. 17, л. 26]. Проблема обеспеченности населения противотуберкулезными койками оставалась одной из самых острых, основным фактором этого являлся бурный рост населения округа. Так, обеспеченность койками с 1965 года была равна 1,2 койки на 1000 населения, то к 1970 году она возросла лишь до 1,4 койки на 1000 населения при нормах 5 коек на 1000 населения [1, д. 93, л. 19].

К концу изучаемого периода округ имел 425 сметных лечебных противотуберкулезных коек. Обеспеченность лечебными койками на 1000 населения в 1989 году составила 0,3 единицы. Учитывая, что заболеваемость населения округа туберкулезом в несколько раз была выше средней республиканской, можно сделать вывод о том, что обеспеченность населения округа койками по-прежнему оставалась недостаточной. Несмотря на это из 425 коек в округе функционировали только 365. В связи с аварийным состоянием помещений в 1978 году были закрыты 30 туберкулезных коек в окружном диспансере, в 1979 году отделения в городе Урае.

Кроме того, даже имеющийся коечный фонд использовался сотрудниками противотуберкулезных учреждений Югры слабо, основной причиной этому – наличие в округе мало-мощных туберкулезных отделений. В таких отделениях, как правило, работал только 1 врач, отсутствовало необходимое оборудование, что не позволяло оказать медицинскую помощь отвечающим требованиям. Поэтому единственной мерой улучшения использования коечного фонда и повышения качества лечения больных являлась ликвидация мало-мощных отделений и укрупнение имеющихся диспансеров. С этой целью исполкомами областного и окружного Совета народных депутатов было предусмотрено строительство окружного противотуберкулезного диспансера на 100 коек в городе Ханты-Мансийске и Сургутского тубдиспансера на 300 коек.

В лечении туберкулеза основополагающим компонентом являлась химиотерапия. Химиотерапия обязательно должна быть комбинированной, т. е. одновременно в течение длительного курса лечения применялись несколько противотуберкулезных препаратов. Основными препаратами для лечения в 1960–1980-х гг. были: ПАСК, фтивазид, тубазид, стрептомицин, мэтазид, ИНХА-17, тибон, циклосерин, ларусан, этионад. Оснащение округа во

весь изучаемый период химиотерапевтическими препаратами было достаточным, антибактериальное лечение проводилось длительно, комплексно и для всех больных было бесплатным.

Перебои в поставках препаратов были зафиксированы в документах лишь в начале 1960-х гг. и коснулись участков больниц и фельдшерско-акушерских пунктов округа. Несмотря на достаточное количество этих средств в районных аптеках, районные больницы не грамотно распространяли их по своим участковым больницам и фельдшерско-акушерским пунктам, в результате чего возникали излишки или дефицит препаратов [1, д. 12, л. 14]. Из-за неправильной реализации препараты АБП (антибактериальные препараты) отпускались с истекшим сроком годности [1, д. 93, л. 142]. К примеру, в 1968 году длительно в округе не было туберкулина, с перебоями снабжались вакциной БЦЖ [1, д. 28, л. 54]. Еще одна проблема развития противотуберкулезной службы округа была связана с обеспечением диспансеров необходимой мебелью, одеждой и обувью для пациентов, постельным бельем и спецодеждой для врачей. В годовых отчетах указывается, что в изучаемый период тубдиспансеры в недостаточной степени были обеспечены надлежащим инвентарем. Твердый инвентарь поставлялся низкого качества и быстро выходил из строя. Так, в Кышиковском участке было недостаточно посуды, табуреток и тумб. На всю больницу имелось 7 табуреток и 5 стульев [1, д. 93, л. 3]. Для Ханты-Мансийского окружного детского туберкулезного санатория была необходима закупка тумб, больших кроватей, однотумбовых столов, стиральной машины [1, д. 12, л. 176]. Следует также отметить, что закупка мягкого инвентаря обходилась для учреждений очень дорого. Из-за небольшого годового бюджета учреждения не могли своевременно обновлять мягкий инвентарь, который быстро изнашивался. Так, например, в Перегребинский тубдиспансер Октябрьского района на 1964 год требовались: теплые ватные одеяла, пижамы для больных, теплые халаты, тапочки, зимние халаты и пальто для прогулок на свежем воздухе [1, д. 15, л. 172]. На 1972 году в Кышиковском участке было недостаточно постели, не имелось теплой одежды для больных [1, д. 93, л. 3].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что материально-техническая база противотуберкулезной службы Ханты-Мансийского автономного округа в период с середины 1960-х до середины 1980-х гг. продолжала оставаться неудовлетворительной. На протяжении всего рассматриваемого периода решались вопросы нехватки зданий, койко-мест, оборудования, мебели и мягкого инвентаря. Однако данная ситуация была во многом неизбежной и была вызвана быстрым притоком населения в регион, вследствие чего каждый раз все достигнутые ранее успехи теряли смысл и нужно было вновь увеличивать число мест в больницах и их оснащение.

Литература

1. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. Р-47. Оп. 1
2. Мунарев П.А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60-70-х годах / под ред. Г. В. Кондрякова. Сургут : Сургут. типография, 2008.
3. Шорохова И. И. Борьба с инфекционными заболеваниями в тюменской области в 1960-70-е годы // Проблемы модернизации сибирского севера : сб. науч. тр. Тюмень, 2011.

Лешукова Е. В.
Leshukova E. V.

**ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧИК АНАТОЛИЙ ИНДЕКОВИЧ КИМ
И НАЧАЛО БОЛЬШОЙ НЕФТИ В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ**

**EXPLORER ANATOLY INDEKOVICH KIM
AND THE BEGINNING OF BIG OIL IN THE SURGUT REGION**

В историю становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1970 годы вписано много славных имен первопроходцев, усилиями которых были разведаны северные недра и выиграна мировая энергетическая гонка СССР. К сожалению, в наши дни многие из этих людей забыты. В статье освещается профессиональное становление заслуженного работника нефтяной и газовой промышленности РФ, заслуженного геолога РФ, Почетного гражданина ЯНАО Анатолия Индековича Кима (1935–2016 гг.), начинавшееся в конце 1950-х годов на Сургутской земле. Автор выражает благодарность Анатолию Анатольевичу Киму за предоставление материалов об отце и оказание консультационной помощи.

In the history of the formation of the West Siberian oil and gas complex in the 1960-1970s, many glorious names of pioneers were written, through whose efforts the northern bowels were explored and the world energy race of the USSR was won. Unfortunately, many of these people are forgotten these days. The article highlights the professional development of Anatoly Indekovich Kim (1935–2016), Honored Worker of the Oil and Gas Industry of the Russian Federation, Honored Geologist of the Russian Federation, Honorary Citizen of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, which began in the late 1950s on the Surgut land. The author expresses his gratitude to Anatoly Anatolyevich Kim for providing materials about his father and providing consulting assistance.

Ключевые слова: Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, геологическая отрасль, Югра, Сургутское Приобье, Ким.

Keywords: West Siberian oil and gas complex, geological industry, Yugra, Surgut Ob region, Kim.

Путь к открытию нефтегазовых недр Западной Сибири был для советских геологоразведчиков мучительно долгим. Благодаря исследованиям В. П. Карпова, Г. Ю. Колевой, М. В. Комгорт, А. И. Прищепы, мемуарной литературе Н. К. Байбакова, В. В. Бахилова, Ф. К. Салманова и других авторов, установлено, что первый период поисков сибирской нефти длился более 10 лет, с 1930 по 1943 годы [12, с. 61]. Летом 1934 года трест «Востокнефть» организовал экспедицию в Югру под руководством 24-летнего ученика академика И. М. Губкина геолога Виктора Васильева. Однако, несмотря на заинтересованность окружающих партийных органов, геологоразведочные работы в Самаровском и Сургутском районах, у сел Цингалы и Юган не увенчались успехом, вопреки положительной оценке нефтегазности нефти в Югре найдена не была.

Тем не менее, еще до окончания Великой Отечественной войны в 1944 году поиски «черного золота» за Уралом возобновились. Для наступления на сибирские недра в январе 1948 года Министерством геологии и охраны недр СССР в Тюмени была создана геологоразведочная экспедиция [9, с. 360], через три года реорганизованная в территориальное управление «Тюменьгеология». В его составе на территории Ханты-Мансийского национального округа работали три роторные буровые партии, занимающиеся обустройством опорных геологических скважин – Леушинская, Ханты-Мансийская и Берёзовская [9, с. 361]. Именно геологами Берёзовской партии под руководством инженера А. Г. Быстрицкого 21 сентября 1953 года было сделано историческое открытие газового месторождения.

Следующие открытия Шаимского, Мегионского и Усть-Балыкского месторождений последовали после длительного многолетнего перерыва в начале 1960-х годов, положив начало эпохе большой сибирской нефти, изменившей традиционный уклад жизни населения Югры. Во многом эти судьбоносные для Ханты-Мансийского округа и всего СССР, открытия стали возможны благодаря оптимизму геологоразведчиков послевоенного поколения вопреки «мнениям скептиков, говорящих, что нефть в Западной Сибири есть только в головах нескольких не совсем нормальных людей» [6, л. 5]. По мнению первооткрывателя сургутской нефти Фармана Курбановича Салманова: «геолог – всегда оптимист» [12, с. 73]. «Хотя быть последовательным скептиком куда проще», Ф. К. Салманов считал, что геолог, несмотря ни на какие трудности должен оставаться оптимистом. Поскольку «как только вообразишь, что не в состоянии выполнить какое-то дело, все – с этого момента его осуществление становится невозможным» [12, с. 73]. Поэтому о себе прославленный геолог говорил: «так и остался я навсегда неисправимым оптимистом» [11, с. 73]. И такой он в 1960–1970 годы был не один.

Сказанное по праву относится к его коллеге и соратнику – Анатолию Индековичу Киму. А. И. Ким вошел в историю отечественной геологоразведки как «первооткрыватель Бованенковского месторождения» [6, л. 26], а также многих других месторождений Югры и Ямала: Усть-Балыкского, Харасавейского, Южно-Тамбейского и др. [4, л. 1]. В сложное для геологической отрасли России постсоветское время, после ликвидации в 1992 году Министерства геологии, в условиях всеобщего развала, А. И. Киму, единственному из руководителей Объединенной геологии, удалось сохранить коллектив и спасти производственные мощности Ноябрьской нефтегазразведочной экспедиции [1, с. 5]. Закончив в 1959 году геологоразведочный факультет Томского политехнического института, почти полвека своей жизни А. И. Ким посвятил открытию российских недр в сложных природно-климатических условиях в Югре, на Ямале, в Мурманске, на Чукотке. Несмотря на экстремальность арктической тундры и сибирской тайги, А. И. Ким, руководствовался принципом: «У нас, геологов, не бывает отрицательного результата – это аксиома» [6, л. 25].

Первые одиннадцать лет трудовой биографии и жизни заслуженного геолога РФ А. И. Кима, 1959–1970 гг., связаны с Сургутской и Усть-Балыкской нефтегазразведочными экспедициями, в которых он прошел путь от лаборанта-коллектора до начальника геологического отдела треста «Объединенная геология» в 1967–1970 гг. («Объединенная геология» с 1977 г.). В 1961–1966 годы А. А. Ким принимал непосредственное участие в открытии ряда судьбоносных для экономики СССР нефтяных месторождений, способствовавших превращению патриархального Тюменского севера в промышленное «третье Баку», сердцем которого стало Сургутское Приобье: Усть-Балыкского (1961 г.), Мамонтовского и Средне-Балыкского (1965 г.), Лянторского (1966 г.).

Однако путь Анатолия Кима к открытиям большой нефти в Сургутском Приобье в тяжелые годы эпохи сталинизма был далеко не простым. Началом этого трудного пути является вынужденное путешествие двухлетнего мальчика в товарном вагоне поезда, увезшего в южные районы Казахской ССР десятки тысяч насильственно выселенных из пограничных районов Дальневосточного края российских корейцев, ставших заложниками обострения советско-японских отношений 1936–1937 годов. На основании совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) № 1428-326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» от 21.08.1937, подписанного И. В. Сталиным и В. М. Молотовым [11], накануне надвигающейся зимы семья Ким с родственниками и соседями оказалась в самом сердце бывшей Семиреченской области казачьего войска, ставшей при советской власти Талды-Курганским районом Алма-Атинского округа. В поселке спецпереселенцев, обозначенном на карте как «точка № 1», прошло предвоенное и военное детство Анатолия Кима. Начать учиться он смог только в 1944 году, когда в поселке спецпереселенцев наконец-то открылась школа. После смерти И. В. Сталина и последовавшего расстрела Л. П. Берия начались режимные послабления. Сказав коменданту поселка, «что он хочет поступать в военное училище», Анатолий Ким смог получить паспорт и «в ту же ночь ушел на станцию и поездом уехал в Томск» [10], чтобы поступить на геологоразведочный факультет Томского политехнического университета. По мнению А. А. Кима, сына Анатолия Индекови-

ча, это «была чистейшая авантюра: без денег, без теплой одежды, при конкурсе 10 человек на место» [10].

Между тем, на протяжении с конца 1950-х годов «кадровая проблема перед предприятиями формирующегося нефтегазового комплекса Западной Сибири стояла достаточно остро: молодых специалистов постоянно не хватало. Так, даже в 1967 г. из 18 тысяч работников Главтюменьгеологии только чуть больше 2 тысяч были специалистами с высшим и средним специальным образованием» [2, с. 401]. Очевидно, что выпускники Томского политеха – вуза с безупречной репутацией по подготовке инженерных кадров – были достаточно востребованными специалистами. Так, в августе 1959 года молодой геологоразведчик А. И. Ким с женой и маленьким сыном прибыл в Тюмень, где собирали всех выпускников институтов и техникумов, выписывали подъемные деньги и спецодежду, проводили инструктажи, знакомили с регионом работы и между собой, и даже устраивали спортивные соревнования, в которых Анатолий Ким активно поучаствовал, завоевав третье место по вольной борьбе [1, с. 17]. Такова была кадровая политика начальника Тюменьгеологии (Главтюменьгеологии с 1966 года), а по духу главного геолога Западной Сибири Юрия Георгиевича Эрвье, верившего в мощный ресурсный потенциал тюменских недр, но и в не меньшую важность для их открытия потенциала человеческого. Поэтому формирование коллективов геологоразведчиков начиналось еще в Тюмени на стадии приема на работу, где руководство главка сразу начинало присматриваться к своим молодым кадрам.

В Сургуте Анатолий Ким оказался на переднем крае наступления на сибирские недр, которое на рубеже 1950–1960-х гг., «несмотря на отсутствие дорог, связи, обустроенности быта, медицинской помощи» [8, л. 1], наращивало темпы. «Молодые энтузиасты каждый день вели тяжелейшие работы по бурению скважин в поисках залежей нефти» [8, л. 1]. Начальник нефтеразведочной экспедиции Фарман Салманов сразу же отправил прибывшего геолога Кима на опорную скважину № 1 на окраине Сургута, вскрывшую через полгода, в апреле 1960 года, «проектный горизонт – кристаллический фундамент на глубине 3068 метров, представленный порфиритом» [6, л. 10]. Затем выполнившую свое назначение скважину ликвидировали, а геологоразведчиками под руководством Салманова началось постепенное расширение геологоразведочных работ в Сургутском районе: междуречье Оби, Большого Югана и протоки Юганская Обь, район деревень Пилугино, Усть-Балык, юрты Ярсомовские. «Экспедиция, испытывая постоянный недостаток в материально-технических ресурсах, финансировании и специалистах, тем не менее, продолжала наращивать объемы геологоразведочных работ» [8, с. 4].

С 1 июня 1961 года объединенные Пимский и Юганский участки стали Пимской партией глубокого разведочного бурения Сургутской нефтеразведочной экспедиции, впоследствии переименованной в Усть-Балыкскую партию, и ставшую основой новой Усть-Балыкской экспедиции в составе: начальник В. Т. Бочаров, старший инженер М. И. Ветров, старший геолог Е. А. Тепляков, геолог А. И. Ким. В середине октября их усилия увенчались успехом: сразу две скважины Р-61 и Р-62 дали нефть «из верхне-валанжинских песчанников» [3, л. 58].

В сохранившейся технической документации историческое открытие первой нефти в Сургутском Приобье описано так: «Вскрытие пласта производилось в скважине, заполненной до устья технической водой и пачкой глинистого раствора в 300 м. уд. веса 1,28 г/см³, спаренными перфораторами ПК-103-10. Всего сделано 40 отверстий из расчета 10 отверстий на 1 пог. метр. По окончании перфорации скважина начала переливать технической водой сначала дебитом до 2 м³/сут., затем 2 м³/сут. – технической водой с обильной пленкой нефти. Возбуждение пласта производилось компрессором УКП-80 по кольцевой системе через буровые трубы 27/8, спущенных до глубины 800 м. Уровень жидкости в скважине был снижен до глубины 600 м., после чего скважина начала фонтанировать водой с нефтью, глинистым раствором с нефтью, затем чистой нефтью с газом» [3, л. 29]. «По окончании испытания произведено задавливание нефтяного фонтана. В скважину закачено 16,2 м³ глинистого раствора уд. веса 1,22 г/см³. Давление на устье приведено к атмосферному» [3, л. 30].

В течение двух лет, до 26 мая 1964 года, скважина Р-62 находилась в стадии консервации в ожидании промышленной эксплуатации. За это время было пробурено еще несколько скважин, шесть из которых (№ 62, 63, 72, 75, 76, 80) были включены в «Технологическую схему опытно-промышленной эксплуатации Усть-Балыкского месторождения». По предложению Ю. Г. Эрвье, поселок лесозаготовителей и рыбаков Усть-Балык стал Нефтеюганском (получив статус города в 1967 году). Семья А. И. Ким «после вагонов с железной обшивкой и пустыми стенами, после землянок и палатки военно-технического имущества» переселилась в барак на шесть семей [6, л. 5]. Хотя бытовые условия жизни стали несколько лучше, до настоящей «цивилизации» было еще далеко, и геологи-первопроходцы продолжали трудиться порой на грани человеческих возможностей. Так, зимой 1963 года надо было получить зарплату на всю нефтеразведочную экспедицию, и главный геолог Усть-Балыкской экспедиции Фарман Салманов попросил сделать это Анатолия Кима. А. И. Ким «собрался с вечера: подготовил ружье, фонарь и лыжи. Утром взял с собой собаку и ушел в тайгу по компасу, а это 50 километров. Зимой и в постоянных сумерках! Переночевал в Сургуте в Доме колхозника, утром первым получил деньги в банке и ночью вернулся по своему следу в Усть-Балык. И это он считал обычным делом» [6, л. 4].

В ноябре 1963 года Ф. К. Салманов назначил А. И. Кима начальником геологического отдела Усть-Балыкской экспедиции, вновь поручив выполнение ответственного задания: «в кратчайшие сроки до начала навигации подготовить к опытно-промышленной эксплуатации шесть разведочных скважин» [6, л. 5]. «Вся добытая нефть должна была собираться в 4-х вертикальных резервуарах объемом 2 тысячи кубометров каждый в резервуарном парке» [6, л. 10], строившемся силами самих геологов. На митинге 26 мая 1964 года, посвященном перекачке нефти с резервуарного парка в нефтяные баржи для транспортировки на нефтеперерабатывающий завод в г. Омск, геологическая служба экспедиции была в полном составе: Ф. К. Салманов, А. И. Ким, А. М. Брехунцов, М. И. Вовк [6, л. 10].

По воспоминаниям сургутского краеведа И. П. Захарова, имена первых геологоразведчиков, прибывших в Сургут: Н. А. Багдасарьянц, Н. М. Бехтин, В. Г. Бочаров, М. И. Ветров, И. Я. Высочинский, А. Т. Горский, И. П. Дмитриев, Я. Г. Кайбичев, А. И. Ким, А. В. Паршинцев, В. П. Федоров, А. П. Шашкин «можно было встретить чуть ли не в каждом номере» сургутской газеты «К победе коммунизма» [7, л. 4].

Ко 2-й пол. 1960-х гг. объемы глубокого разведочного бурения на Обь-Иртышском севере достигли 500 тыс. метров в год, и управлять геологическим поиском из Тюмени напрямую стало достаточно сложно. В связи с чем было организовано три геологоразведочных треста, одним из которых приказом Министерства геологии РСФСР № 511 от 10.10.1966 года стал трест «Обьнефтегазразведка» с базировкой в Сургуте. Ф. К. Салманов еще до организации треста возглавил Правдинскую нефтеразведочную экспедицию с базировкой в пос. Горноправдинск, а начальником треста «Обьнефтегазразведка» был назначен В. А. Абазаров. Главными инженерами треста по очередности становились Б. М. Блинов и В. В. Архангельский, главными геологами по очередности – Б. В. Савельев и М. Ф. Синюткин, а бессменным начальником геологического отдела стал Ким Анатолий Индекович. «Иванович» – как называли его коллеги в проявлении мужской дружбы.

Геологический отдел – своего рода мозговой центр, поскольку, по словам А. И. Кима: «месторождение открывается сначала карандашом на бумаге. А после тщательного просмотра и изучения материалов, длительных умозаключений теория и практика как бы цементируются в единое целое» [6, л. 25]. Результатом напряженной интеллектуальной и практической деятельности А. И. Кима во 2-й пол. 1960-х гг. стало несколько научных публикаций в соавторстве с А. М. Брехунцовым, Г. Б. Острым и Н. Д. Семёновым: «Лянторское нефтегазовое месторождение», «Закономерности размещения и условия формирования нефтяных и газовых месторождений в Западно-Сибирской низменности», «Особенности геологического строения и нефтегазоносность в пластах на месторождениях Южно-Балыкской группы поднятий» и др. [5, л. 3].

В должности начальника геологического отдела «Обьнефтегазразведка» в 1967–1970 гг. А. И. Ким курировал непрерывно увеличивающиеся геолого-поисковые работы

4 нефтеразведочных экспедиций: Усть-Балыкской (впоследствии Аганская), Сургутской, Мегионской и Вахской, которые за 3 года закончили бурением 313 скважин, 300 из которых дали притоки нефти и газа. В этот короткий период времени была разведана и подготовлена к промышленной разработке гигантская ресурсная база для организации добычи нефти управлениями «Сургутнефть», «Мегионнефть», «Юганскнефть», в постсоветский период прошедшими акционирование и ставшими вертикально-интегрированными компаниями: «Сургутнефтегаз», «Славнефть-Мегионнефтегаз», «РН-Самотлорнефтегаз», «РН-Юганскнефтегаз». Однако стоит помнить, что современная нефтяная промышленность Среднего Приобья в основном держится на разведанных запасах конца 1960 – начала 1970 гг., успешному открытию которых способствовала напряженная деятельность А. И. Кима, которому в то время его бесконечные дела и командировки только прибавляли сил для новых дел [1, с. 52].

В 1970 году государство решило «оптимизировать затраты» на геологоразведку и трест «Обьнефтегазразведка» был упразднен. А. И. Киму начальник Главтюменьгеологии Ю. Г. Эрвье предложил ехать в Ямальскую нефтегазразведочную экспедицию главным геологом, с местом базирования в поселке Мыс Каменный (68 градусов северной широты), ЯНАО, несостоявшуюся военно-морскую базу подводных лодок Северного флота СССР. «Предложил» – мягко сказано, приказал! А приказы, как известно, не обсуждаются. Выполняя просьбу-приказ «папы Юры» [1, с.36], так уважительно-шутливо называли тюменские геологии Ю. Г. Эрвье, Анатолий Индекович Ким покинул Сургут в 1970 году. Но на все последующие годы своей трудной и беспокойной, но интересной и яркой жизни геологоразведчика он сохранил и развил профессиональные уроки, полученные в Сургутском Приобье – месте, где он состоялся как геолог и первопроходец по духу.

Литература

1. Ким А. А. Эпоха и легенда геологии. Салехард: ГУ «Северное издательство», 2019. 144 с.
2. Лешукова Е.В. Основы молодежной политики Главтюменьнефтегаза и Главтюменьгеологии на рубеже 1960–1970-х гг. // Советская молодежь в исторической памяти России: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Сургут, 19–20 октября 2018 г.). Сургут: ООО «Печатный мир г. Сургут», 2018. С. 399–409.
3. Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 90. Оп.1. Д.117.
4. МАГС. Ф. 274. Оп.1. Д.12.
5. МАГС. Ф. 274. Оп.1. Д.14.
6. МАГС. Ф. 274. Оп.1. Д. 18.
7. МАГС. Ф. 274. Оп.1. Д. 23.
8. МАГС. Ф. 274. Оп.1. Д. 37.
9. Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург : Волот, 2000. 408 с.
10. Полевой материал автора: Лешукова Е. В. : интервью с А. А. Кимом: записано 08.10.2021.
11. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1428-326сс «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» // Фонд Александра Н. Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1021140> (дата обращения: 31.10.21).
12. Салманов Ф. К. Жизнь как открытие. Москва : ФГУП «ПИК ВИНТИ», 2003. 607 с.

Медведев В. В.
Medvedev V. V.

**МОРДВА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ –
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ:
К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ И ЧИСЛЕННОСТИ В 1897–2010 ГГ.**

**MORDVINS OF TOBOLSK GUBERNIYA –
KHANTY-MANSI AUTONOMOUS AREA – UGRA:
TO THE QUESTION OF SETTLEMENT AND POPULATION IN 1897–2010**

Сообщества людей необходимо рассматривать в контексте этничности и изучать процессы, протекающие среди конкретных этнических групп при определенных условиях. В рамках статьи объектом исследования станет мордва Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Мордва – один из крупнейших финно-угорских народов России и расселена она далеко за пределами своей исторической родины. Масштабные переселенческие процессы среди народов Урало-Поволжья объясняются насильственной христианизацией, поиском новых / «лучших» территорий для жизни, формированием контактных зон проживания, «советизацией» повседневности и традиционной культуры, комсомольскими стройками, переездами и освоением целины либо участием в разработке нефтяных месторождений.

Communities of people need to be considered in the context of ethnicity and to study the processes occurring among specific ethnic groups under some conditions. Within the framework of the article, the object of research will be the Mordvins of the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra. The Mordvins are one of the largest Finno-Ugric peoples of Russia and they are settled far beyond the borders of their historical motherland. Large-scale resettlement processes among the peoples of the Ural-Volga region are explained by forced Christianization, the search for new / «best» territories for living, the formation of contact zones of residence, the «Sovietization» of daily life and traditional culture, Komsomol construction sites, relocation and development of virgin lands or participation in the development of oil fields.

Ключевые слова: мордва, статистические сведения, перепись населения, расселение, численность.

Keywords: Mordvins, statistical data, population census, settlement, number.

Мордва как этническая группа на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа – Югры начинает формироваться во второй половине XX века, что, безусловно, объясняется притоком населения и переселенческими процессами, связанными с разработкой нефтяных месторождений и началом развития нефтегазодобывающего производства в округе с 1964 г. [16, с. 401]. Систематизация и анализ опубликованных статистических материалов и доступных архивных источников позволяют рассмотреть проблему расселения и численности мордвы на Обь-Иртышском Севере начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и вплоть до результатов Всероссийской переписи населения 2010 г.

В 1897 г. по инициативе П. П. Семёнова (Семёнова-Тян-Шанского) состоялась Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Ее результаты содержат сведения об этнических группах, проживающих в Тобольской губернии, среди которых в категории «финские наречия» зафиксирована и мордва. В Тобольском уезде губернии мордвой записаны 149 человек. В самом городе Тобольске – 1 мужчина, в уезде – 148 человек (83 мужчины и 65 женщин). Кроме того, 2 мужчины из мордвы отмечены и в Берёзовском уезде. По Сургутскому уезду сведения отсутствуют [17].

В городах Тобольского округа Уральской области (в будущем – Остяко-Вогульский национальный округ) по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. мордвой записаны 3 человека (1 мужчина и 2 женщины). Для сравнения, мордва Тюменского округа Уральской области – 52 человека (24 мужчины и 28 женщин). Мордва-горожане – 10 человек (4 мужчины и 6 женщин), а сельские жители – 42 человека (20 мужчин и 22 женщины) [1].

Конкретизировать статистические сведения о мордве Остяко-Вогульского национального округа Омской области позволяют результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г., когда мордвой / «мордовцами» были записаны 64 человека (табл. 1) [2]. Кстати, «Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года» в качестве этнонимов содержит дефиниции «мордвин», «мордовцы», «мордва», «мокша», «мокшане», «каратаи», «терюхане», «эрзя», «эрзяне» и «ерзя», т. е. экзоэтнонимы и эндоэтнонимы, применяемые по отношению к данному этническому сообществу [18, с. 3].

Таблица 1

**Из материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г.
Остяко-Вогульского национального округа Омской области [3]**

Окружной центр Остяко-Вогульского национального округа						
п. Остяко-Вогульск						Всего
18						18
Районы Остяко-Вогульского национального округа						
Берёзовский	Кондинский	Ларьякский	Микояновский	Самаровский	Сургутский	Всего
10	5	19	4	0	8	46
Общая численность мордвы (окружной центр и районы)						64
Районные центры Остяко-Вогульского национального округа						
с. Берёзово	с. Нахрачи	с. Ларьяк	с. Кондинское	с. Самарово	с. Сургут	Всего
3	1	0	1	0	0	5
Населённые пункты районов Остяко-Вогульского национального округа						
Берёзовский	Кондинский	Ларьякский	Микояновский	Самаровский	Сургутский	Всего
7	4	19	3	0	8	41
Общая численность мордвы районов (без учета окружного центра)						46

Архивные документы детализируют материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г., дополняя сведениями о количестве мужчин и женщин среди мордвы. Так, в окружном центре, указанном как п. Ханты-Мансийск (подразумевается сменивший название п. Остяко-Вогульск) проживали 11 мужчин и 7 женщин записанные мордвой. На территории Берёзовского района – 6 мужчин и 4 женщины, Кондинского – 3 мужчины и 2 женщины. В Ларьякском районе были зафиксированы 9 мужчин и 10 женщин, в Микояновском районе – 1 мужчина и 3 женщины, а в Сургутском – 3 мужчины и 5 женщин [11, л. 78]. Источник «Численность населения в разрезе национальностей и районов по Ханты-Мансийскому национальному округу Омской области (по данным переписи населения на 1 января 1940 года)» воссоздает картину на 1 января 1940 г. Это объясняет замену названия округа и окружного центра, произошедших в 1940 г., но материалы соответствуют и соотносятся с итогами Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Динамику численности и территориальные перемещения мордвы в пределах Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны демонстрируют «Сведения о составе населения по национальности по шести районам и пос. Х.-Мансийск Ханты-Мансийского округа по Тюменской области на 1 июля 1945 г.» (табл. 2).

Таблица 2

Из материалов дела «Сведения о национальном составе населения районов округа в 1945 г. Динамика роста населения по районам округа за 1931–44 г.» [12, л. 2]

Районы Ханты-Мансийского национального округа (мордва, мужчины)						
Берёзовский	Кондинский	Ларьякский	Микояновский	Самаровский	Сургутский	Всего
0	0	0	8	0	23	31
Районы Ханты-Мансийского национального округа (мордва, женщины)						
Берёзовский	Кондинский	Ларьякский	Микояновский	Самаровский	Сургутский	Всего
0	0	0	19	2	46	67
Окружной центр Ханты-Мансийского национального округа (мордва, мужчины)						
п. Ханты-Мансийск						Всего
1						1
Окружной центр Ханты-Мансийского национального округа (мордва, женщины)						
п. Ханты-Мансийск						Всего
0						0
Общая численность мордвы (мужчины и женщины, районы и окружной центр)						
						99

Таким образом, 99 человек, записанные мордвой, проживали в пределах округа к окончанию Великой Отечественной войны. Резкого возрастания численности не наблюдается и к моменту проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г., когда в Ханты-Мансийском национальном округе мордвой были зафиксированы 125 человек [4]. В их числе: 76 мужчин и 49 женщин, 24 городских жителя (16 мужчин и 8 женщин) и 101 сельский житель (60 мужчин и 41 женщина) [5].

Количественные изменения мордвы Ханты-Мансийского национального округа представлены результатами Всесоюзной переписи населения 1970 г. С данным этническим сообществом себя соотнесли 1162 человека (641 мужчина и 521 женщина). Среди городского населения мордвой были записаны 795 человек (438 мужчин и 357 женщин), в числе сельского – 367 человек (203 мужчины и 164 женщины) [6].

Повторяется данная ситуация и в случае Всесоюзной переписи населения 1979 г. и Всесоюзной переписи населения 1989 г., в статистических материалах которых численность мордвы продолжает увеличиваться (табл. 3) [13, л. 2].

Таблица 3

Из материалов Всесоюзной переписи населения 1979 г. и Всесоюзной переписи населения 1989 г. Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области [7; 8]

Всесоюзная перепись населения 1979 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
мордва	3155	1722	1433	2707	1460	1247	448	262	186
Всесоюзная перепись населения 1989 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
мордва	7107	3808	3299	6649	3561	3088	458	247	211

Итоги Всесоюзных переписей населения характеризуют мордву на территории Ханты-Мансийского национального округа / Ханты-Мансийского автономного округа как городских жителей. Тенденция сохранит актуальность и для переписей 2002 г. и 2010 г.

Всероссийская перепись населения 2002 г. фиксирует в регионе 6386 человек, идентифицирующих себя как мордва (3288 мужчин и 3098 женщин). Содержание переписи предлагает указать и субэтнотопонимы мордвы – мокша или эрзя. Среди жителей округа 19 человек записались мордвой-мокшей и 15 человек – мордвой-эрзей [15, с. 210; 9].

Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. предоставляют следующие сведения: мордва – 4936 человек (2544 мужчины и 2392 женщины), в том числе, мокша –

2 мужчины и эрзя – 26 человек (14 мужчин и 12 женщин) [10]. Сравнительная таблица позволит конкретизировать изменения в численности мордвы на территории округа с 2002 г. по 2010 г. (табл. 4).

Таблица 4

Из материалов Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г. Ханты-Мансийского автономного округа (с 2003 г. – Югры) [15, с. 7–22]

Всероссийская перепись населения 2002 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
мордва	6386	3288	3098	5963	3058	2905	423	230	193
Всероссийская перепись населения 2010 г.									
Этническая принадлежность	Численность								
	Всего			Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
мордва	4936	2544	2392	4627	2381	2246	309	163	146

Следует констатировать, что мордва Ханты-Мансийского автономного округа – Югры как этническая группа уже с первых лет освоения нефтяных месторождений региона и переезда на его территорию, была сосредоточена в поселках, обслуживающих нефтяную промышленность и впоследствии получивших статус городов. Это объясняет почему мордва, прежде всего, локализована в городском пространстве. К развитию нефтяных месторождений, в том числе, активно привлекается население Урало-Поволжья, что уже демонстрируют результаты Всесоюзной переписи населения 1970 г. Динамику численности данной этнической группы, иллюстрируют материалы переписей с 1970 г. по 1989 г. Для Всероссийских переписей населения характерно уменьшение числа людей, идентифицирующих себя мордвой, что объясняют и отток населения на «большую землю» / родину, и региональные социально-культурные процессы, сопровождающие этническую ассимиляцию, которой мордва подвержена, в первую очередь, со стороны русских.

Расселение и численность мордвы по городским округам в период 1989–2010 гг. зафиксированы в таблице (табл. 5).

Таблица 5

Мордва в городских округах Ханты-Мансийского автономного округа (с 2003 г. – Югры) [15, с. 48–76; 14, с. 180–322]

Городские округа	Всесоюзная перепись населения 1989 г.			Всероссийская перепись населения 2002 г.			Всероссийская перепись населения 2010 г.		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
Городской округ г. Ханты-Мансийск	49	40	9	64	33	31	56	28	28
Городской округ г. Когалым	183	93	90	195	96	99	155	79	76
Городской округ г. Лангепас	186	101	85	292	169	123	256	158	98
Городской округ г. Лянтор	136	83	53	139	72	67	сведения отсутствуют		
Городской округ г. Мегион	300	160	140	332	162	170	259	142	117
Городской округ г. Нефтеюганск	831	431	400	713	367	346	572	308	264
Городской округ г. Нижневартовск	1747	921	826	1375	714	661	1042	532	510
Городской округ г. Нягань	231	134	97	193	105	88	162	90	72
Городской округ г. Покачи	83	45	38	91	46	45	59	26	33

Окончание табл. 5

Городские округа	Всесоюзная перепись населения 1989 г.			Всероссийская перепись населения 2002 г.			Всероссийская перепись населения 2010 г.		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
Городской округ г. Пыть-Ях	138	81	57	137	69	68	96	48	48
Городской округ г. Радужный	250	143	107	213	111	102	156	75	81
Городской округ г. Сургут	1148	613	535	1091	545	546	769	378	391
Городской округ г. Урай	225	107	118	148	59	89	107	35	72
Городской округ г. Югорск	114	59	55	117	66	51	110	61	49

Конкретизация материалов переписей населения позволяет выявить городские округа, в которых сосредоточены компактные группы мордвы, формировавшиеся здесь изначально. К таковым принадлежат города Нижневартовск, Нефтеюганск и Сургут. В процентном коэффициенте численность мордвы по отношению к населению региона всегда была невелика: 1959 г. – 0,1 %; 1970 г. – 0,4 %; 1979 г. – 0,6 %; 1989 г. – 0,6 %; 2002 г. – 0,4 %; 2010 г. – 0,3 % [15, с. 10]. Единственное в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре официально зарегистрированное национально-культурное объединение мордвы находится в Сургуте в статусе региональной общественной организации Мордовский национально-культурный центр «МасторАва».

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=730 (дата обращения 01.11.2021).
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=45 (дата обращения 01.11.2021).
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1320 (дата обращения 02.11.2021).
4. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=69 (дата обращения 02.11.2021).
5. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59_gs.php?reg=65 (дата обращения 02.11.2021).
6. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_gs.php (дата обращения 01.11.2021).
7. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=65 (дата обращения 01.11.2021).
8. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения 02.11.2021).
9. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=61 (дата обращения 02.11.2021).
10. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=62 (дата обращения 02.11.2021).

11. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 17. Документы о естественном и механическом движении населения по районам округа за 1932–39 годы (сведения, таблицы, списки, контрольные листы). Единовременные статистические отчеты сельских Советов районов округа о возрастном и половом составе населения в 1943 г. 1932–39 гг., 1943 г.
12. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 97. Сведения о национальном составе населения районов округа в 1945 г. Динамика роста населения по районам округа за 1931–44 г.
13. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 932. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (информационно-статистический справочник).
14. Итоги Всероссийской переписи населения – 2002: Стат. сб. в XI-ти частях. Ч. III. Национальный состав населения в Тюменской области. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2005. 427 с.
15. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010: Стат. сб. в 10-ти частях. Ч 3. Т. 2. Национальный состав и гражданство населения в Тюменской области. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Ямало-Ненецкий автономный округ. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2013. 238 с.
16. Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / под ред. Р. Г. Пихои. Москва ;Ханты-Мансийск, проект «Академическая история Югры» : Печатный мир г. Сургут, 2020. 610 с.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской империи кроме губерний Европейской России // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=707 (дата обращения 01.11.2021).
18. Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года: редакционно-издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «Союзоргучет». М., 1937. 26 с.

*Прищепина А. И.**Prishchepa A. I.*

ПО ПОВОДУ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ НЕФТЕГАЗОНОСНОЙ ПРОВИНЦИИ

ABOUT THE ADMINISTRATIVE CENTER OF THE DEVELOPMENT OF THE WEST-SIBERIAN OIL AND GAS PROVINCE

В статье анализируется процесс формирования и дислокации системы управления геологоразведки и промышленного освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Выявлены причины выбора Сургута в качестве административного центра нового энергетического комплекса и охарактеризованы особенности его становления, представлен поиск оптимальной модели системы управления и показана эволюция ее структуры.

The article analyzes the process of formation and dislocation of the management system of geological exploration and industrial development of the West Siberian oil and gas province. The reasons for choosing Surgut as the administrative center of the new energy complex are revealed and the features of its formation are characterized, the search for the optimal model of the management system is presented and the evolution of its structure is shown.

Ключевые слова: нефтегазовая провинция, градообразующие факторы, административный центр, система управления, главк, транспортная инфраструктура, вахтовое экспедиционный метод, министерство нефтяной промышленности.

Keywords: oil and gas province, city-forming factors, administrative center, management system, glavk, transport infrastructure, shift-forwarding method, Ministry of Petroleum Industry

Юбилейные даты всегда являются для неравнодушных к истории людей заманчивым поводом в очередной раз обратиться к прошлому своего родного края и поразиться эпохальными событиями и их творцами. В этой связи вполне понятна предпринятая способным тюменским журналистом Анатолием Меньшиковым в связи с яркими хронологическими датами основания Тюмени и похода Ермака увлекательная попытка еще раз поразмышлять над связью времен и их места в отечественной истории [4]. К числу весьма актуальных юбилейных дат последних лет я бы добавил и немаловажное событие нашей новейшей истории – 90-летие образования нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, отмечавшемся в декабре 1920-го года.

Не являясь специалистом в области средневековой истории именно в связи с последней юбилейной датой хотелось поделиться некоторыми соображениями. Мне показалось, что в сюжете упомянутой статьи о роли административных центров в развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса наряду с экспонированием Тюмени как «второго по значимости после Москвы города» в этом процессе, следовало бы акцентированно сказать и о месте других новых городов ХМАО-Югры и, особенно Сургута, в организации и управлении геологоразведкой и промышленном освоении севера Западной Сибири.

Дело в том, что в середине 1960-х гг. в связи с сенсационными открытиями нефтяных и газовых месторождений исключительно актуальной для дальнейшего экономического развития новой энергетической провинции стала проблема модели организации управления нефтегазового производства, а также расселения специалистов и рабочих новых для Западной Сибири отраслей народного хозяйства.

Тогда очень активно обсуждались две диаметрально противоположные точки зрения. Они назывались «внутренний» и «внешний» варианты. Не углубляясь в их хорошо известные специалистам детали, ограничусь напоминаниями о том, что «внешний» вариант» пред-

полагал отказ от строительства на Севере городов для проживания всех категорий трудящихся и предлагали бурение, строительство и эксплуатацию нефтяных месторождений, а также функционирование сопутствующей инфраструктуры осуществлять «вахтовым», или «вахтово-экспедиционным», методом.

Главный смысл этой точки зрения состоял в том, чтобы не строить полноценных городов, а все работы выполнять силами прилегающих с «большой земли», в том числе и Тюмени, специалистов и руководителей.

Другое мнение основывалось на ином принципе освоения новой нефтегазовой территории и иной схеме расселения людей и управления производством. Оно предполагало, что только 30 % из общего числа занятых в нефтедобыче и ее обслуживании совершают постоянные поездки от места жительства к местам применения своего труда. В основном это буровики, эксплуатационщики и некоторая часть строителей. Около 20 % трудящихся совершают эти поездки эпизодически. Основная же масса рабочих и служащих – 50 % – заняты на местах, расположенных в зоне функциональности городского транспорта и пешеходной доступности. Считалось, что быстрое увеличение работающих непосредственно в нефтедобыче будет наблюдаться в первое десятилетие эксплуатации месторождений. А затем последует их сокращение и переливание в другие отрасли производства. Поэтому сторонники этой точки зрения полагали, что все эксплуатационщики должны дислоцироваться в благоустроенных городах (поселках) со всей необходимой инфраструктурой и обслуживать определенную группу месторождений. Такие базовые города Севера Тюменской области должны стать опорными центрами внутрирегиональной вахты, позволяющей решать многие схожие проблемы групповой системы расселения по схеме «базовый город-вахта».

Затянувшееся теоретическое обсуждение этого вопроса откладывало практическую реализацию проблемы расселения трудящихся формирующегося Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Во многих случаях размещение людей и структур аппарата управления Министерством нефтяной промышленности решало волевым порядком, без достаточных технико-экономических обоснований, порой исходя из конъюнктурных соображений.

Решающим стало слово первого секретаря Тюменского областного комитета партии Б. Е. Щербины. В 1966 г. он инициировал проведение научно-технической конференции, посвященной проблемам городского строительства в нефтегазоносных районах Севера Тюменской области. Выражая точку зрения членов Тюменского обкома КПСС, большинства хозяйственных руководителей и специалистов проектных учреждений Тюменской области, Б. Е. Щербина выступал с конструктивной критикой позиции руководства Миннефтепрома СССР об отказе от вахтовых поселений в пользу небольших городов-спутников топливных месторождений. К этому времени Сургут все в большей мере концентрировал расселение и управление новым экономическим районом, доказывая преимущества создания благоустроенных городов-центров таких территорий. Б. Е. Щербина безоговорочно высказывался в пользу сосредоточения ресурсов строительства и структур промыслового управления в крупных городах, доказывая преимущества схемы расселения «базовый город-вахтовый поселок». Научно-практическая конференция приняла соответствующее такому подходу решение, рекомендовав осуществлять централизованное расселение с преимущественным созданием благоустроенных городов-центров крупных нефтяных районов. В конце 1960-х гг., согласно схемам института «Гипрогор», поддержанным Тюменским обкомом КПСС, центрами нефтяных районов намечались базовые города: Сургут, Урай, Нижневартовск и Южный Балык.

Попытка А. Меньшикова представить интересный факт проживания В. С. Черномырина в течение трех лет в Тюмени в качестве заместителя министра газовой промышленности и руководителя «Главтюменьгазпрома» как доказательство ведущей роли этого города в системе административного управления нефтегазовым комплексом не вполне коррелирует с идеей оптимальности такого размещения ответственного руководителя. В связи с этим сам Виктор Степанович в одном из интервью с присущей ему непосредственностью так говорил об этом: «Я возглавил тюменский главк, будучи в ранге заместителя министра. Уже был москвичом, до этого недолго послужил в ЦК. Но в Тюмень я ехал не на пересидку. Богомя-

ков мне нашел квартиру у Эрвье в его микрорайоне, я перевез семью, у меня сын Алексей в первый класс пошел в Тюмени в 21 школу. Может, школа еще помнит моего разгильдяя? Семья постоянно в Тюмени жила, сам-то я, понятно, мотался по маршруту Надым – Уренгой – Вынгапур – Сургут – Москва – Берлин – далее везде, но как говорится, ночевать возвращался в Тюмень» [6].

Напомним, что расстояние от Тюмени, к примеру, до Сургута – эпицентра нефтегазовых месторождений, составляло по строящейся тогда автомобильной дороге около 800 км.

О Сургуте следует сказать особо. По мнению авторитетного исследователя А. И. Тимошенко, ключевым центром формирующейся урбанизационной системы поселений Сургут выступил в силу того, что аккумулировал значительную часть градообразующих факторов региона, способствовавших стихийному росту и расширению города [7, с.130].

Село Сургут имело ряд несомненных преимуществ перед другими предполагаемыми местами дислокации первоначальной геологоразведки экспедиции Ф. К. Салманова. В то время Сургут являлся самым крупным населенным пунктом выбранной территории разбурирования. Он был районным центром. Все другие населенные пункты, включавшие в себя деревни Юган, Угут, Ачамовы-2, Тюмкины, Каймысовы, Белый Яр, Пилюгино, Сайгатино, Тундрино, располагались на значительном расстоянии друг от друга и насчитывали от 3 до 5 дворов. Часть из них размещалась на реке Малый Юган, которая являлась судоходной только в период высокого стояния вод на протяжении 450 км от устья до деревни Каймысовы. Коэффициент извилистости этой реки был достаточно высок, а ее верховья сильно засорены валежником, карчами и топляком, на ней имелись перекаты, особенно многочисленные в верховьях. Все это сильно затрудняло, а местами делало невозможным судоходство и передвижение плавучих буровых установок на малых реках. Кроме того, возможность поставки ГСМ и продуктов питания с баз Ханты-Мансийска и Колпашева, расположенных по сибирским меркам на сравнительно небольшом расстоянии от Сургута, еще более усиливали административный потенциал будущей метрополии сибирской нефтегазовой провинции [1, д. 30, л. 3–4].

Вызывает интерес точка зрения руководителя предприятия «Главтюменьнефтегаз», Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, организатора нефтяной и газовой промышленности в Сибири В. И. Муравленко (рисунок), который одним из первых пророчески определил роль и место Сургута как центра освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Он убежденно заявлял: «Сургут – отличнейший плацдарм. Сюда мы перебазировем объединение «Тюменьнефтегаз», Трест буровых работ – поближе к производству, к нефтепромыслам. Кстати, тут же обоснуется и дирекция строительства нефтепромысла Усть-Балык-Омск. Здесь же намечается строительство мощной электростанции. Она будет работать на попутном газе. Первая такая в нашей стране» [9, с. 99].

Изучение воспоминаний о многосторонней деятельности В. И. Муравленко свидетельствует о большом профессиональном интересе и глубоком знании Виктора Ивановича истории Сургута. Из них становится известно, что его помощница Галина Ивановна Запорожец обнаружила в фондах библиотеки Тюменского музея целую серию редких старинных книг в «мраморных корочках» и представила их начальнику нового главка. По ночам, урывая время от сна, Виктор Иванович читал эти старые книги. Не просто восторженно, а со знанием дела он заявлял за два года до празднования 375-летия г.Сургута: «Представляю: три и три четверть века! Возраст. Фактор истории. Есть необходимость учесть нам – зачинателям нового нефтяного периода в жизни Сургута. Нам очень надо знать минувший день края...» [9, с. 100].

О масштабах социально-экономического значения, которое придавал Сургуту В. И. Муравленко, свидетельствуют его планы создания города-«кузницы кадров». Он писал: «Учебно-курсовой комбинат в Сургуте есть. Создадим еще профтехучилище, нефтяной техникум. В Тюмени в прошлом году открылся индустриальный институт. А в Сургуте мы организуем его филиал с дневным и вечерним отделениями...». Рассуждая о размещении высших учебных заведений в Сургуте, В. И. Муравленко очень резко высказывался по поводу заявлений некоего Лавренева, попечителя западно-сибирского учебного округа, который в свое время утверждал, что «открытие Томского университета было ошибкой». «Может быть,

жителям Сургута тоже полагается иметь университет? Так что же, нужно открывать университет и в этом месте?» – задавал наследник Фамусова казавшийся ему риторическим вопрос.

«А почему бы и нет! – с оптимизмом возражал своему незримому оппоненту Виктор Иванович. – Придет пора – будет университет и в городе Сургуте» [9, с. 99].

Рисунок. Виктор Иванович Муравленко, организатор нефтяной и газовой промышленности, руководитель предприятия «Главтюменьнефтегаз» в 1965-1977 гг., Герой социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

Следует заметить, что такая авторитетная позиция первого лица нефтяной промышленности края имела большое значение не только для критики архаичного мнения попечителя учебных заведений начала XX века, но и для преодоления консервативной инерции части чиновников и обывателей Сургута, выступавших против создания в нем университета уже в конце XX века. «Сургут станет стольным градом нефтяного Приобья!» – таковым был главный лейтмотив всех выступлений В. И. Муравленко по вопросам перспектив его дальнейшего развития в первой половине 1960-х гг.

Между тем к этому времени геологоразведочная экспедиция Ф. К. Салманова становится самым значимым предприятием в Сургуте. В июне 1961 года ею была заложена скважина Р-62 на берегу реки Юганская Обь возле деревни Усть-Балык Сургутского района. 15 октября 1961 года в 13 часов 35 минут из нее ударил мощный фонтан нефти. В ноябре 1962 года последовало открытие одного из крупнейших месторождений в те годы на Западно-Сургутской площади. О Сургуте единодушно заговорили как о перспективном городе.

В 1963 году в связи с необходимостью перейти с пробной эксплуатации нефтяных и газовых месторождений на их промышленное освоение, НПУ «Тюменьнефтегаз» ликвидируется и создается объединение «Тюменьнефтегаз». На его плечи легла вся организация работ по бурению скважин, обустройству новых промыслов и добыче нефти.

Возглавлять объединение прибыл из Башкирии руководитель самого крупного в стране бурового треста «Туймазабурнефть», достойный большого внимания историков, Арон Маркович Слепян. Буровик по специальности, талантливый руководитель, требовательный к себе и подчиненным, А. Слепян в короткий срок провел большую работу по комплектованию нефтегазодобывающих предприятий квалифицированными кадрами, обустройству промыслов и началу освоения нефтяных и газовых месторождений Тюменской области.

В соответствии с постановлением Совета Министров от 30 января 1964 г. для своевременной подготовки к вводу и разработке нефтяных и газовых месторождений в системе сформированного в 1963 г. объединения «Тюменьнефтегаз» были созданы нефтепромысловые управления «Игримгаз» и «Сургутнефть», а так же Шаимский укрупненный промысел, Усть-Балыкская, Мегионская и Шаимская конторы бурения и ряд других пионерных нефтепромысловых структур [5, с.311].

Нефтепромысловому управлению «Сургутнефть» суждено было сыграть решающую роль в разработке теории и практике освоения подземных кладовых Среднего Приобья. 29 марта 1964 г. Главный геолог управления «Сургутнефть» Р. Ш. Мамлеев в интервью газете «Тюменская правда» сформулировал основную задачу нефтяников: «...в начале июля загрузить сибирской нефтью первые танкеры, обогнать по добыче нефти передовые районы страны и переместить центр добычи в Сибирь...» [8].

Подчеркнем, что Мегионский нефтепромысел № 2, отделившийся от «Сургутнефти» и ставший самостоятельным управлением до конца 1964 г. не смог приступить к буровым работам. Усть-Балыкской конторе бурения, где обосновался первый нефтяной промысел, задания по бурению из-за тяжелейших производственных бытовых условий так же оказались не по силам.

Гораздо успешнее задачи по добыче нефти и отправке ее на переработку решало Сургутское НПУ. 17 мая 1964 года в 18 часов 7 минут скважина № 80 Усть-Балыкского месторождения, смонтированная при поддержке поставок строительных материалов и рабочей силы Сургутского строительно-монтажного участка и местного рыбоконсервного завода дала первую промышленную нефть Западной Сибири, в очередной раз знаменуя второе рождение Сургута. А 26 мая 1964 г. с опережением намеченных сроков Главного инженера управления Р. Ш. Мамлеева от временного причала Усть-Балыка пароход «Капитан» отбуксировал на Омский нефтеперерабатывающий завод караван новеньких нефтеналивных барж [3, с. 64].

В январе 1966 года объединение «Тюменьнефтегаз», под руководством которого было осуществлено это историческое действие, было перебазировано в Сургут. В его системе имелось тогда три треста: «Тюменьнефтегазразведка», «Тюменьнефтегеофизика» и «Тюментехснабнефть» [11].

Расширение масштабов добычи нефти и газа обусловило рождение 12 июня 1965 года исполина, в течение следующих 40 лет осуществлявшего руководство нефтегазовой промышленностью Западной Сибири, – Главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности («Главтюменьнефтегаз»), первым руководителем которого в период с 10 июля 1965 г. – 10 сентября 1965 г. являлся мало известный широкой российской общественности Арон Маркович Слепян [12], занявший чуть позже пост первого заместителя начальника «Главтюменьнефтегаз» легендарного Виктора Ивановича Муравленко, о чем умолчала редколлегия «Делового журнала TMN», публикуя 17 января 2016 г. список «Руководства «Главтюменьнефтегаз» за все годы его существования [2].

После образования «Главтюменьнефтегаз» объединение «Тюменьнефтегаз» во главе с новым начальником Львом Чуриловым и главным инженером Василием Кореляковым встало во главе управлений геофизики, бурения, снабжения и строительства с дислокацией в Сургуте. При этом в Тюмени осталось почти большинство сотрудников «Главтюменьнефтегаз», центральный аппарат которого располагался в здании по ул. Ленина, 67.

В 1977 г., после смерти начальника управления В. И. Муравленко в его структуре было создано самостоятельное производственное объединение «Сургутнефтегаз» с дислокацией в г. Сургуте, а так же «Урайнефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Н-Вартовскнефтегаз» и еще семь производственных объединений с локальным местоположением [11].

Приказом Министерства нефтяной промышленности № 000 от 01.01.01 года, было создано ПО «Сургутнефтегаз» с подчинением «Главтюменьнефтегазу», а 6 апреля 1993 года ПО «Сургутнефтегаз» было зарегистрировано как акционерное общество открытого типа.

В наши дни ПАО «Сургутнефтегаз» представляет собой многопрофильное современное производство по добыче нефти, ведущее разработку на 23 месторождениях общей площадью 17252 кв. км., среди которых четыре крупнейших в Западной Сибири – Федоровское

и Лянторское, Быстринское и Тянское. Более 70 тысяч работников обеспечивают годовую добычу свыше 30 млн тонн нефти и около 8,5 миллиардов кубометров газа. В составе акционерного общества 61 структурная единица. В собственности акционерного общества 21 тыс. скважин, 6,5 тысяч км. трубопроводов, 8 тысяч км. линий электропередач, 3,2 тыс. км. автодорог, 14 тыс. ед. техники. Общество имеет лицензию на право пользования недрами 30 месторождений [11].

Среди крупнейших российских нефтедобывающих компаний на современном этапе можно выделить ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Татнефть». При этом головной офис ПАО «Сургутнефтегаз», в отличие от своих конкурентов, кроме «Татнефти», сохраняет свою домашнюю прописку [12].

Литература

1. Муниципальный архив г. Сургута (МАГС). Ф. 90. Оп.1.
2. Деловой журнал TMN.2016. 17 января.
3. Долгая дорога к нефти. Сургут, 1997. Сургут: Сургутнефтегаз, 2002. 252 с.
4. Меньшиков А. Шагнувшие за Урал: Сибирское летоисчисление началось с Ермака и Тюмени» // Российская газета-Неделя-Урал. № 187(8538).
5. Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 311.
6. Сибирское богатство. 2010. 25 ноября. № 10 (96).
7. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск : Сибир. науч. изд-во. 2009. 174 с.
8. Тюменская правда. 1964. 29 марта.
9. Юрасова М. Юрасова Г. В. И. Муравленко. Свердловск : Среднеурал. кн. изд. 1986. 256 с.
10. URL: <http://энциклопедия – урала.р.ф>.
11. URL: <http://tumentoday.ru> Феникс нефтяного региона. vsluh.ru Тюменьнефтегаз – полувекковая история.
12. URL: <http://souzconsult.com> Крупнейшие нефтяные компании России.

Чижик К. В.
Chizhik K. V.

СОЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОГО ПРОСТРАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СУРГУТА В СЕР. 1960-Х – СЕР. 1980-Х ГГ.

CREATING A CULTURAL AND LEISURE SPACE ON THE TERRITORY OF SURGUT IN THE LATE 1960S – EARLY 1980S.

В рассматриваемый период в силу большого притока населения в Surgut заметно актуализировалась проблема организации культурного досуга прибывающих рабочих и специалистов. В данной статье предпринимается попытка анализа процесса культурного строительства в Сургуте, включающего вопросы создания материальной базы культурно-просветительских учреждений.

Особое внимание уделяется проблемам, препятствующим созданию в городе культурно-досуговой инфраструктуры, в числе которых автор отмечает остаточный принцип финансирования и ведомственный характер управления системой культурно-просветительских учреждений.

During the period under review, due to the large influx of population to Surgut, the problem of organizing cultural leisure of arriving workers and specialists was noticeably actualized. This article attempts to analyze the process of cultural construction in Surgut, including the creation of the material base of cultural and educational institutions.

Particular attention is paid to the problems hindering the creation of cultural and leisure infrastructure in the city, among which the author notes the residual principle of financing and the departmental nature of the management of the system of cultural and educational institutions.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Сургут, досуг, учреждения культуры.

Keywords: Western Siberia, Surgut, Leisure, cultural institutions.

Принимаемые ведомственные программы организации досуга населения в отдаленных от центра новых промышленных городах реализовывалась с заметным отставанием от промышленного и жилищного строительства в них. Потребность в культурно-просветительских учреждениях в Сургуте стал особенно остро ощущаться с 1965 года, когда ему был присвоен административный статус города и она была связана с наличием в городском пространстве домов культуры, кинотеатров, театров, музеев, библиотек, клубов, кружков и других культурных учреждений.

Следует отметить, что в начале рассматриваемого периода на территории города Сургута не существовало каких-либо культурно-досуговых учреждений. Еще в 1950-е гг. в городе были построены и введены в эксплуатацию отвечавшие за досуговую жизнь населения «плохо отапливаемый и неуютный районный дом культуры, старый тесный клуб Рыбконсервзавода» [5, с. 143–145]. В Доме культуры и в клубе рыбаков эпизодически ставились спектакли художественной самодеятельности по произведениям Островского, Чехова, Фонвизина, Корнейчука и других авторов. По воскресеньям и праздникам устраивали танцы под баян, гармошку или струнный оркестр. В теплые летние дни, развлекая обывателей, на улице играл духовой оркестр. В эти годы Сургут оставался, пожалуй, самой поющей территорией Ханты-Мансийского округа. Праздники песен проходили в сосновом бору за больницей, у первого спуска на пойму, на берегу речки Боровой. Там накрывали праздничные столы, вокруг которых собирались все жители села, а на лужайке, где на скорую руку строили сцену, выступал многоголосый хор. Пели весь день. По инициативе комсомольских организаций каждое лето создавались агитбригады. На неводниках да плашкоутах, где на греблях, где на

буксире катера плыли наши «артисты», развлекали рыбаков, покосников – всех, кто работал вдали от дома» [3, с. 65].

В числе досуговых мест в тогда еще рабочем поселке Сургут значился и построенный в 1951 году усилиями бригады плотников Федора Воробьева и Луки Абросимова, техника-снабженца Николая Кайдалова деревянный кинотеатр «Октябрь». [4, с. 171]. Он был, пожалуй, любимым местом, в котором молодые сургутские рабочие могли провести свое свободное время. К началу интенсивного промышленного освоения нефтегазоносной сургутской провинции здание нуждалось в капитальном ремонте.

Однако строительные организации не располагали достаточным финансированием для возведения социальных и культурных объектов и поэтому, по воспоминаниям очевидцев, «кинотеатры строили в приспособленных бараках, а клубы и культурные центры – в складских помещениях» [5, с. 171].

Отставание в строительстве кинотеатров от реальных потребностей оставалось проблемой вплоть до первой половины 1980-х гг. Так в 1974 году лишь один кинотеатр работал в самом городе Сургуте и один функционировал в районе [1, л. 47]. Этот факт говорит о том, как сложно было выполнять поставленные правительством задачи по военно-патриотическому и трудовому воспитанию молодежи в отсутствие кинотеатров и домов культуры. Помимо этого, воспитательной работе в городе препятствовало крайне медленное развитие в регионе телерадиовещания. В первые годы строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса телевизоры у сургутян, как правило, отсутствовали [3, с. 80].

Основываясь на воспоминаниях И. П. Захарова, можно утверждать, что процесс строительства культурных учреждений в Сургуте растянулся на очень долгое время. Вследствие этого, в первые годы нефтегазового освоения Югры подобных объектов хронически не хватало. «Да, в молодом поселке культурных объектов явно недостает: нет Дома культуры, спортзала, читального зала. В будущем, конечно, они появятся. Но разве сейчас можно мириться с тем, что каждодневный досуг ребят выпадает из поля зрения Союза молодежи?» – писал известный краевед. И продолжал: «Основной проблемой было отсутствие финансирования, нефтяные «короли» чуть ли не в голос заявляли: «министерство не выделяет средств на строительство социальных объектов» [3, с. 73].

Тем не менее, для того чтобы построить новые культурные учреждения местные государственно-партийные органы стремились найти источники получения средств. Одним из них являлись отчисления от квартирной и арендной платы, которые поступали в жилищные конторы предприятий, а также отчисления за сданный металлолом, и средства из бюджета профсоюзных организаций на культурное обслуживание общежитий» [3, с. 73].

Такие меры не являлись достаточными, они требовали более централизованного и системного подхода со стороны городской администрации и градостроительных организаций. Поэтому обсуждение проблемы нехватки денежных средств на развитие культурных и спортивных учреждений регулярно обсуждались на заседаниях городского комитета КПСС и Исполкома совета народных депутатов.

Потребовалось время для принятия первых серьезных решений по улучшению состояния развития нефтедобывающих территорий Тюменского Севера со стороны советского правительства. В 1967 г. «Совет по изучению производственных сил при Госплане СССР» и «Межведомственная комиссия по проблемам Севера» признали необходимым комплексно осваивать нефтегазовый регион» [7, с. 30]. Это означало включение строительства объектов культуры в планы дальнейшего развития территорий Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и их соответствующее финансирование.

Исключительно важным документом для решения проблемы строительства объектов культурно-бытового назначения стали «постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» [2, с. 468] и постановление Совета Министров СССР от 21 декабря 1971 г. «О мерах по улучшению застройки городов и рабочих поселков в районах и газовой промышленности» [7, с. 30–31], в которых конкретизировались задачи по ускорению строительства объектов социально-культурного назначения.

Тем самым создавались правовые условия развития сети культурно-просветительских учреждений, решения проблемы нехватки денежных средств, их эффективного распределения, осознания значимости культурных объектов в деле просвещения и воспитания тружеников нефтегазового комплекса.

В конце 1960-х гг. в социокультурное строительство города Сургута активно включился трест «Сургутгазстрой». Первоначальной его миссией являлось строительство объектов нефтяной и газовой промышленности в Сургутском районе. Однако уже на начальном этапе деятельности «Сургутгазстроя» прослеживается его переориентация на строительство объектов инфраструктуры Сургута, решение самых насущных социальных проблем горожан, касающихся жилья, образования, здравоохранения, а также культурно-досуговой деятельности. На рубеже 1960–1970-х гг. «Сургутгазстрой» окончательно утверждается в качестве неформального городского строительного треста. Так, например, в июне 1968 года коллективы строительных управлений СУ-38, СУ-9 и СУ-22 были переведены на строительство широкоэкранный кинотеатра» [4, с. 172].

Участие в возведении объектов социально-культурного обеспечения принимало и Управление строительством ГРЭС [4, с. 175]. В 1976 году в списках Управления строительством Сургутской ГРЭС числился Дом культуры, но он находился лишь на начальном этапе строительства. Доказательством тому является то, что к 1976 году было освоено 294 руб. из запланированных 2229 руб. [4, с. 176].

Однако, как правило, строительство культурных учреждений, особенно Домов культуры, осуществлялось с большим отставанием. Так, например, не соблюдались сроки сдачи Дома культуры «Геолог», Дома культуры «Нефтяник», который строился на протяжении семи лет в 1971–1977 гг., Дома культуры «Энергетик» (1975–1986 гг.)» [4, с. 176].

Становится понятно, что дисперсный подход к решению проблемы нехватки культурно-досуговых учреждений оказался малоэффективным. Различные ведомства, выступавшие в качестве подрядчиков строительства социокультурных объектов, не имели экономической заинтересованности в совместной работе, по-своему решали хозяйственные задачи, постоянно пикировались друг с другом. Поэтому темпы расширения сети клубных учреждений Сургута существенно отставали не только от темпов жилищного строительства, но и от динамики роста населения города.

Вследствие столь неблагоприятной ситуации, к 1975 году существенных изменений в устройстве культурно-досугового пространства г. Сургута и района не произошло. В городе по-прежнему функционировал построенный еще в 1950-х гг. Дом культуры, клуб Рыбконсервзавода и единственный кинотеатр «Октябрь», который просуществовал до 1988 года и был снесен.

Таблица 1

**Культурно-досуговые учреждения Сургута
и Сургутского района в 1975 году: [1, л. 47]**

	Государственные		Профсоюзные	
	город	район	город	район
Дома культуры	1	10	3	1
Клубы	-	9	3	3
Библиотеки	3	14	6	1
Кинотеатры	1	1	-	-
Музеи	1	-	-	-
Муз. Школ и др.	2	3	-	-

После тщательного изучения состояния развития культуры Сибири и Дальнего Востока, в 1979 г. Министерством культуры РСФСР по Северу Западной Сибири было принято решение о создании координационного совета, призванного заниматься исключительно проблемами Тюменской области [7, с. 94].

В сентябре 1981 г было принято совместное постановление коллегий Министерства культуры РСФСР, Госкино РСФСР, Госкомиздата РСФСР, президиумов ЦК профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности и ЦК профсоюза работников культуры «О состоянии и мерах улучшения культурного обслуживания трудящихся Тюменской области в свете решений XXVI съезда КПСС». В постановлении предусматривалось создание комплексного плана развития отрасли культуры в области на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г. совместно с отделом планирования и развития социальной инфраструктуры Межведомственной территориальной комиссии по вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса при Госплане РСФСР. В качестве основных направлений деятельности предполагалось создание крупного культурного центра в г. Тюмени и региональных центров в г. Сургуте, Нижневартовске, Надыме и Новом Уренгое, ставилась задача довести до нормативного уровня показатели обеспеченности населения ресурсами культурного обслуживания [7, с. 94].

Несмотря на это, в первой половине 1980-х гг. проблемы финансово-материального обеспечения строительства новых объектов культуры на территории города Сургута так и не были преодолены. Одной из причин этого сегодня принято считать падение мировых цен на нефть. Так или иначе, в сургутской городской застройке в конце рассматриваемого периода появлялись все новые долгострои. Ярким примером этому стало строительство Дворца молодежи, который по замыслу должен был стать центром культурно-досуговой жизни молодых сургутян [6, с. 91].

В совокупности в период с 1965-х по 1985-е гг. было принято множество решений на правительственном уровне для улучшения и развития условий организации досуговой жизни молодежи в Советском Союзе. В постановлениях ЦК КПСС совместно с Советом Министров СССР и Министерством культуры РСФСР регламентировалась работа музеев, развитие туристической деятельности, усиливалась роль советского кинематографа в воспитании нравственных и идеологических ориентиров советской молодежи.

Вместе с тем, реализовать выбранную советским правительством политику на местах было достаточно сложно. Ярким примером этому была ситуация в новых развивающихся нефтегазодобывающих центрах Западной Сибири, в нашем случае в г. Сургуте. На этой территории молодое население столкнулось с отсутствием условий для проведения досуга. В начале рассматриваемого периода существовали малочисленные объекты культурного назначения, типа Дома культуры, кинотеатра и пары клубов. Но к 1965 году они уже не соответствовали требованиям и с трудом выполняли свои функции. Требовалась срочная реконструкция старых учреждений и строительство новых, рассчитанных на большую вместимость. Тем не менее, из-за хронической нехватки денежных средств процесс их возведения растянулся на долгие годы. Финансовые средства, которые выделялись на освоение всех сфер жизни в новом регионе, распределялись неравномерно, культурно-просветительское направление, по-прежнему, не являлось приоритетной частью государственной политики освоения нефтегазовых богатств региона. В этой связи появляются долгострои, сроки ввода Домов культуры или каких-либо спортивных сооружений регулярно откладывались. Таким образом, большинство культурных объектов в Сургуте начинает появляться лишь в конце рассматриваемого нами периода, исходя из чего мы делаем вывод, что исчерпывающих социально-экономических условий для досуговой жизни молодежи создано не было.

Литература

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1522. Оп. 2. Д. 15. Л. 47.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... Т. 11. – М., 1986. С. 468.
3. Нам выпала судьба такая... Сургут ; Екатеринбург : Уральский рабочий, 2010. С. 73.
4. Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут : Дефис, 2015.
5. Прищепа А. И. Строительство учреждений культуры в Сургуте в 1960–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искус-

ствование. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 4 (66). Ч. 1. С. 143–145.

6. Сургутский государственный университет: 25 лет пути : моногр. / Авимская М. А. [и др.] ; под общ. ред. Д. В. Кирилюка ; Сургут. гос. ун-т. Сургут : Печатный мир. С. 91.

7. Ташлыкова М. И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири: 1965–1991 гг.: дис....канд. ист. наук. Сургут, 2006 г. С. 27.

Юдакова В. С.
Yudakova V. S.

ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИКИ РУССКИХ ГОРОДОВ И ОСТРОГОВ СИБИРИ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОПЫТА

POTTERY STUDY OF THE RUSSIAN CITIES AND OSTROGS OF SIBERIA: SYSTEM OF RESEARCH'S EXPERIENCE

В работе приводится попытка систематизации опыта изучения керамических комплексов русских городов и острогов Сибири. При анализе ключевых вопросов, фигурирующих в исследованиях, выделяются как условно общепринятые принципы работы с материалом, так и специфические принципы и интерпретации.

The article considers systemization of Siberian pottery study of the Russian cities and ostrogs. Analysis of key issues of reviewed research highlights not only common principles of finding's processing, but some peculiar principles and interpretations.

Ключевые слова: керамика, русские города и остроги, Сибирь, историография, систематизация.

Keywords: pottery, Russian cities and ostrogs (fortresses), Siberia, historiography, systemization.

В истории изучения русской керамики первых сибирских городов и острогов исследователи классифицировали керамические коллекции по морфологическому и / или технологическому признаку, используя прежде всего аналогии и разработанные на европейской части России классификации и типологии, что вызвано привнесением русских гончарных традиций переселенцами «из Руси». На этапе накопления материала авторы отмечают следующие актуальные вопросы: конкретизация типологических признаков и, следовательно, типологии сосудов, выявление признаков для хронологической классификации и возможность установления влияния местных традиций в гончарном производстве, а также существование местных гончарных производств в определенные периоды. Для полноценного понимания ранее отмеченных вопросов необходимо систематизировать опыт исследователей.

Начать следует с основного вопроса – вопроса классификации. Он занимает центральное место в работах, так как является неотъемлемой частью характеристики керамической коллекции. В течение десятилетий исследований различных археологических памятников Сибири в историографии фиксируется множество подходов к данному вопросу. В зависимости от полученного археологического материала авторы выделяли определенные признаки для его классификации, в основном используя морфологический и технологический принципы (табл. 1 [4, 8, 7, 6, 5, 10, 1, 3]). Необходимо отметить, что количество выделенных элементов классификации во многом зависит от памятника, его расположения, типа и периода существования. В итоге, опираясь на данные приведенных классификаций, можно выделить как общепринятые основные объекты согласно признаку «по форме» – это горшки, сковороды и миски, так и встречающиеся часто – корчаги, банки, кувшины, умывальники, редко – тарелки, жбан, горшки со сливом, тазы, блюда, кубышки, горшочки, чашечки, солонки, аптекарские и технические сосуды. Наиболее подробно приводится описание горшков, в данном случае среди характеристик фигурируют формы верха венчика, расположение венчика, горловины, плечика, «раздутость» тулова. Отдельно авторы классифицируют способ обжига, обработку внешней поверхности и сырье, из которого изготовлен сосуд и с которыми чаще всего связано хронологическое распределение.

В контексте проблемы классификации и типологии, отдельного рассмотрения заслуживают работы Л. В. Татауровой, где обращается внимание не только на типологизацию как ко-

нечного результата, но и терминологию, употребляемую для этого. Исходя из дополнительных источников изучения конкретно русской керамики – документальных, этнографических и художественных материалов, исследовательницей предложено центральным признаком обозначить назначение изготовления сосуда, обуславливающее его форму и технологию изготовления. Составленная на основе этнографических коллекций подробная типология представляет большой интерес для апробации на археологических керамических коллекциях [12, 13].

Переходя к следующему вопросу – проблеме хронологической классификации стоит обратиться к работе К. О. Соповой, посвященной освещению опыта исследователей относительно выделения хронологических маркеров керамики. Автором приведено описание критериев, используемых при построении хронологических колонок исследователями Западной Сибири, а также их сравнение с работами по европейской части России. Исследовательница делает вывод об использовании комплексного анализа в отличие от распределения на основе отдельных признаков сосудов, выраженных особенностями конструирования венчиков, морфологии сосудов или цвета фрагментов [11].

Обращаясь не только к керамике как полноценному источнику, но и к контексту ее залегания, авторы акцентируют внимание на вопросе аргументации наличия или отсутствия местного производства. Исследователи Мангазеи, проводя прямые аналогии с коллекциями московской керамики XVII в. и акцентируя внимание на малой насыщенности культурного слоя керамикой и необнаруженных следах производства, заключают об отсутствии гончарного ремесла в городе [5, с. 37]. Позднее Г. П. Визгалов и С. Г. Пархимович доказывают обратное, в большинстве своем керамическая коллекция местного производства, на что указывают насыщенность керамикой культурного слоя и результаты спектрального и комплексного технологического анализов [7, с. 87, 116–118]. В свою очередь, на территории Усть-Тартасского форпоста исследователи выделяют гончарное ремесло как местное производство, уточняя, что оно находилось в переходном состоянии от домашнего уровня к ремесленному [9, с. 181; 7, с. 157]. Наиболее конкретно признаки собственного гончарного производства выделены О. М. Аношко и Т. В. Селиверстовой на базе исследований Верхнего посада г. Тобольска: 1) насыщенный фрагментами керамики культурный слой; 2) стандартизация технологии и морфологии сосудов; 3) обнаружение клейм; 4) фиксация остатков печей и брака в них [1, с. 89].

В контексте местного производства в городах и острогах Сибири следует обратиться и к территории дальнего востока. А. Р. Артемьев в своей диссертации, описывая занятия населения городов и острогов Забайкалья и Приамурья, также выносит гончарное производство в отдельную отрасль. Отсутствие описанных типов керамики Мангазеи, относимых к позднесредневековой керамике европейской России (бегоглиняная, чернолощенная, краснолощенная, поливная) в совокупности с браком, как заключает А. Р. Артемьев, свидетельствуют о местном производстве в Албазинском остроге [2, с. 319]. Аналогичный вывод сделан по материалам Нерчинска, подробно проанализированным Н. Г. Артемьевой, но в дополнение отмечается, что параллельно ремеслу небольшой процент керамики ввозился (чернолощенная керамика), а также производился местным населением кустарно (сосуды, изготовленные без применения гончарного круга) [2, с. 323–324].

Продолжая тему местного производства русской керамики, исследователи редко поднимают вопрос влияния гончарных традиций аборигенного населения Сибири на производство, привнесенное русскими. Можно отметить работу Б. В. Мельникова, который, ссылаясь на предположение А. В. Новикова, с местными традициями связывает сосуды с рядом насечек и округлыми вдавлениями, обнаруженные на Черталинском 1 поселении [8, с. 45; 9].

Таким образом, анализ литературы показывает, что на современном этапе изучения материальной культуры русских, в частности самого массового источника – керамических сосудов, каждый из актуальных вопросов имеет достаточное количество материалов, для его решения в последующем. На данный момент аргументация в пользу существования местного производства в русских городах и острогах имеет широкую базу источников, которые убедительно доказывают изготовление сосудов, а не полное обеспечение керамическими изделиями из европейской России. Проблемы унифицированной классификации и определения хро-

нологических признаков остаются ключевыми в исследованиях. Отмечается несколько общих элементов, описывающих значительно преобладающие группы керамических коллекций, но также авторы используют термины, которые синонимичны или не имеют аналогов у других исследователей.

Таблица 1

Классификации керамического материала по морфологическому признаку

Автор	Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.	Мельников Б.В.	Колонцов С.В., Воробьев А.А.	Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.	Боброва А.И., Ушакова И.В.	Пархимович С.Г.	Аношко О.М., Селиверстова Т.В.	Балюнов И. В.
Памятник	Мангазея	Общесибирские данные	Усть-Тартасский форпост	Мангазея	Томский город. Нижний острог.	Березовское городище	Тобольск. Верхний посад.	Тобольск
горшки								
сковороды					сковороды- тарелки			
миски			чашки- плосшки		чашки- миски			
корчаги								
банки			сосуды бан. формы					
кувшины			сосуды кувшин. формы					
умывальники								рукомой- ники
чернильницы								
тарелки								
жбан								
горшки со сливом								
тазы								
блюда								
кубышки								
горшочки								
чашечки								
солонки								
аптекарские сосуды								
технический сосуд								

Литература

1. Аношко О. М., Селиверстова Т. В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории верхнего посада г. Тобольска // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 7. С. 80–90.
2. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования). дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06. Владивосток, 1997. 459 с.
3. Балюнов И. В. Тобольская керамическая посуда конца XVI–XVII века: опыт классификации // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2018. Т. 17, № 5 : Археология и этнография. С. 121–125.
4. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.

5. Боброва А. И., Ушакова И. В. Томский город. Нижний острог. Русская неполивная керамика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2008. С. 148–155.
6. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург-Нефтеюганск : Маггелан, 2008. 296 с.
7. Колонцов С. В., Воробьев А. А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 154–158.
8. Мельников Б. В. Гончарная керамика археологических памятников Сибири XVII–XVIII вв. // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996. С. 43–45.
9. Новиков А. В. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука, 1990. С. 175–181.
10. Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2008. С. 251–262.
11. Сопова К. О. Проблемы изучения и хронологии славяно-русской керамики X–XVIII веков: опыт исследования // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2021. Т. 20. № 7 : Археология и этнография. С. 37–47.
12. Татаурова Л. В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. 1998. Т. 3. С. 88–123.
13. Татаурова Л. В., Захарова А. В. Некоторые проблемы изучения позднесредневековой керамики // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996. С. 46–48.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артеменко Роман Васильевич – ассистент кафедры Истории России Сургутского государственного университета

Artemenko Roman Vasilyevich – assistant of pulpit of Russian history of the Surgut state University

E-mail: roman-artyomenko@yandex.ru

Билль Марис Владиславович – руководитель проектов отдела сопровождения кредитного портфеля проблемной задолженности и реализации непрофильных активов юридических лиц

Maris V. Bill – project manager of the department of support of the loan portfolio of problem debts and the sale of non-core assets of legal entities

E-mail: marisbill@yandex.ru

Веселов Севостьян Игоревич – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Sevostyan I. Veselov – Cand. Sc. (History), Senior Lecturer of the Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: veselov_si@surgu.ru

Задорожная Ольга Анатольевна – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Olga A. Zadorozhniya, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: zadorozhniya.olga@yandex.ru

Ищенко Оксана Владимировна – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Сургутский государственный университет

Oksana V. Ischenko – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management and Personnel Management, Surgut State University

E-mail: iovfu@yandex.ru

Кирилюк Денис Валериевич – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Сургутский государственный университет

Denis V. Kirilyuk – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: denkirilyuk@yandex.ru

Корженевский Константин Брониславович – преподаватель кафедры истории России и документоведения, Нижневартровский государственный университет

Konstantin B. Korzhenevsky – Lecturer of the Department of Russian History and Documentation, Nizhnevartovsk State University

E-mail: KOnstantin_Lg@mail.ru

Красовитова Эльвира Сергеевна – учитель истории МБОУ СШ № 9 г. Сургут

Elvira S. Krasovitova – teacher of history and social studies in the municipal budgetary educational institution secondary school № (number) 9.

E-mail: KrasovitovaElvira@yandex.ru

Кузнецова Анастасия Александровна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Anastasiya A. Kuznetsova – Cand. Sc. (History), Senior Lecturer of the Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: smirnova_aa@list.ru

Курская Анастасия Евгеньевна – студент магистратуры Сургутского государственного университета.

Anastasiya E. Kurskaya – master's degree student at Surgut State University

E-mail: kurskaya_ae@edu.surgu.ru

Легостаева Анастасия Юрьевна – учитель МБОУ СОШ № 19 г. Сургута

Anastasiya Yu. Legostaeva – teacher of the municipal budgetary educational institution secondary school № (number) 19 of Surgut.

E-mail: anastasija-me0@rambler.ru

Лешукова Елена Владимировна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России БУ ВО «Сургутский государственный университет»

Elena V. Leshukova – Cand. Sc. (History), Senior Lecturer of the Department of Russian History of the Surgut State University

E-mail: elena.surgut.777@gmail.com

Медведев Владислав Валентинович – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет

Vladislav V. Medvedev – Surgut State Pedagogical University, Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Education

E-mail: vlad.etno@mail.ru

Прищепа Александр Иванович – д-р истор. наук, профессор, профессор кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Aleksandr I. Prischepa – Holder of an Advanced Doctorate (Doctor of Science) in Historical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: aiprishepa@yandex.ru

Чижик Кристина Владимировна – ассистент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Kristina V. Chizhik – Assistant of the Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: chizhik-kv@yandex.ru

Юдакова Владислава Станиславовна – лаборант Тюменского научного центра Института проблем освоения севера Сибирского отделения Российской академии наук

Vladislava S. Yudakova – Laboratory assistant of the Tyumen Scientific Center of the Institute of Problems of Development of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: slava.yudakova@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: ys@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все статьи проверяются на плагиат.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Anna I. Ivanova – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет).

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32
89221234567

печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
2. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится. Желательно, чтобы в названии статьи прозвучали ключевые слова по теме, это значительно повышает ее шансы быть процитированной.
3. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется. Использование аббревиатур не допускается.
4. Ключевые слова (3-6 слов) на русском и английском языках.
5. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
6. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

////////////////////////////////////

Образец оформления статьи

Белоглазова Т.В., Ставрук М.А.
Beloglazova T.V., Stavruk M.A.

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Keywords: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

////////////////////////////////////

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в порядке цитирования.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы и библиографических ссылок

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).
2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайн сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml? page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).
3. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.
4. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.
5. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.
6. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.
7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.
8. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

9. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Указываются фамилии всех авторов такого документа в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на архивные документы

10. Гущин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

11. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

12. Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381.

13. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

14. Лонгинов М. Н. Письма (9) С. Д. Полторацкому, 1857–1860 гг. // ОР РНБ. Ф. 603 (С. Д. Полторацкий). Д. 145. 15 л.

15. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 305. Л. 32–35. – Копия.

16. ЦГА Армении. Ф. 815. Оп. 1. Д. 27. Л. 13. – Мкоп. из лич. арх. Н. Н. Алихова.

17. Доклад начальника Главного управления по делам печати Н. Татищева министру внутренних дел, 1913 г. // РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 188. Л. 307. – Оpubл.: Машкова М. В., Сокурова М. В. Из истории возникновения «Книжной летописи» // Сов. библиогр. 1957. № 47. С. 19.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 2 (48)
2021

Подписано в печать 16.12.2021 г. Дата выхода в свет 22.12.2021 г.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 8,4
Тираж 100. Заказ 336

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
(3462) 762-988

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Цена свободная